

Секция XVIII.

Социолингвистика и лингвокультурология

О первых томах контактологического словаря славянских языков, посвященных влиянию русского языка

Й. Айдукович

Белградский университет (Сербия)

ajdukovic@mail.ru

Контактологический словарь славянских языков, адаптация болгарских контактолексем под влиянием русского языка

Summary. The «Contactological Dictionary of Slavic Languages» gives a description of adaptation of contactological units. «The Bulgarian Contactological Dictionary of Adaptation of Contact-Lexemes under Russian Influence» contains more than 8,120 contact-lexemes under the dominant Russian influence. The uniqueness of this dictionary can be seen in the fact that its concept is based upon the works of Belgrade-Zagreb school of linguistics contactology.

Первые контактологические словари адаптации контактолексем появились в Хорватии и Сербии в 90-е годы XX века. Хорватский контактолог Рудольф Филиппович был автором первого словаря адаптации англицизмов в хорватском или сербском языке [2]. Первый контактологический словарь адаптации русизмов в одном из славянских языков издан в Белграде в 1997 году. Этот словарь опубликован в качестве приложения к нашей монографии под названием «Русизмы в сербскохорватских словарях. Принципы адаптации. Словарь». Еще в конце XX века автором данной статьи была выдвинута идея создания контактологического словаря славянских языков. В 2004 году в печать вышло предварительное издание будущего словаря под названием «Контактологический словарь адаптации русизмов в восьми славянских языках». Уникальность словаря состоит в том, что впервые предпринята попытка собрать и проанализировать лексику, относящуюся к русизмам в широком понимании этого слова в большинстве славянских языков. Уникальность проекта состоит еще и в том, что в словаре применены специально разработанные унифицированные модели, позволяющие следить за состоянием контактологической адаптации контактолексем [1]. Особую ценность, на наш взгляд, представляет довольно хорошо развитая терминология лингвистической контактологии, которая наиболее полно и точно отражает иерархическое расположение единиц разных уровней. Более десяти лет мы вырабатывали и уточняли метаязык лексикографического описания контактологических процессов. В словаре все контактолексемы приведены в словарной форме согласно исследуемым лексикографическим источникам. С другой стороны, в нем лишь отчасти фиксируется стилистическая характеристика слов. Он также содержит ряд случайных ошибок или опечаток, которые будут устранены при подготовке следующего издания.

В связи с развитием метаязыка лингвистической контактологии и накоплением лексикографического опыта, на сегодняшний день в современной славистике назрела необходимость в создании многотомного контактологического словаря славянских языков. В 2002 году мы ввели в научный оборот термин «контактема», под которым подразумеваем контактологическую единицу любого языкового уровня, или, точнее, активированный и / или отображаемый элемент доминирующего языка-источника в языке адресате на определенном языковом уровне. В последних работах мы используем вместо традиционных терминов «заимствование» и «русизм» термины «контактолексема» и «контактолексема под русским влиянием», потому что они вполне ясно указывают на способность языковых единиц подвергаться контактологической маркированности. Термины «контактолексема», «контактофраза» и «дискурсивная контактема» стали для нас основными единицами анализа в лексической, фразеологической и дискурсивной контактологии. Следовательно, центральное место в нашем исследовании занимают процессы активации и отображения контактологически маркированных фонем, графем, морфем, слов, граммем, сем, словоформ, словообразовательных ти-

пов, фразем, элементарных дискурсивных единиц и др. При проведении работ по данной тематике мы пришли к двум главным выводам: во-первых, лингвистические процессы возбуждения латентных мест и пополнения пустых мест под влиянием русского языка не приводят к структурным изменениям славянских языков; внутренние структурные изменения славянских языков, как правило, порождаются внешними или экстралингвистическими тенденциями; во-вторых, контактемы обладают способностью варьировать контактологические характеристики, то есть, иначе говоря, менять контактологический признак в зависимости от воздействующего на них языка. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что наиболее важной задачей контактологического словаря адаптации контактолексем является представление адаптации лексических единиц в виде формальной системы. Посредством формализации контактологических процессов на всех языковых уровнях, мы намерены выявить определенные закономерности и тенденции в поведении контактологических единиц.

Первый и второй тома посвящены адаптации болгарских контактолексем под влиянием русского языка, а третий и четвертый тома — адаптации македонских и сербских контактолексем. Нашими основными авторитетными источниками служат ныне существующие толковые словари, словари иностранных слов, исторические словари и специальные словари (например, словари терминов, словари синонимов и др.). В случае необходимости в словаре приводится текст употребления контактолексем в произведениях художественной, переводной, научно-популярной литературы, а также в периодике. Трудность составления контактологического словаря адаптации контактолексем под влиянием русского языка заключается в том, что до сих пор в южной славистике не разработаны общепринятые, качественные или количественные критерии и процедуры для идентификации русизмов. По этой причине мы приняли решение по возможности полно представить в первом и втором болгарском томах контактолексемы, которые в исследуемых лексикографических источниках и научных трудах интерпретируются как русизмы. Исходя из нашего опыта, вторую и гораздо меньшую группу составляют слова, отмеченные нами как контактолексемы под влиянием русского языка.

По окончании работы по описанию различных аспектов адаптации контактолексем во всех славянских языках мы приступим к составлению контактологического словаря адаптации контактофразем под влиянием русского языка. Мы надеемся, что ученики и последователи белградско-загребской контактологической школы изучат и опишут адаптацию контактолексем и контактофразем под английским, турецким, французским, немецким, польским, сербским и др. доминирующими языковыми влияниями.

Литература

2. Filipović R. Anglicizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku: porijeklo-razvoj-značenje., Zagreb, 1990.
1. Айдукович Й. Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизама. Београд, 2004.

О русских заимствованиях в литературном турецком языке

М. Алиева Есен

Улудагский университет (Бурса, Турция)

minaraesen@my.net.tr

Заимствованные слова, русский язык, турецкий язык, анатолийские диалекты

Summary. The present study focuses on the Russian words which have entered the Turkish vocabulary. These words entered the Turkish language generally after the Russian-Turkish War (1976–1977). It can be observed that Turkish words entered the Russian language and Russian words entered the Turkish language due to the language interaction among the Turkish people and Russian immigrants living together in North-east and Eastern Turkey. This study reveals that the Russian loanwords used in Turkish can be traced in the dialects of Kars, Erzurum, Iğdır and Erzincan.

Русско-турецкие международные, культурные, экономические, политические и военные взаимоотношения имеют древнюю историю. В этих взаимосвязях русский язык взаимодействовал с тюркскими, в том числе турецкими словами, турецкий язык как и другие тюркские языки своевременно заимствовал русские слова, а точнее русизмы.

Изучение процесса языковых контактов требует тщательного анализа соответствующих фактов, которые определяют принцип развития языка и принятия во внимание того значения, которое имеет их изучение или исследование для научной истории языка, для определения исторических взаимоотношений между Россией и Турцией, потому как языковые параллели дают нам основания говорить об их взаимовлиянии, о сродстве, о территории обитания, — ведь все это приобретает в результате дальних и длительных контактов.

В докладе раскрываются слова заимствованных в турецком языке. Эти слова были взяты основным после русско-турецкой войны 1976–1977 годов. После оккупации турецких земель русской армией до окончания первой мировой войны, здесь жили русские переселенцы а также существовала военно-административная система России. Таким образом совместная жизнь, с языковой точки зрения оставила свой оттенок на восточно-анатолийских диалектах, т. е. на карском, ыгдырском, эрзурумском, эрзинджанском и др.

Как сказано выше доклад посвящен русским словам, которые вошли в лексическую систему турецкого языка и в его диалекты. В качестве источника материала используется «Турецкий словарь», составленный коллективом авторов под общим руководством Халюк Шюкрю Акалына и собранный материалами диалектов и говоров турецкого языка, собранный видным тюркологом Ахмет Джафероглу. Например: *kalos / galoş* (< рус. *галуши*), *sapıh* (< рус. *canoз*), *voika* (< рус. *водка*), *genfit* (< рус. *конфета*), *kartol* (< рус. *картофель*), *istol* (< рус. *стол*), *istikan* (< рус. *стакан*), *lapatga* (< рус. *лонатка*), *semaver* (< рус. *самовар*), *kevret* (< рус. *кровать*), *saldat* (< рус. *солдат*), *bolk* (< рус. *полк*), *bolgonik* (< рус. *полковник*), *duma* (< рус. *дума*), *sovhoz* (< рус. *совхоз*) и т. д.

Изучением русских слов в турецком языке друг друга дополняет и раскрывает лексико-семантический мир, континиум обоих языков.

Литература

1. Bican Ercilasun Ahmet. Kars İli Ağızları. Ankara, 1983.
2. Caferoğlu Ahmet. Kuzeydoğu İllerimiz Ağızlarından Derlemeler. Ankara, 1994.
3. Caferoğlu Ahmet. Anadolu Ağızlarından Toplamalar. Ankara, 1994.
4. Caferoğlu Ahmet. Doğu İllerimiz Ağızlarından Toplamalar. Ankara, 1995.
5. Türkçe Sözlük. Ankara, 2005.

Проблема функционирования русского языка в постсоветском пространстве

Б. Г. Ахметшин

Башкирский государственный университет (Уфа)

kafedrararf@mail.ru

Статус русского языка в России и за ее пределами, особенности его функционирования в мировом языковом пространстве

Summary. Early in 1990s when the Soviet Union collapsed “parade of sovereignties” started in the Union Republics, it might seem that the Russian language would be displaced both in the national autonomies and in the newly formed independent states. However, this hasn't happened and the positions of Russian in this country and in all its subjects are firm and stable despite separate destructive intentions and activities.

Русский язык по выполняемым им функциям входит в число мировых языков, является официальным и рабочим языком ООН и других международных организаций (Юнеско, Совет Европы и др.). Несомненная действенная роль русского языка в мировом пространстве определяется тем, что это язык великой культуры, в нем нашла отражение многовековая история русской цивилизации. Сердцем этой культуры является, по выражению Томаса Манна, «священная русская литература» (М. Л. Ремнёва). Русская литература в России и за ее пределами всегда воспринималась как важнейшая часть мировой культуры и средоточие духовно-нравственных ценностей.

На территории Российской Федерации на русском языке говорят не только в быту, на работе, он является также официальным языком государства, языком науки и культуры. Кроме того, в автономных образованиях у каждого коренного народа этих республик функционирует наряду с русским свой государственный язык.

Социальный статус и сфера использования русского языка за пределами России, особенно в странах СНГ, неоднородны и неравнозначны.

В образовательной системе государств, не считая Россию, русский язык наделен большими полномочиями, что связано с его официальным законодательным статусом, степенью употребляемости, традициями изучения, уровнем лингводидактической разработанности применительно к конкретному национальному контингенту. Так, за пределами России русский язык изучается: в качестве: а) государственно-

го, б) родного, в) неродного; г) иностранного (для граждан государств дальнего зарубежья). А в образовательной системе государств дальнего зарубежья он изучается как: а) первый иностранный язык, б) второй иностранный язык и т. д.

Конкретные особенности процесса деруссификации определяются помимо субъективных намерений той или другой стороны объективной ситуацией. Снизить роль русского языка легче там, где титульная нация значительно преобладает, а русскоязычное население не очень многочисленно (Литва, Грузия, Армения, Туркменистан). В ряде государств этот процесс замедляется преобладающей ролью русскоязычных кадров в ключевых областях экономики и особенно — промышленности: в частности, к моменту получения Узбекистаном независимости на Ташкентском авиазаводе узбеки составляли 1% работников. Сами новые национальные языки были развиты неодинаково: некоторые из них до 1981 г. никогда не использовались в области техники или в армиях современного типа. Наконец, не надо забывать и культурные факторы. Для России не может исчезнуть давняя традиция, при которой русский язык и русская культура служили связующим звеном с внешним миром, в частности с Западом.

Часто эти естественные процессы искусственно ускоряют, что особенно ощутимо в Латвии и Эстонии. Не случайно в Узбекистане жесткий, скопированный с прибалтийских образцов Закон о языках (1989), реально никогда не действовавший, вынуждено было отменить само государство (1996).

Таким образом, проблема функционирования русского языка на данном этапе его развития приобретает по крайней мере трехаспектный характер. По-разному она проявляется и решается в России, в «ближнем зарубежье» и в остальном мире.

У нас в стране, за исключением отдельных регионов, позиции русского языка остаются прочными. В начале 1990-х, когда во всех союзных республиках развернулся «парад суверенитетов», могло показаться, что он начнет вытесняться и в национальных республиках России так же, как во вновь образованных независимых государствах. Однако этого не произошло: в государстве Российском независимо от чьих-либо деструктивных намерений и действий сохраняется жизненно необходимая и вполне оправданная потребность в экономическом, политическом, культурном и языковом единстве. К этому добавляется и большой процент русскоязычного населения во многих республиках.

Как видим, последнее десятилетие XX века ознаменовалось для русского языка отнюдь не самыми благоприятными процессами и тенденциями. Падение престижа России как сверхдержавы, утрата ею былого международного авторитета привели к резкому ослаблению позиций одного из шести мировых языков, каковым является русский. Это обстоятельство, осложненное сложившейся в нашей стране ситуацией, не могло не отразиться и на отношении к нему в самой России. Открытое и явное пренебрежение нормами литературного языка, прежде всего в области лексики, особенно среди молодежи, приобретает характер откровенного языкового бескультурья.

Хотя русский язык переживает сейчас не лучшие дни своей истории, тем не менее, думается, нет оснований для пессимизма и излишней драматизации того, что происходит с ним на данном этапе его развития. В «великом, могучем русском языке» (И. С. Тургенев) и созданной на нем литературе заложены такие потенциальные возможности и глубокие духовные и нравственные ценности, которые превращают их, по словам К. Маркса, «в незаменимое оружие в жизненной борьбе». Как писал Ф. Энгельс, «русский язык...

всемирно заслуживает изучения и сам по себе как один из самых сильных и богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы». И в наши дни к ним приковано пристальное внимание мировой общественности. В них справедливо видят духовную опору для созидательной деятельности и гуманизации человеческих отношений. Не только специалисты, но и многие политики и государственные деятели отчетливо осознают, что русский язык и литература являются способом сохранения огромных духовных ценностей, созданных нашей культурой, и мощным фактором преодоления накопившихся в мире противоречий. Об этом свидетельствуют Федеральная целевая программа «Русский язык», принятая в 1996 году, недавно утвержденный Правительством России перечень мероприятий по ее реализации в 2002–2005 годах, регулярно проводимые Конгрессы МАПРЯЛ, а также состоявшиеся Международные конгрессы «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ, март, 2001, 2004), Международные научные конференции «Язык и культура» (РАН-МИИЯ, сентябрь 2000, 2003, 2005, 2007), «Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом» (МГУ, декабрь, 2001), «Сравнительное изучение литератур: теоретические аспекты» (МГУ, декабрь, 2001) и др. Авторам этих строк довелось принять участие в большинстве названных научных форумов и воочию удостовериться в том, что интерес к языку и литературе великой нации и к их современной жизни поистине огромен и продолжает оставаться в центре внимания мирового сообщества.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Наиболее полнокровное и конкретное восприятие нами прошлого происходит через искусство и больше всего через литературу». Особенно это важно на современном этапе, когда русскому языку возвращается его былое значение языка международного общения, а русской литературе — феномена в истории мировой культуры. Они и впредь будут участвовать в преобразовании и совершенствовании действительности и нести миру яркий свет гуманистических идей.

Лингвокультурная специфика русской речи в иноязычном окружении

В. Н. Белоусов

Московский государственный лингвистический университет; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

vyach_belousov@mail.ru

Русский язык, иноязычное окружение, лингвистические особенности

Summary. *Linguo-cultural specificity of Russian speech in another language environment.* The paper deals with some linguistic features of the Russian language in multilingual society. While in contact with other national languages the Russian language, both as native and nonnative, acquires an array of specific properties. Their qualitative and quantitative analysis gives the scholar enough ground to raise the problem of formation of local (regional, national) variants of the Russian language.

Разработка и внедрение современных подходов к изучению феномена межкультурной коммуникации, в основе которых лежит классическая триада «этнос — язык — культура», обусловили необходимость описания новых языковых состояний в многонациональных государствах. Русский язык до сих пор не забыт в дальнем зарубежье, достаточно широко употребляется он в качестве родного и неродного и на большей части постсоветского пространства. Однако условия его употребления и изучения за пределами России в последние десятилетия претерпели серьезные изменения.

Разумеется, функционирование русского языка как родного в иноязычном окружении привело к развитию в нем целого ряда характерных устойчивых черт, совокупность которых со временем может приобрести даже статус узальной нормы. Еще больше этих специфических черт, не представленных в национальном русском языке, фиксируется в русском как неродном.

Исследование реального функционирования русского языка как родного и неродного в иноязычном окружении неразрывно связано с его качественными характеристиками. Поэтому важной проблемой представляется изучение лингвокультурной специфики русской речи в условиях иноязычного окружения. Наряду с этим встают также и проблемы выявления и преодоления национально-культурного акцента, поскольку в зависимости от его качественных и количественных характеристик в межнациональном общении вполне реальны коммуникативные неудачи. Это очень

ярко иллюстрирует, например, фрагмент стихотворения «Пушкину» узбекской поэтессы Зульфийи: *И Восток поэтами гордится. / Он многообразен, наш диван: / Раб в оковах, / Пленная вдовица, / А случалось, и могучий хан, / Утомясь от безграничной власти, / Предавался стихотворной страсти.*

Разумеется, даже в обыденном языковом сознании не возникнет представление о предмете мебели, но без специальной справки о значении этого слова в фарси далеко не каждый носитель русского языка как родного поймет, что хотела сказать Зульфийа.

Количество примеров подобного рода все увеличивается, особенно интенсивно в последние десятилетия, поэтому ограничусь кратким анализом статьи киргизского автора А. А. Калдыбаевой «Роль *кыргызских* народных акынов и становление педагогической мысли в *Кыргызстане*» (так! курсив мой. — Б. В.) в журнале «Полилог» (М., 2004, № 3). В статье, наряду с хорошо известными *акын, бай, мулла*, без каких бы то ни было указаний на значение употреблены слова *комуз, кадий, дастан, бий, курджун*; к ряду других — *насыаты, терме, улгу ырлар, санаты, нуска, айтыши* — даны пояснения, хотя и не всегда последовательно: в одном месте мы видим, что *терме* — это «собрание назидательных строф», в другом — «свободные импровизации», что, конечно же, не одно и то же.

Выход русского языка за пределы этноса и употребление его в качестве средства межнационального общения привели к тому, что в неисконной русской речи билингва наличе-

ствуют специфические черты в фонетике, лексике и грамматике. Природа этих отклонений разнообразна, а причины появления самые различные и часто взаимообусловлены. В ряду наиболее распространенных причин обычно называют либо недостаточное усвоение билингвом норм русского литературного языка, либо влияние на неисконную русскую речь родного языка билингва, либо первое и второе одновременно.

Явления подобного рода достаточно хорошо представлены в соответствующей литературе, поэтому ограничимся всего лишь несколькими примерами. Так, на заседании специализированного совета в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН диссертант (русский не был его родным языком) произнес следующую фразу: *А теперь перехожу к ответу за замечания так называемого официального оппонента*. Аналогичное неправильное употребление этого устойчивого выражения довелось услышать и на официальном мероприятии в одной из стран СНГ, когда выступающий (русский также не был его родным языком) сказал: *Когда мы проезжали по улицам столицы, мы видели замечательные результаты ваших так называемых реформ*. Очевидно, что ни диссертант, ни оратор не имели своей целью обидеть официального оппонента или правительство страны пребывания. Вероятно, говорившие не знали (или забыли?), что выражение *так называемый* в русском языке имеет значение не только «имеющий, носящий название», но и «употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому-, чему-либо, имеющему какое-нибудь название». Незнанием видовых различий объясняется жалоба армянина на то, что кто-то на него *бочки катает*.

Другими причинами, речь о которых пойдет далее, вызвано употребление в неисконной русской речи определения *лунолика* в выражении *лунолика красавица*, поскольку с точки зрения носителя русского языка такое определение едва ли является комплиментом.

Однако обратимся к неисконной русской речи билингва и природе ее специфических черт. Наибольший интерес вызывают те из них, которые могут быть квалифицированы

как национально-культурный акцент неисконной русской речи. Представляется, что коммуникативные неудачи чаще всего обусловлены именно национально-культурным акцентом, а не фонетическими и даже не грамматическими особенностями неисконной русской речи. Варьирование же на национально-культурной оси действительно приводит к коммуникативной неудаче: употребление с инонациональными коннотациями слов *осел*, *змея* (*Он работает как осел; Она умна словно змея*) в неисконной русской речи вряд ли будут восприняты адекватно носителями русского языка как родного. В этом случае проявляется разное смысловое содержание в одних и тех же средствах номинации в русском литературном языке и в русском языке, функционирующем в иноязычном окружении.

Кажется вполне естественной необходимость определения предельно допустимого уровня (качественного и количественного) своеобразия неисконной русской речи, позволяющих квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как русский язык, точнее, как одну из форм его существования, а не как некий пиджин.

Функционирование любого, в том числе и русского, языка в межкультурной коммуникации — процесс очень сложный и многоплановый, включающий в себя взаимодействие целого комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических факторов: социальных, лингвистических, демографических, психолингвистических, этноязыковых и ряда других. Вряд ли целесообразно каким-либо образом иерархизировать эти факторы, многие из них взаимосвязаны и взаимообусловлены, все они играют свою роль в процессе становления языка межнационального общения, однако и недооценка любого из них также неправомерна.

Отечественная теория и практика обучения языкам и культурам как родным, так и иностранным имеет богатейший опыт и традиции, насчитывающие десятилетия. Любой язык существует в национальной культуре носителей этого языка. И чтобы действительно знать родной язык или овладеть неродным языком, надо научиться понимать культуру, которая создана с помощью этого языка.

Перспективная этнолингвистика как направление изучения русского языка

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет
omniamea@freemail.ru

Этнолингвистика, традиционная культура, русский язык, этнолингвистический комплекс

Summary. The author presents a new branch of studying the Russian language — perspective ethno-linguistics. Its goal is the study of transformations of the traditional Russian culture in the modern society. With the sphere of the traditional culture corresponds the basic unit of its supertext — the ethno-linguistic complex.

1. При различном понимании предмета и объекта этнолингвистики нам представляется основополагающей ее генетическая связь с языкознанием (включая диалектологию), откуда были почерпнуты многие понятия и методы. Поэтому, вслед за Н. И. и С. М. Толстыми, определим этнолингвистику как раздел лингвистики, объектом которого является язык в его отношении к культуре народа. При таком подходе материалом исследования оказываются языковые факты (главным образом лексика и фразеология), фольклор и художественные тексты, а также обряды, ритуалы и другие сакральные практики, сочетающие в себе, как правило, вербальную и акциональную стороны. Языковые факты рассматриваются в тесной связи со всеми остальными. Все это в совокупности можно назвать русским этноязыковым сверхтекстом.

2. В связи с этим встает вопрос об основной единице такого сверхтекста. Представляется, что в качестве таковой может быть предложено понятие «этнолингвистический комплекс». Его конституирующими признаками можно считать следующие: 1) значимость для данного этноса, 2) наличие на всех уровнях сверхтекста (собственно языковом, фольклорном, уровне художественных текстов, сакрально-мифологическом), 3) национальная специфичность. Ближним феноменом является «этноэйдём» (термин Л. Д. Шеймана), однако мы считаем более предпочтительным предложенный нами термин вследствие его синкретизма и ориентации на языковую сферу.

3. Этнолингвистический комплекс соотносится со сферой традиционной русской культуры. Традиционная культура находит свое воплощение в реалиях (конкретных образах) и духовных константах (абстрактных понятиях). Задача исследователя — через изучение конкретных образов, отраженных в сверхтексте, прийти к их связи с духовным миром этноса.

4. Этнолингвистика, в том виде, в котором она сложилась в нашем языкознании, — наука преимущественно диахроническая, или ретроспективная, задачей которой является «восстановление картины мира предшествующих эпох», «реконструкция архетипических этнокультурных феноменов» [2: 8]. Мы предлагаем ввести понятие перспективной этнолингвистики как направления, изучающего языковые проявления трансформации традиционной культуры в современном обществе.

5. В этих целях предлагается выявление и исследование этнолингвистических комплексов, «живых» и релевантных для современного мира, но уходящих корнями в традиционную культуру представления. Задачей становится обнаружение их динамики, эволюции под влиянием различных культурно обусловленных факторов, действующих в современном обществе, а также направления развития и степени удаленности от традиционного облика.

Литература

1. Толстой Н. И., Толстая С. М. О слове «Славянские древности» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А — Г. М., 1995. С. 5–14.
2. Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб., 2005.

Языковое наследие Русской Америки: реликтовый диалект деревни Нинильчик на Аляске*

М. Б. Бергельсон

Московский государственный университет *имени М. В. Ломоносова*
mirabergelson@gmail.com

А. А. Кибрик

Институт языкознания РАН (Москва)
aakibrik@gmail.com

Диалектология, языковые контакты, зарубежные формы русского языка

Summary. *Linguistic heritage of Russian America: The obsolete dialect of Ninilchik, Alaska.* Evidence of the obsolete Russian dialect, still spoken in the village of Ninilchik in Kenai peninsula is analyzed in this paper. Data has been obtained in the course of field work. Ninilchik was founded in 1847 as a retirement place and was a Russian-speaking community until the mid-20th century. Now it only survives in old speakers. It is a creolized version of Russian, displaying many differences from standard Russian in terms of phonology, grammar, and lexicon. The authors have developed a practical Roman-based transcription and collected noun lexicon.

В докладе анализируются данные североамериканского диалекта русского языка — русского языка с. Нинильчик, (п-ов Кенай, Аляска) — собранные авторами в ходе полевой работы по составлению именного словаря этого языка и частично описанные в [Бергельсон, Кибрик 1998], [Кибрик 1998], [Bergelson, Kibrik and Leman 2009]. Работа была инициирована активной группой уроженцев с. Нинильчик, в том числе Б. Осколкофф и У. Леманом, для которых этот диалект является языком предков и в недавнем прошлом семейного общения. Они являются потомками русских пенсионеров Российско-Американской компании, которые основали с. Нинильчик в 1847 г.

Уникальность данной разновидности русского языка связана прежде всего с тем, что он развивался и существовал в полном отрыве от основного массива русской языковой общности, а также с тем, что в течение XX века произошел практически полный переход на английский язык, означавший разрыв с культурно-языковым наследием. Начав свое существование как креолизованный вариант русского языка во времена Русской Америки (существовавшей с конца XVIII века по 1867 год), функционируя как самостоятельный и полнофункциональный идиом этнической группы в XIX и первой половине XX века, в настоящее время этот вариант русского языка находится на грани исчезновения.

Собранные материалы дают возможность описать фонетическую и частично грамматическую систему нинильчикского диалекта. Данные именного словаря позволяют сделать выводы о культурной резистентности этноязыковой группы в XIX веке и указывают на те социокультурные процессы, которые привели к последующей стагнации и сужению функциональной сферы языка в веке XX. Сбор словаря осуществлялся по тематическому словнику и с использованием разработанной нами транскрипции на латинской основе. Транскрипция в основе своей является фонемной, но содержит некоторые уступки в сторону практически ориентированной орфографии, необходимые для того, чтобы молодое англоязычное поколение, интересующееся «языком предков», могло читать словарь без дополнительных затруднений.

Полученные тематические разделы словаря такие, как «ягоды», «птицы», «растения» «одежда», «части тела», «родственные отношения» и др., позволяют выявить языковую картину носителей данного диалекта, отражающую мир, в котором существовала данная этноязыковая группа.

Эти данные проливают свет на многие черты их быта в не меньшей степени, чем сохранившиеся предметы материальной культуры.

Самые яркие фонетические особенности нинильчикского диалекта лежат в области нейтрализации согласных по твердости / мягкости. Упорядочение этих особенностей с учетом наблюдаемых идиолектов представляло основную сложность при разработке транскрипции. В нинильчикском диалекте нейтрализованы многие из имеющихся парных противопоставлений по мягкости / твердости. Наиболее нейтральные позиции — перед *e* (в сторону твердости) и перед *i* — в сторону мягкости: *setka* ‘сетка’, но *t'i* ‘ты’, *(y)az'ik* ‘язык’.

С точки зрения грамматики, яркой чертой креолизации, имевшей, по-видимому, место еще до образования нинильчикского поселения, является частичная, а иногда и полная утрата категории грамматического рода. Это было рельефно отражено в названии статьи ирландского слависта К. Дейли, занимавшегося нинильчикским диалектом в 1980-е гг.: *Евонай мать весь ночь television караулл* ‘Его мать всю ночь смотрела телевизор’. Многие другие грамматические категории должны рассматриваться с учетом дополнительного языкового материала — глагольного словаря или, в идеале — корпуса текстов. Именно это и составляет цель дальнейшего исследования этого диалекта русского языка.

Материалы собранного словаря демонстрируют, в том числе, и диалектные особенности русского языка ранних поселенцев Нинильчика, указывающие на их региональную принадлежность, ср. сибирское слово *púchka* ‘дикий сельдьрей’. Встречаются архаизмы — *strush* ‘рубанок’, семантические и фонетические модификации — *sháyka* ‘ночной горшок’, *kal'ishók* ‘кошелек’. Представляют интерес заимствования из аборигенных языков Аляски — эскимосских и атабаскских, например: *tamáu* (разновидность съедобного моллюска), *kazná* ‘рысь’, а также из английского языка, часто с морфологической адаптацией: *inw'ilop* (< envelope) ‘конверт’, *rababútsi* (< rubber boots) ‘резиновые сапоги’.

История нинильчикского диалекта захватывает четыре столетия. Именной словарь отражает как синхронические изменения, имевшие место в языковой системе в результате распространения языка на иноэтничные группы, так и диахронические процессы, характеризовавшие функционирование языка в замкнутом социокультурном пространстве.

Формы обращения в русскоязычной прессе Германии как способобозначения «своего» и «чужого»

Б. Бремер

Университет в Гамбурге (Германия)
bernhard.bremer@uni-hamburg.de

Обращение, русский язык в диаспоре

Summary. The paper shows how forms of address serve as a means to distinguish between representatives of the Russian émigré community in Germany and of the home country.

В последнее время употребление и развитие русского языка у представителей русскоязычной диаспоры в Германии стало все чаще предметом лингвистических исследований (см. перечень работ в [1]). Следует, однако, заметить, что интерес исследователей сосредоточен при этом практи-

чески исключительно на изменениях в грамматике и лексике как следствиях контакта с немецким языком или на сферах употребления русского языка в иноязычной среде и его роли в социокультурной самоидентификации представителей диаспоры. Вопросы, связанные с прагматическим уров-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Русское языковое наследие Аляски».

нем языка, как, напр., с употреблением формул вежливости и возможные отклонения от норм речевого поведения представителей языка метрополии, еще довольно слабо изучены. Однако, как известно, формы обращения образуют центральную часть речевого этикета каждой культуры. Кроме того, обращение всегда культурно и социально обусловлено, что часто ведет к недоразумениям при межкультурной коммуникации. Нарушения стандартных условий употребления отдельных форм обращения, вызывающие определенные прагматические эффекты, наблюдаются и в коммуникации представителей одной культуры. Обращение таким образом можно охарактеризовать как «способ моделирования коммуникативного пространства» людей, участвующих в общении (см. [2]). Настоящее исследование посвящено вопросу, как представители русскоязычной диаспоры в Германии, принадлежащие к двум культурам одновременно, используют эти свойства обращения. Представитель русскоязычного населения в Германии в общении с собеседником из такого же социума имеет различные возможности при выборе обращения: Он может придерживаться правил, образующих норму при выборе обращения у представителей языка метрополии, или отклоняться от этих норм. Отклонения могут быть разного рода: 1) употребление обращения заимствованного из немецкого языка (напр. *Фрау Пух, Вы не видели директора?*); 2) калькирование немецких образцов обращения, отсутствующих в русском языке; 3) частотное употребление обращения, занимающее периферийную позицию в системе обращений в русском языке, но центральную в немецкой системе (в первую очередь, обращения *господин / госпожа* + фамилия как формальный эквивалент немецкого обращения *Herr / Frau* + фамилия); последний тип отклонения можно считать особым случаем употребления русской формы обращения при систематическом нарушении стандартных условий ее употребления в языке метрополии.

Материалом для исследования послужили 75 текстов интервью, опубликованных в интернет-изданиях четырех русскоязычных газет, которые выходят в Германии. Два из выбранных периодических изданий («Русская Германия» [РГ], «Эмигрант» [Э]) рассчитаны на широкий круг русскоязычных читателей в Германии, два («Партнер» [П], «Родина» [Ро]) ориентируются на российских немцев (переселенцев). Проанализированные 75 интервью были опубликованы в 2004–2008 гг. и содержат более 90 форм обращения. Для сравнения выбора обращений в этих газетах с употреблением обращений в современной России был создан контрольный корпус, состоящий из 75 текстов интервью, опубликованных в такой же период в интернет-изданиях четырех газет: «Известия» [Изв], «Аргументы и Факты» [АиФ], «Московские Новости» [МН] и «Независимая Газета» [НГ]. Выбор жанра интервью как основа нашего анализа объясняется тем, что именно в области официального обращения различия между немецким и русским системами обращения являются наиболее существенными. В этой области нейтральному обращению в немецком языке *Herr / Frau* + фамилия соответствует русское обращение по имени отчеству (ИО). Наблюдается, однако, в русском языке метрополии некая тенденция к вытеснению обращения ИО и его замене обращением только по имени (точнее: по полной форме личного имени), особенно в СМИ (см. [3]). Подобное сочетание имени и обращения на *Sie (= Вы)* встречается и в немецком

языке, однако значительно реже чем в современном русском языке. Поскольку русский язык для русскоязычного населения в Германии является в основном средством коммуникации в кругу семьи и друзей, где не возникает необходимости использовать официальные формы обращения, жанр интервью представляет собой идеальный и чуть ли не единственный жанр для проведения настоящего исследования.

Анализ материала показывает, что заимствование обращения из немецкого языка вовсе не встречается в корпусе, в отличие от заимствований из других пластов лексики (ср. также [4]). Обращение ИО выступает только в двух газетах для русскоязычного населения в Германии, оно отсутствует именно в газетах рассчитанных на российских немцев [Ро, П]. Обращение *господин / госпожа* + фамилия (ГФ) употребляется при обращении русскоязычных лиц только в двух газетах [РГ, Ро], что не свидетельствует о расширении его употребления, несмотря на формальное совпадение с нейтральным официальным обращением в немецком языке. Единственное обращение, которое представлено во всех проанализированных интервью — это полная форма имени (И / П). Краткая форма имени (И / К) отсутствует только в [Ро]. В количественном плане в русскоязычной прессе Германии преобладает обращение по имени (47%), второе место занимает обращение ИО (44%), третье — ГФ (9%). В газетах метрополии наблюдается конкуренция между обращениями ИО и И / П, выступающими во всех четырех газетах. И / К и ГФ при обращении представителей русскоязычного мира употребляются только в газетах [Изв] и [АиФ]. Если учитывать количественные отношения, то обращение ИО явно преобладает (61%) по сравнению с обращением по имени (34%) и ГФ (5%). Можно сделать вывод, что способы обращения в русскоязычной прессе Германии и России не отличаются друг от друга по отношению к основным формам, но только относительно количественного соотношения центральных форм ИО и И. Причину этого различия можно объяснить, принимая во внимание качества адресатов. В то время как выбор обращения в российских газетах прежде всего зависит от социального статуса и возраста адресата, в русскоязычной прессе Германии важнейшим фактором является принадлежность адресата к кругу иммигрантов или представителей России и других стран бывшего СССР. К «своим людям» (т. е. к людям, которых объединяет общая судьба в иноязычной среде) обращаются главным образом по имени, которое символически отражает некую близость, в то время как к представителям «старой родины» обращаются по традиционной форме ИО. Формы обращения таким образом становятся различительным признаком «своих» и «чужих».

Литература

1. Жданова В. В. К проблеме лингвистического статуса русского языка диаспоры // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии / Ред. В. В. Жданова. München; Berlin, 2009. С. 89–101.
2. Кронгауз М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999. С. 124–134.
3. Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. 2004. № 28. С. 163–187.
4. Протасова Е. Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. № 59 / 4. С. 49–60.

Упорядоченность языковых изменений и возможности вмешательства человека в жизнь языка (на материале русского языка)

Е. А. Брызгунова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
bryzgunova@mail.ru

- 1. В докладе рассматриваются взаимосвязанные вопросы:
 - основные причины языковых изменений и их упорядоченность;
 - осознаваемость или неосознаваемость языковых изменений в разных сферах речи;

- возможности самоочищения языка и вмешательства человека в языковые процессы.

Упорядоченность языковых изменений проявляется в предсказуемости языковых процессов и в объяснении их причин, в повторяемости основного содержания языковых

изменений в определенные исторические эпохи. Положительное решение вопроса об упорядоченности языковых изменений основано на изучении исследований первой половины XX века: работы Э. Сэпира, А. Мейе, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, М. В. Панова, Б. А. Серебrenникова, а также работы М. Я. Гловинской более позднего периода.

2. Существуют две основных причины языковых изменений. Одна из них — многовековое действие внутренних законов языка, преодолевающих какое-либо противоречие. В современном русском языке активно проявляется общеиндоевропейская тенденция к аналитизму и более ограничено — тенденция к агглютинации. Материал русского языка, в настоящий момент показывает, прежде всего, смешение падежных флексий: *на выборов* вместо *на выборах*, *во многих регионов* вместо *регионов*.

Тенденция к агглютинации проявляется в стремлении сохранить в спряжении глаголов настоящего времени те морфемы, которые представлены в инфинитиве и в формах прошедшего времени: *я организоваю* вместо *организую*, *он торгует* вместо *торгует*, *сейчас они реформируют* вместо *реформируют* и др.

Существенно, что ни говорящие, ни слушающие не замечают ненормативности новых употреблений, случаи само поправок редки, хотя и наблюдаются. В течение одной и той же передачи или разговора дикторы радио, телевидения и представители других профессий могут употребить нормативную и ненормативную форму, т. е. сказать: *в других городов* вместо *в других городах*, *стадо моржей* вместо *стада моржей*.

Само понятие нормативности в период действия внутренних законов языка обладает некоторой условностью, скорее это всего лишь одна из точек речевого процесса, постепенно ведущего к преобразованию какой-либо части системы.

Если же обратить внимание говорящего на только что произнесенную им ненормативную форму, он (они) не поверят и возмутятся: «Этого не может быть!». Такая реакция — еще одно доказательство неосознаваемости речевого процесса, характеризующего внутренние законы языка, действие которого распространяется на многие и многие поколения. Последние поколения уже имеют дело с новой формацией.

Вторая из основных причин языковых изменений является влияние смены социально-экономических условий жизни общества, прежде всего влияние переходного периода. Это влияние выражается в снижении культуры речи у значительной части носителей русского языка. Снижение культуры речи — явление повторяющееся. Профессор Санкт-Петербургского Университета А. Б. Ларин, изучавший язык так называемого НЭПа (20-е годы XX века) дал такую оценку: «виток варваризации». В наше время вернул в лингвистический обиход профессор В. С. Елистратов. Влияние социально-экономических факторов измеряется не веками, а десятилетиями. Конечно, кроме снижения стиля речи в переходный период происходят яркие языковые изменения, обусловленные развитием речевого общения в новых усло-

виях. Это необходимые иноязычные заимствования, переименование номинативной лексики из пассива в пассив и, наоборот, из пассива в актив (Ю. Н. Караулов о таких словах, как социальное соревнование, колхоз, акционерное общество и др.). Это также исторически повторяемый вид языковых изменений, языкового развития, имеющего ценность.

Снижение культуры речи имеет другую природу, оно вторично, так как зависит не от потребностей речевого общения, а от духовного состояния человека. Эту мысль высказал академик В. Г. Костомаров в своей книге с очень информативным, призывающим к размышлению, названием «Языковой вкус эпохи» (М., 1994 г., первое издание). Снижение культуры речи в отличие от действия внутренних законов языка, осознаваемо носителями языка, вызывает у многих раздражения и возмущения, но большей частью бессильные, безрезультатные.

Снижение культуры речи имеет следующие черты:

- первая черта — невнятная речь, по причине небрежного отношения говорящего к слушающему: тело языка не может дотянуться до нужной точки в ротовой полости, чтобы образовать артикуляцию смычки или щель; воздушная струя недостаточно интенсивна, чтобы продуть щель или раскрыть смычку; говорящий не может почувствовать общую энергию произношения, необходимую для слышимости на расстоянии 50 сантиметров, 2 метров, 8 метров и т. д. Однако все отмеченные артикуляции предусмотрены артикуляционной базой языка, осязательны, самоконтролируемы вплоть до позиций в начале, в середине, в конце слова, на стыке слов. Требуется объяснение, упражнение, самоконтроль, ведущий к автоматизации.

- вторая черта снижения культуры речи — агрессивная, сниженная лексика, в составе синонимического ряда, например, в речи спортивных репортеров: *победить со счетом 5 : 2, выиграть, разгромить, надавать по шее* (даже *по шням*), *порвать*. Аналогично: *он просто приспособился к нашей партии*. В подобных случаях необходимо административное воздействие на репортеров.

- третья и четвертая черта — несвязная речь (плохо знают элементарный синтаксис, мало читают).

Надо отметить, что названы лишь основные черты, методика усиления культуры речи разнообразна и достижима. Но на пути стоит еще одно препятствие университетский (и не только университетский) снобизм преподавателей. Это отдельная тема.

Среди лингвистов (Л. П. Крысин) существует мнение о том, что язык обладает способностью к самоочищению. В настоящее время самоочищение языка маловероятно, так как для этого необходимо значительное улучшение духовного состояния человека. Необходима профессиональная работа филологов.

Упорядоченность языковых изменений системно проявляется в предсказуемости разной природы нормативности — ненормативности, в разных видах осознаваемости — неосознаваемости, в различных видах вмешательства — невмешательства человека в речевые процессы.

Православная Церковь

и ее роль в распространении и сохранении русского языка в мире*

И. В. Бугаева

Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева

bugaevaiv@mail.ru

Приходские и воскресные школы, учебники русского языка как иностранного для религиозных учебных заведений

Summary. The church in Russia always was the traditional centre of literacy. Thanks to missionary activity of clerics Russian extended among the people of the Russian empire, and also in other countries. Now in Russia theological formation receive not only Russians, but also foreign citizens. But till now there are no textbooks on Russian for religious educational institutions. Therefore it is necessary to pay attention to religious sphere as the communicative and educational environment.

Разнообразная миссионерская деятельность Русской Православной Церкви широко известна. Одновременно с православным учением распространялся и русский язык. Лингвистических исследований на эту тему пока нет, но, изу-

чая историю Церкви, неизбежно складывается вывод о значительной роли Русской Православной Церкви в распространении и сохранении русского языка в разных странах мира.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект «Функционирование русского и финского языков в качестве лингва франка» № 09-04095206а / F.

Церковь в России всегда была традиционным центром грамотности, первыми и самыми распространенными начальными и высшими учебными заведениями были церковно-приходские школы и духовные академии.

Благодаря миссионерской деятельности священнослужителей русский язык распространялся среди многочисленных народов Российской Империи, а также в других странах.

Один из величайших русских православных подвижников XIX — начала XX века, святой равноапостольный Николай (Касаткин), архиепископ Японский, принес Православие в Японию. В Токио им была организована духовная школа, которая стала катехизическим институтом с богословскими исследованиями на русском языке. Самим архиеп. Николаем Японским или под его прямым руководством создавались учебники русского языка, разговорники, словари. До сих пор обучение в Токийской православной семинарии ведется на двух языках: русском и японском.

Традицией первой волны русской эмиграции было сохранение русского языка и русского уклада жизни. При зарубежных приходах с самого их основания стали организовываться школы, которые обычно так и называли — русской школой. Приходские школы создавались буквально на пустом месте, благодаря энтузиазму пастырей, родителей и педагогов. Не было помещений, не было учебников, иногда не было квалифицированных учителей. Занятия проводились на квартирах у священников, в храмах или у кого-то на дому. Учебные пособия печатались на пишущей машинке под копирку, иногда переписывались от руки. Учителями часто становились родители. В основную программу входили Закон Божий и русский язык. Со временем к этим предметам прибавлялись история России, география России, родиневедение, русская культура, пение (церковные песнопения и народные песни), народные танцы, рукоделие и тому подобные предметы, способствующие развитию в ребенке русского духа.

В Финляндии при всех православных приходах действуют воскресные школы, разные детские художественные и музыкальные студии, рабочим языком которых является русский. Известность получил финско-русский хор «Надежда» из г. Котка. В г. Лахти в Свято-Троицком храме проводятся «Русские дни»: служится литургия на церковнославянском языке, затем за совместной трапезой настоятель рассказывает о жизни прихода, о церковных новостях, праздник завершается концертом духовной музыки. В Риихимики работает Русский православный кружок.

Великая роль в сохранении русского языка в Северной Америке принадлежит Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. Это — единственная духовная школа вне России с пятилетним курсом образования на русском языке. В этой семинарии преподавали выдающиеся ученые-богословы: архимандрит Аверкий (Таушев), протоиерей Михаил Помазанский, архимандрит Константин Зайцев, Н. Д. Тальберг и другие выдающиеся деятели, авторы учебников, которые и в настоящее время пользуются большой популярностью в Российских духовных учебных заведениях.

Из приходских школ в США наиболее известна школа при храме Покрова Пресвятой Богородицы в Найке, штат Нью-Йорк, основанная в 1951 году С. С. Куломзиной. Много лет директором школы был протоиерей Серафим Слободской, автор учебника «Закон Божий». Занятия в этой школе проводятся по субботам, и учащиеся приезжают из разных районов Нью-Йорка и даже из других штатов. Программа обучения детей рассчитана на 14 лет. Преподавательский состав Найкской школы издал целый ряд учебников и пособий, которыми пользуются многие приходские школы зарубежья.

В Австралии существует епархиальная школа имени св. Александра Невского при Петропавловском соборе в Стратфильде, в которой есть два подготовительных класса и десять основных. При школе также имеются специальные классы для желающих сдавать русский язык на получение государственного сертификата.

В Кельне в православном храме помимо традиционной воскресной школы, работают детско-юношеский центр, музыкальная школа, художественный кружок, курсы русского языка. Занятия ведут квалифицированные преподаватели из числа прихожан. Родители считают, что дети, живущие в Германии и говорящие в детском саду и в школе по-немецки, должны иметь возможность сохранить свой родной язык. Часто другой возможности сохранить русский язык — нет.

Во многих странах с помощью Православной Церкви организуются детские летние лагеря, языком общения в которых является русский (Дания, Германия, Австралия и т. д.).

Русский язык поддерживается также изданием православных печатных изданий, а в последнее время большинство зарубежных приходов имеют официальные сайты на двух и более языках. В качестве примера приведем журнал «Северный Благовест», который издается с 2005 г. Журнал имеет официальную регистрацию в Финляндии и распространяется через приходы и русскоязычные общества в Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции. На страницах этого журнала обсуждаются историко-богословские вопросы, проблемы языка и культуры, христианского воспитания, актуальные вопросы прошлого и настоящего русскоязычной диаспоры.

В России богословское образование получают не только россияне, но и иностранные граждане. В Воронежской православной духовной семинарии обучаются студенты из Украины и Грузии. В Санкт-Петербургской духовной семинарии в 1965 году был открыт факультет иностранных студентов. За эти годы получили религиозное образование на русском языке граждане Сербии, Боснии и Герцеговины, Германии, Швеции, Черногории, Хорватии, Греции, Китая, Нидерландов, Таиланда, Польши, Финляндии и т. д. Но, к сожалению, в нашей стране до сих пор нет специальных учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному для религиозных учебных заведений. Поэтому следует обратить внимание на религиозную сферу как равноправную коммуникативную и учебную среду.

Некоторые тенденции в изменении социальной значимости русского языка в Литве

Л. М. Буренина

Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

lburenina@gmail.com, burenina@one.lt

Национальное меньшинство, социальная значимость языка, государственный язык, языковая ситуация

Summary. The development of a society is impossible without economic, cultural, scientific etc. connections with speaking on other languages. In use and functioning of the languages it is necessary to distinguish two directions: 1) definition of a role and functions of the languages in one state; 2) creation of the opportunities of dialogue with the inhabitants of other states. The main principle of selection of the language of international communications is its social importance. Now in Lithuania the gradual increase of interest to Russian is observed.

Язык и общество неразрывно связаны между собой. Язык — это явление в высшей степени общественное. Общество без языкового общения немислимо. «Язык создает основу внутринационального единства. Он обслуживает коммуникацию во всем этносе и обеспечивает социальное взаимодействие и про-

изводственные отношения между всеми его членами, принадлежащими к различным классам и слоям, профессиональным, демографическим и территориальным группам» [1: 131].

В каждом конкретном обществе языковая ситуация имеет свои особенности, обусловленные количеством языков и

той ролью, которую тот или иной язык выполняет в государстве. Кроме того, в современном мире жизнь любого государства и любого общества не протекает совершенно изолированно. Развитие любого социума немислимо без экономических, культурных, научных и иных связей с говорящими на других языках и проживающих в других государствах. В связи с этим в использовании и функционировании языков необходимо выделение двух направлений: 1) определение роли и функций языков в рамках одного государства; 2) создание возможностей общения с представителями других государств, говорящими на других языках, в целях экономического, культурного, научного и т. п. развития данного общества. Последнее является особенно актуальным для небольших государств. Возникает вопрос, как создать оптимальные условия для получения необходимой информации и построения экономических связей с говорящими на других языках. Главным средством решения данной проблемы является знание языков. Поскольку человек не может овладеть слишком большим количеством языков, ответ на последний вопрос обычно сводится к выбору языков, обладающих признаками, которые обозначаются термином **социальная значимость**. Этот параметр составляет целый ряд компонентов. Социальная значимость языков определяется только **на основе всей совокупности компонентов**. Имеются в виду следующие компоненты:

- Количество говорящих на данном языке.
- Количество знающих этот язык и изучающих его за рубежом (за пределами государств, где на нем говорят).
- Использование данного языка в науке, в международных организациях, в культурной жизни.
- Богатство художественной литературы.
- Экономический потенциал.
- Престиж общества, говорящего на этом языке.

В Литве проживают представители многих национальностей. Самыми крупными группами национальных меньшинств являются польская (6,7% населения) и русская (6,3% населения). Согласно Конституции государственным языком республики является литовский язык. Однако национальные меньшинства имеют право на использование родного языка и соответствующие возможности в области просвещения и сохранения культуры и своих традиций. Литва была первой страной в Восточной Европе, которая приняла Закон о национальных меньшинствах (1989 г.).

После распада Советского Союза определенную роль в судьбе русского языка в Литве сыграли два фактора: 1) из языка политически господствующей нации русский язык превратился в язык национального меньшинства; 2) у некоторой части населения Литвы наблюдалось негативное отношение к русскому языку, что было обусловлено политической ситуацией в государстве. Литва в те годы была

ориентирована только на Запад, в связи с чем усилился интерес к таким иностранным языкам, как английский, немецкий и др.

В настоящее время приходится иметь в виду некоторые кардинальные геополитические изменения. Литва является членом ЕС, НАТО, принимает участие в работе некоторых международных организаций, где в качестве средства общения обычно используется английский язык. Однако в последнее время осознается и наблюдается и другая тенденция. Литва находится на окраине ЕС, в связи с чем очевиден тот факт, что для успешного развития экономики необходимы соответствующие связи и с восточными соседями. Сотрудничество в экономической сфере непременно ведет и к общению в других сферах жизни социума. Так, например, договор о сотрудничестве между Вильнюсом и Санкт-Петербургом, заключенный в 2004 г., не только послужил стимулом для заметного увеличения товарооборота, но и стал причиной ряда мероприятий культурного цикла: гастролей Мариинского театра, фестиваля «Золотая маска» и др. Московское правительство также поддерживает культурные связи с ВГУ и ВПУ.

В самой Литве, а также в ЕС осознают то, что у Литвы и Белоруссии общая граница, что между данными государствами существуют определенные экономические и культурные связи, что их связывает общая история. Свидетельством такого понимания может служить встреча президентов Литвы и Белоруссии в Вильнюсе в 2009 г.

Указанные обстоятельства стали причиной того, что в настоящее время в Литве наблюдается явное увеличение интереса к русскому языку. В школах Литвы все чаще в качестве второго иностранного языка выбирается русский язык. Данное явление обусловлено не только перечисленными соображениями прикладного характера. Поскольку балтийская и славянская языковые группы являются самыми близкими в составе индоевропейской семьи языков, то говорящим на литовском языке легче овладеть русским языком, чем английским, немецким или французским. В библиотеках Литвы имеется большое количество научной и художественной литературы. Московское правительство поддерживает отношения с ВГУ и ВПУ.

Таким образом, если дать оценку восприятия и использования русского языка в Литве в период с момента провозглашения независимости до наших дней (1991–2009 гг.), то можно говорить о том, что наблюдается постепенное увеличение социальной значимости русского языка.

Литература

1. Никольский Л. Б. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 131–144.

Вопрос межнационального или межгосударственного общего языка в Евразии

К. Вели Нериманоглу

Университет Едитепе (Стамбул, Турция)

kamilvelin@gmail.com

Евразия, коммуникация, общий язык

Summary. *The Issue of a Common Language between Nationalities or International Countries in Euro-Asia.* The issue of a common language between countries is based on the principles of external linguistics and internal linguistics. In Euro-Asia there are two main communicative languages between countries: Turkish and Russian. Depending on the situation either of the language is used to suffice the function.

Проблема общего межгосударственного языка в Евразии может быть решена при учете всех существенных экстралингвистических и внутрilingвистических предпосылок. Без учета факта глобализации и разных социологических, политических и экономических факторов, нельзя решить проблемы общего коммуникативного в этом регионе.

После Н. С. Трубецкого и Исмаила Каспринского этот вопрос выдвигался в разном теоретическом ракурсе. Безусловно, в советский период русский язык был единственным межнациональным языком. После распада Советского Союза (1991), этот вопрос приобрел важное значение. Этот вопрос

должен быть рассмотрен всесторонне и объективно, на основе демократических принципов.

По нашему мнению, в Евразии сейчас сосуществует два основных межгосударственных языка — турецкий и русский. Соотношение между ними в каждой из стран региона складывается неодинаково. Но ни один из них здесь не доминирует.

Единственный альтернативный, но нежелательный вариант — гегемония английского языка. Использование этого языка в межнациональном общении несет не только положительные, но и отрицательные моменты, способствуя американизации культуры.

Смещение в языковом сознании билингов XIX в.

Н. В. Габдреева

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева (Национальный исследовательский университет)

n.gabdreeva@mail.ru

Заемствования, прототип, семантическая структура, восприятие, билингвы

Summary. In this work it is analyzed psycholinguistic peculiarities of the language sense of bilingual in the diachronically aspect on the base of learning separate linguistic processes. It is noticed mixture of language codes that are expressed in structure and semantics.

В последние годы в лингвистике активизировалось направление, связанное с изучением языкового сознания (А. Р. Лурия, Е. Н. Винарская, И. А. Бубнова, Ю. Б. Денисов, Т. В. Романова, Л. А. Этманова, О. В. Бернгардт). В настоящей работе исследуются лингвистические особенности языкового сознания естественных билингов в диахроническом аспекте на основе изучения отдельных лингвистических процессов. Непосредственным материалом явились художественные произведения, созданные билингвами: творчество А. С. Пушкина, его эпистолярное наследие — письма к жене на русском и французском языках, Мемуары Е. Р. Дашковой, написанные на английском языке в 1805 году и изданные через 30 лет после ее смерти.

В результате анализа имплицитных и эксплицитных лингвистических проявлений мы пришли к выводу: в структуре и содержании языкового сознания билингов в XIX веке при условии полноценного двуязычия, поддерживающего функционирование обоих языков, а со второй половины века можно говорить о трех языках (русском, французском и английском), наблюдается смешение (полное или частичное) языковых кодов, рельефно проявляющееся на различных уровнях.

Неосознанное смешение, если рассматривать его в исторической перспективе, находит проявление в речи билингов на различных уровнях.

1. На уровне семантики оно особенно ярко проявляется в межязыковых лексических корреляциях. По-видимому, в сознании билинга фиксируется полная семантическая структура прототипа (слова во французском языке) и коррелята (заемствования в русском). В силу различной подвижности языков корреляции на определенном этапе становятся асимметричными. В сознании билингов архаизация семы или семантического структурного звена в одном языке не отмечается вследствие регулярной поддержки прототипом второго языка. В результате межязыкового семантического смешения билингвы активно используют вышедшие из узуса в русском языке, но функционирующие во французском значения лексем. Так в языковом сознании отражается обобщенная семантическая структура, которая соединяет значение прототипическое и трансформированное, т. е. в текстах функционирует, например, *кабинет* в значениях 'комната для занятий' и вышедшее из узуса 'собрание, коллекция', слово *инвалид* отмечается у Пушкина в пределах одного произведения и в значении 'ветеран', и в значении 'увечный'.

2. Происходит частичное смешение на уровне плана выражения, которое находит проявление в большом количестве вкраплений, или вставок. Общепринятая дефиниция этого термина такова: вкрапления — это элементы одной языковой системы, которые используются в таковом статусе для выполнения определенных функций в текстах другой языковой системы (А. А. Леонтьев, Ю. Листрова-Правда). У Пушкина отмечается широкое употребление русских слов во французских текстах и французских слов в русских. Как правило, характер использования этих вставок весьма разнороден. Это сигналы лакунарных явлений, так у Пушкина в письмах на русском языке — плохо переводимые французские *comme il faut*, *tete a tete*, *cocuage* [2: 49], *itineraire* [2: 25], *не доставало vis-à-vis* [2: 550]; далее, отмечены в качестве вкраплений общепринятые формулы политеза: *прошу любить и жаловать* во французском тексте, *son Coeur et sa main, adieu* — в русском письме, название литературных произведений «*Кавказский пленник*», имена собственные: *Наталия Николаевна, Платаво, Natalie Урусова, причесанная a la Ninon*, карточная терминология: *petite*

misere ouverte. Наконец, значительное количество вкраплений имеет однословный адекватный перевод, однако регулярно используется Пушкиным: в письмах на русском языке: *Что такое vertige?* [2: 28], *ожидая твой bulletin* [2: 75], *не побранить ли мне его en bon parent?* [2: 79]; в письмах на французском языке: *Нукита Андреевич m'avait achete un бричка* [2: 5], *ne prenez pour un сочинитель* [2: 7], в художественных произведениях на русском языке: *monsieur прогнали со двора* [1: 31], *Entre nous*, — *сказал он* [1: 386], *слезы были бы — une affectation* [1: 561]. Релевантными особенностями вставок в рассматриваемый период можно назвать их окказиональный характер/

Смещение на уровне плана выражения находит проявление в вариатности, обусловленной влиянием двух языковых систем языка-источника и рецептора. Иначе говоря, в речи одного носителя одновременно используются функционально им не различаемые формы или варианты, наиболее близкие к прототипическим, диссоциирующие с синхронной лексикографией, например, у Дашковой и Пушкина и др. билингов: *ревматизм / рюматизм* (rumatisme), *памфлет / памфлет* (pamphlet), *мистрис / мисс, минавет / минюэт, сертук / суртук* (surtout), *кадриль* (м. и. ж. р) (cadrille), *монополь / монополия, сёр / сэр, метериал* (materiel), *интригант* (intrigant), *маскерад / маскарад* (masquerade), *гарем / харем* (hareem). Вариатный ряд этого периода включает формы, обусловленные двумя универсальными способами орфоэпической ассимиляции: транскрипционные, близкие к фонетическому облику прототипа, и транслитерированные, ориентированные на побуквенное воспроизведение.

В языке билингов происходит нивелирование (смешение) стилистических характеристик, так отмечаются слова, по функциональному статусу в русском языке квалифицируемые как лексические архаизмы, которые, однако, в языке-источнике (английском и французском) не имеют такой характеристики, они стилистически нейтральны. Новь, как и в случае с семантическими архаизмами, языковое сознание билинга не дифференцирует различный статус прототипа и заимствования, они для билинга равнозначны, функционально тождественны. Отмечены следующие архаичные лексемы: *креатура* 'создание', *фамилия* 'семья', *куртизаны* 'фавориты', *дикционер* 'словарь', *перл* 'бриллиант', *винегр* 'уксус'.

Наконец, обильно функционируют ссемантические кальки французских и английских фразеологизмов, устойчивых словосочетаний (*пора меж волка и собаки, вест-индеец, умоляла именем неба, влюбился по портрету*) и иностранные синтаксические конструкции (*он старался удовлетворить их любопытству, сделали ему вопрос, опытность дала преимущество*).

Таким образом, психические механизмы хранения функционально равнозначных языков в сознании естественных билингов, обеспечивающие процесс речевой деятельности, определяют полное или частичное смешение языковых кодов, которое находит эвентуальное выражение в плане выражения и плане содержания межязыковых лексических корреляций при условии социальной равнозначности языков.

Литература

1. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы и повести. М., 1977.
2. Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986.
3. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии Герцена и Огарева. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой / Пер. с англ. Репринтное воспроизведение. М., 1990.

Лингвокультурологический аспект новых русских заимствований в кумыкском языке

Н. Э. Гаджихмедова

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

nurl@yandex.ru

Заимствования, лингвокультурология, русский язык, кумыкский язык

The given paper is devoted to lingua-cultural aspect of research of new Russian borrowings which entered the Kumyk language from times of reorganization. In modern Kumyk language there appeared numerous Russian borrowings, that is caused by various reasons: borrowings for concepts absent at the Kumyk language; the need in terminological concepts; borrowings for new objects of material culture; borrowings for old concepts aimed at modernizing them.

Особое значение новых заимствований в развитии современного кумыкского языка заключается в том, что они являются общепризнанными естественными формами лексико-семантического выражения важнейших понятий современной культуры. Поэтому сознательная ориентация на заимствованные слова неизбежна. Заимствования ассимилируются с учетом национальных традиций и отношений, становясь важной составной частью языка. Это позволяет говорить о заимствованиях как о концептах, занимающих важное место в языковой картине мира.

Среди заимствований встречаются важнейшие константы русской культуры. Новые русские заимствования тесно связаны с кумыкским мировидением. Эти факты свидетельствуют о том, что русизмы все-таки неотделимы от картины мира, формируемой кумыкским языком, и вносят в кумыкскую языковую картину мира важнейшие элементы некумыкской культуры.

В современном дискурсе новые русские заимствования функционируют по тем же основным законам языковой системы, что и слова исконные, выполняют те же функции и зачастую не осознаются носителями языка как заимствованные элементы.

Среди русских заимствований есть ценнейшие константы культуры, связанные с такими константами кумыкской культуры, как вселенная, наука, образование, быт и т. д. Формируемые русизмами концепты отличает одна характерная особенность: сохранение коннотаций, обуславливаемых кумыкской культурой. Так как влиянию русского языка в тот или иной период подвергались многие дагестанские языки, сейчас константы культуры, образованные русизмами, можно рассматривать как универсальные, имеющие интернациональный характер.

Заимствуется из русского языка или через русский язык новое понятие и вместе с ним в кумыкский язык входит новое слово: *брифинг, ваучер, дотация, компьютер, принтер* и др. В данном случае картина мира расширяется и в кумыкском языке появляется новое слово, обозначающее новое понятие. Подобные слова постепенно осваиваются языком, присоединяя формообразующие и словообразовательные аффиксы кумыкского языка.

Заимствуется новое слово при наличии своего понятия: *кредит — борч, льгота — енгиллик, маклер — арачы*. В данном случае фрагмент мира не меняется, меняется лишь способ отражения его в языке.

Для нового понятия создается слово собственными средствами языка-акцептора, при этом, калькируя его с языка-донора: *бакалейщик — бакъалчылык, стабильность — токъташгъанлык* и др. В данном случае картина мира ку-

мыкского языка также расширяется. На современном этапе особенно часто калькируется общественно-политическая лексика, а также термины отраслей промышленности.

Группы новообразований слов и значений в современном кумыкском языке дают основания говорить о тенденции развития лексической системы языка с помощью собственных словообразовательных средств и способов, а также о тенденции увеличения объема, потока заимствований из русского языка и через него из европейских языков по сравнению с советской эпохой. Русские слова, попадая в кумыкский язык, часто меняют свою семантическую структуру.

Половина заимствований с тематической точки зрения называются понятиями, связанные с экономической и финансовой сферами (*аудит, бартер, брокер* и др.), с общественно-политической жизнью и научно-техническими новшествами (*дискета, Интернет, пейджер* и др.). Также достаточно много заимствований, связанных с культурой и искусством (*видеосалон, продюсер, шоу* и др.), физкультурой и спортом (*ралли, тхэквандо, шейпинг* и др.), с нетрадиционной медициной и аномальными явлениями (*аура, гербалайф, полтергейст* и др.), с кулинарией (*гамбургер, пицца, сандвич* и др.), с изменениями в быту (*визажист, дизайнер, кемпинг* и др.), с криминализацией общества (*интерпол, киллер* и др.). Абстрактные слова или слова с абстрактным значением, связанные с различными областями жизни общества (*имидж, менталитет, социум* и др.), экзотизмы (*агрофирма, супермен* и др.), заимствования из жаргонной просторечной лексики (*братва, дедовщина, крыша* и др.) также активно используются в речи.

Заимствуется, как правило, не больше одного значения русского многозначного слова. Во многих случаях значения все же совпадают как в дающей, так и принимающей системах. Это происходит чаще всего тогда, когда заимствуется более конкретное или чисто предметное значение, а также значение, не имеющее себе близких или синонимических в языке-приемнике. Таким образом, в данных случаях как бы сохраняется семантическая связь между контактирующими системами.

Большинство проникших в кумыкский язык с начала эпохи перестройки русско-западных заимствований относится к трем тематическим группам: это финансово-экономическая, общественно-политическая и техническая лексика.

Как видим, глобализация мира повлекла за собой «глобализацию заимствований», которая в свою очередь способствует составлению более обширного и детального представления о разных культурах и языках, выражающих эти культуры, что является немаловажным фактором для успешной межкультурной коммуникации.

Русский язык как средство межнационального общения в Казахстане

Б. А. Газдиева

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Казахстан)

k-bella@mail.ru

Языковая ситуация, языковая картина мира, полиэтничность, аттриция, язык межнационального общения

Summary. This paper is devoted to the language politics and language situation in Kazakhstan. Particular attention author gives to the functioning of the Ingush language in Kazakhstan.

История языка и история народа неразрывно связаны между собой. Язык является одним из основных факторов, определяющих национальную идентичность человека. Функционирование и взаимодействие языков в контексте мультинационального общества создает определенную языковую ситуацию. «Понятие „языковая ситуация“ применяется

обычно к большиим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу языковая ситуация — это состояние социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования» [4: 57]. В целом, языковую ситуацию Казахстана можно охарактеризовать как объективную,

в определенном социальном обществе, временном и пространственном измерении, т. е. она подвержена трансформации во времени и пространстве. «Реальная языковая ситуация в Республике Казахстан складывается из следующих характеристик общества: полиэтничность при преобладании двух метаэтнических — казахского и русского; существование этнических меньшинств, носителей уникального родного языка; реальное двуязычие, билингвизм, формирование трехязычия» [4: 60]. Ж. С. Смагулова характеризует языковое планирование в Казахстане «как смешанное, оно определяется: а) многообразием субъектов и различиями в их целях языкового планирования; б) конфликтом идеологий (моноязыковой — двуязычной — многоязычной); в) совокупностью социолингвистических факторов (демографические показатели, региональные различия, удельный вес казахов-монолингвов и русских билингвов, активность процесса смены языков, сохраняющееся несоответствие статуса и корпуса государственного казахского языка, сложившаяся роль русского языка как лингвистического капитала, возросшая роль английского языка и т. д.)» [5: 18]. Исторически сложилось так, что Казахстан стал второй родиной для многих народов, в том числе славян и ингушей. Одни приехали добровольно, другие были сосланы сюда в годы политических репрессий. Взаимодействие народов проявляется, прежде всего, в языке и культуре, но при этом, затрагивая хозяйственную деятельность и материальную сторону жизни.

Русский язык стал языком межнационального общения для многих народов, и для ингушей в частности, «он по-прежнему сохраняет в определенной мере свою значимость как язык не только межнационального общения, но и общения внутри диаспор полиэтничного Казахстана» [2: 88]. По сути, русский язык стал связующим звеном между представителями различных этносов. И, к сожалению, постепенно знание родного языка ингушской диаспоры в Казахстане становится не лидирующим, а второстепенным, происходит процесс аттриции. В настоящее время эта тенденция вызывает серьезное опасение. Сегодня 100% ингушей, проживающих на территории республики, владеют русским языком, но процент владеющих своим родным языком намного меньше. В связи с этим Н. С. Пак отмечает, «что язык есть средство идентификации этноса... символ нации... Язык есть средство самовыражения этноса. Люди наследуют культуру через язык, и языковая смерть, есть исчезновение культуры... Заимствованные из других языков слова, часто свидетельствуют о контакте с культурами других народов» [2: 12].

Так рассуждать нам позволяют данные, полученные в рамках международного социолингвистического проекта. Поскольку репрессированным народам не было возможности обучаться на родном языке, перестала развиваться их национальная культура, приостановилось изучение истории, языка, литературы этих народов. Как показали наблюдения

за информантами, говорящих на ингушском языке без акцента практически нет. Анализ записей устной разговорной речи казахстанских ингушей показал, что в речи респондентов младшего поколения присутствует русский акцент. Не вызывает сомнений тот факт, что русский язык оказал влияние на все языки на постсоветском пространстве. Не стал исключением и ингушский язык. Конечно, производственная база языка начала меняться еще тогда, когда ингушские школы перевели на русский язык обучения, а латиницу заменили русским алфавитом. Этот процесс начался задолго до выселения ингушского народа. Но в Казахстане он сформировался и завершился. Ингуши говорят на русском языке без акцента — это есть доказательство отсутствия влияния ингушских произносительных навыков. В этом отношении интересна точка зрения ингушского лингвиста Р. С. Плиева, приводящего гипотезу о том, что «ингуш, владеющий русским языком, или русский, не менее основательно усвоивший любой из нахских языков, имеющие хотя бы «вузовскую» филологическую подготовку, рано или поздно придут к заключению, что сама природа, весь строй русского и нахских языков не чужды друг другу, имеют множество удивительных сходств. Тесные связи между предками славянских народов с одной стороны и предками нахов — с другой существовали тысячелетиями» [3: 6]. Чуть более полувека назад, ингушей хорошо говорящих на русском языке были единицы, сейчас же знание русского, как и незнание родного языка никого не удивляет.

Необходимо заметить, что языковая картина мира в целом и Казахстана в частности, представляет собой процесс сложного взаимодействия, взаимовлияния и развития языков разных этнических групп. Диаспоры в контексте функционирования казахского и русского языков становятся одним из распространенных социальных субъектов этносоциального развития и требуют также внимания и учета всех изменений, происходящих в языке и культурном пространстве их представителей.

Литература

1. Алтынбекова О. Б. Миграция в Казахстане: Новый статус русского языка // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных районах зонах Российской Федерации: Мат-лы межд. научно-практ. конф. Тюмень, 2004. С. 85–92.
2. Пак Н. С. Проблема исчезновения миноритарных языков: Автореф. ... д-ра. филол. наук. Алматы, 2004.
3. Плиев Р. С. Язык — народа память. М., 2006.
4. Ракишева Б. Языковая политика в Республике Казахстан: социологический аспект. Государственный язык в стратегии ассамблеи народов Казахстана // Сб. мат-лов респ. круглого стола. Астана, 2005. С. 56–68.
5. Смагулова Ж. С. Языковое планирование: типология и модели: Автореф. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004.

Лингвистическая русистика в Республике Башкортостан

Р. М. Гайсина

Башкирский государственный университет

grm@bsu.bashedu.ru

Русское языкознание, истоки, становление, современное состояние

Summary. The history of formation of the Russian Linguistics in the Republic of Bashkortostan can be traced from the sources up to the present time. In its modern state the Russian Linguistics is characterized as versatile science elaborating philosophic, theoretical, scientific-and-descriptive, as well as applied sides of the Russian Language.

Истоки русского языкознания в Республике Башкортостан (РБ) восходят к концу 40-х годов XX в. В 1940–1950-е годы русское языкознание в РБ имеет преимущественно практическую направленность: публикуются статьи по методике преподавания русского языка в башкирской школе, по сопоставлению отдельных фактов русского и башкирского языков, по истории русского языка, описанию диалектов некоторых районов Башкирии; выпускаются двуязычные русско-башкирские и башкирско-русские словари.

С начала 60-х годов XX в. русское языкознание в РБ начинает интенсивно развиваться как научная дисциплина. Этому способствовали создание в 1957 году Башкирского государственного университета (на базе пединститута), привлечение по конкурсу новых кадров из российских вузов, подготовка молодых кадров через целевую и собственную

аспирантуру. Вопросы русского языкознания становятся объектом исследования также и на лингвистических кафедрах педагогических вузов, открытых в РБ в 1950–1960-е годы (Бирского государственного педагогического института — 1952 г., Стерлитамакского государственного педагогического института — 1954 г., Башкирского государственного педагогического института — 1967 г.). Башгосуниверситет становится центром лингвистической научной мысли в республике. У истоков русского языкознания как науки в РБ стоят И. П. Распопов, Н. В. Черемисина, Л. М. Васильев. Их фундаментальные научные труды по актуальнейшим проблемам синтаксиса, ритмико-интонационному анализу художественной речи, лексической семантике были первыми докторскими исследованиями, выполненными в РБ и получившими известность далеко за пределами республики.

Труды этих ученых заложили научно-методологические основы русского языкознания в РБ, определив основные направления его дальнейшего развития. В начале 60-х годов XX века сформировалась Уфимская синтаксическая школа под руководством И. П. Распопова, который первый среди отечественных русистов стал разрабатывать на материале русского языка проблемы коммуникативно-функционального синтаксиса. В рамках идей этой школы впервые в РБ были выполнены кандидатские диссертации по русистике, посвященные теории речевого контакта и научному описанию контактирующих средств русского языка, коммуникативно-семантической характеристике русских восклицательных и вопросительных предложений, структуре диалога. Начинают углубленно разрабатываться теория и методология русского языкознания, история русского языка, семантика отдельных фрагментов лексико-семантической системы русского языка, взаимодействие синтаксиса и семантики, язык художественной литературы и стили русского языка, диалектология, вопросы сопоставления русского языка с башкирским, татарским и славянскими языками, школьная лингводидактика. С конца 1960-х годов значительное внимание начинает уделяться социолингвистическим проблемам взаимоотношения русского и национальных языков РБ. По итогам разноаспектных исследований русского языка издаются научные сборники; организуется всесоюзные и межвузовские конференции с последующей публикацией материалов. В результате к концу 60-х — началу 70-х гг. XX в. русское языкознание в РБ предстает как интенсивно развивающаяся теоретико-описательная наука, заключающая в себе большой потенциал для дальнейшего разноаспектного продвижения как в теоретическом и научно-описательном, так и в прикладном аспектах.

В 70–80-х годы XX в. в качестве центрального направления в башкортостанской русистике интенсифицируются семантические исследования, формируются и получает известность Уфимская семантическая школа под руководством проф. Л. М. Васильева; начинает издаваться получивший широкую известность межвузовский научный сборник «Исследования по семантике» (отв. ред. 1–12 выпусков проф. Л. М. Васильев, 13–24 выпусков — проф. Р. М. Гайсина). Семантика русского языка изучается в разных аспектах — общетеоретическом и лингвофилософском, научно-описательном, сопоставительном, лингводидактическом, лексикографическом; при этом привлекается различный языковой материал — лексический, фразеологический, производные слова, диалекты. Эти годы отмечаются развитием лексикологии, изучением лексико-семантической системы языка, обращением к обширным массивам языкового материала — от внутривидовых лексико-семантических полей к межвидовым объединениям слов с общей семантикой и межвидовым семантическим полям. Углубленно разрабатываются проблемы двуязычия, двуязычной лексикографии, школьная методика русского языка, создаются учебники и учебно-методические пособия по русскому языку для башкирских школ. Успешно развивается методика вузовских лингвистических дисциплин. Значительных успехов добивается диалектология; осуществляется полная каталогизация и научное описание русских диалектов РБ. Издаются «Атлас говоров Башкирии» в 2-х частях (сост. З. П. Здобнова).

Начиная с 90-х гг. XX в. русское языкознание РБ начинает развиваться особенно интенсивно. Как и в отечественном языкознании, в башкортостанской русистике усиливаются связи со смежными науками — когнитологией, этнографией, культурологией, философией, психологией и др. В результате русское языкознание РБ приобретает комплексный, интегрированный характер. Продолжает разрабатываться категориальная семантика — лингвофилософская категории отношения, оценки, эмотивности и др. Семантика языка рассматривается в исторической динамике и современном состоянии, интерпретируется в контексте как традиционных, так и новых теоретико-методологических воззрений. Исследуются теоретико-методологические и лингвофилософские основы русского языкознания. Традиционный, системный подход к исследованию языка вписывается в контекст современной, функционально-когнитивной научной парадигмы, исследуются этнокультурные и психолингвистические основания семантики слова. Изучается язык полиэтничного города (на примере г. Уфа); взаимодействие языков РБ осмысливается в этнокультурном контексте и в рамках теоретической проблемы двуязычия. Успешно развиваются новые направления: социолингвистика, риторика, стилистика и культура речи, метакоммуникация, межкультурная коммуникация, семантика и структура текста и различных типов дискурса. Развивается когнитивная семантика, концептология, изучаются отдельные концепты и фрагменты концептосфер общенародного русского языка и языка отдельных авторов. По этим проблемам появляется целый ряд работ реферативного, научно-описательного характера; исполняются кандидатские и докторские диссертационные исследования. Научно-теоретическим изысканиям сопутствуют прикладные выходы в лексикографию, лингводидактику. Выходят серии словарей системно-семантических, одно- и двуязычных функционально-когнитивных, диалектологических. Расширяется диапазон двуязычной лексикографии: публикуются тематические русско-башкирские словари. Обновляется теоретическая база школьной и вузовской лингводидактики, учебная лексикография. Разрабатывается лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку в национальных школах, осуществляется ее методическое обеспечение; в культурологическом аспекте осмысливается теория и практика письменной коммуникации.

Таким образом, к настоящему времени русское языкознание в РБ сложилось как разветвленная, многоотраслевая наука, объединяющая в себе теоретические изыскания в области русского языка, их лингвофилософские интерпретации, научно-описательные штудии с привлечением больших массивов фактического материала и практические выходы в лексикографию, в вузовскую и школьную методику.

Литература

- Список публикаций по лингвистической русистике ученых Республики Башкортостан см. в изданиях:
1. Языкознание в Башкортостане: русистика. Библиографический указатель / Сост. Р. М. Гайсина, Л. А. Самохина; под общей редакцией Р. М. Гайсиной. Уфа, 1999;
 2. Языкознание в Башкирском государственном университете: русистика. Библиографический указатель трудов языковедов-русистов филологического факультета с 1954 по 2003 гг. / Сост. Р. М. Гайсина. Уфа, 2004.

Об основах перцептивной лингвокультурологии

Т. В. Гамалей

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

tgamalej@yandex.ru

Перцептивная лингвокультурология, региолект, маргинализация русского языка, модели представления культурно значимой информации, изломы концептосферы

Summary. This report is dedicated to defining the subject of perceptive linguistic culturology, which focuses on the study of russian sphere of concepts and its interpretation by Russian speakers in an ethnic region, employing representational models based on regional dialects of linguistic world-image.

Перцептивной лингвокультурологией мы называем направление в лингвистике, ориентированное на изучение особенностей приема и интерпретации русской речи нерусскими, причем под русской речью в этом случае понимается не элементарный коммуникативный код, а совокупная концептосфера, опирающаяся на исторический и культурный опыт 646

нации. Можно констатировать, что в регионах России с преобладающим нерусским населением сформировался новый тип языкового сообщества, члены которого, формально владеющие русским языком с рождения, имеют в своем сознании в значительной степени трансформированный набор концептов.

Для большей части населения инонациональных регионов России (за исключением элитарного типа пользователей) русский язык становится элементарным средством коммуникации, лишаясь тех богатейших фоновых представлений, коннотативных наслоений и ассоциативных конденсатов, которые с большей или меньшей степенью регулярности реализуются в сознании носителей языка. Сужение культурологического пространства, обслуживаемого русским языком, мотивируется не только невысоким уровнем языковой компетенции, но и сознательным отторжением чуждого опыта постижения мира и хранения исторического опыта.

Формирование региолекта (регионального варианта русского языка) отчасти отражает процесс постепенной маргинализации русского языка как определенного культурного кода. В региолекте формируются новые типы представления концептов, связанных с ключевыми культурными

понятиями. Данные типы выстраиваются в соответствии с моделями полного и частичного вытеснения, сужения, расширения и полного или частичного замещения репрезентируемой культурно значимой информации. Используемые методы анализа, в частности, психосоциокультурологический эксперимент, позволяют выявить изменение длины ассоциативных цепочек и набора их звеньев, значительную редукцию зоны этикетного общения, формулы которого воспринимаются как маркеры чуждого способа коммуникации, не отвечающего определенному национально и ментально обусловленному поведенческому коду.

Таким образом, картина мира, сформированная в языковом сознании пользователей русского языка в его региональном варианте, представляет собой результат значительной трансформации и редукции концептосферы в связи с воздействием целого ряда факторов собственно лингвистического и экстралингвистического типов.

Ресурсный потенциал русского языка в новой Европе

Л. А. Гореликов

Национальная металлургическая академия Украины (Днепропетровск, Украина)

lev_gorelikov@mail.ru.

Русский язык, европейское языковое пространство, цивилизационная перспектива, геополитика

Summary. The prospects presence of Russian are examined in cultural space of Europe on a background basic civilization progress trends.

1. Самосознание российского общества эпохи глобальных перемен с особой остротой обнаруживает, что главным условием возможности его существования является в самом полном смысле слова единый язык — язык согласия и творчества всех причастных к этому обществу. Причем самосознанию вовсе небезразлично, будет этот единый язык произвольно назначенной семиотической системой для коммуникации, или он будет иметь фундаментальный онтологический статус, определяющий для бытия сущего и, в частности, человеческого существа. История свидетельствует, что реализация языка в русской песне, поэзии, художественной литературе служила не только своеобразным «оберегом» самой идентичности российского народа на протяжении веков, но и основой его культурного диалога со всем миром. Так что при выборе языка развития для страны и каждого гражданина вопрос о причастности языка бытию должен быть поставлен по существу. Одновременно необходимо учитывать при этом, что бытие в начале XXI века предстает как «мир без границ», так что лингвистическая программа жизнеобеспечения в статусе общенациональной стратегии неизбежно приобретает геополитический вектор. Подтверждением этого является активная экспансия Русского мира в новых геополитических условиях.

2. Лингвистический поворот в философии XX века предвещал миру и человеку его «языковленную» суть. Язык уже не скрывает от нас свое бытие: он становится самим бытием. Созидательный, творящий статус языка репрезентируется в жизни как языковой реальности. Успех определяется тем, насколько отдельные народы и государства сумеют представить этот новый открывшийся общественному сознанию горизонт языка как организационную, креативно-деятельностную основу для жизни. Применительно к России это означает, что все проекты модернизации российского социума в XXI веке должны быть в первую очередь языковыми программами (само)организации экономической, общественной-политической и культурной жизни. Лингвистическая парадигма существования придает русскому языку статус основного государственного стратегического ресурса, обеспечивающего интеллектуальную состоятельность, территориально-государственную целостность и социально-экологическую безопасность российскому обществу. Реализация — ноосферной по существу — лингвистической стратегии развития в постсоветской России влияет на формирование языковой карты мира в целом, но особенно интенсивно и масштабно окликается в культурно-языковом пространстве новой Европы, которая становится таковой все в большей степени не только в связи с повышенной динамикой славянского ее ареала, но и качественно новым присутствием русского языка в гуманитарно-технологическом контексте европейской цивилизации.

3. Известно, что взгляд на язык как продукт жизни социума, как производное, вторичное в общественном сознании явление, отношение к языку лишь как к средству способствовали общей девальвации слова в социумах европейского образца. Именно инструментальный подход к языку воплотился в манипулятивных технологиях, основанных на обращении со словом как средством эффективного и адресного влияния на реципиента, инструментальной агрессии, стереотипизации сознания электората. «Средний» европейский человек уже не мыслит себя непосредственно в связи со словом живого перевода — он поглощен визуальной картинкой, имитирующей «истинную реальность». Визуализация повседневной жизни маргинализировала важнейший источник смыслов, мелодики и символики жизни — устное народно-поэтическое творчество. Разрыв с этой традицией, создававшей и воспроизводившей в буквальном смысле языковую ткань жизни, имеет фундаментальные социальные последствия. Несмотря на активное распространение т. н. «языков международного общения» и планетарный успех «языков глобализации» и средств связи, язык взаимопонимания остается не достижимым для людей. И русский опыт языковой жизни в этой ситуации может оказаться не просто интересным для Европы, но и полезным.

4. Русский путь к языку как целному учению об онтологических истоках бытия, сущего, вещей, пространства, времени, человека позволяет обнаружить метафизические репрезентации языка, добыть феноменальные смыслы и тем самым преодолеть уровень инструменталистского толкования языка. Парадигмальный сдвиг в отношении феномена языка, произошедший в современной онтологии, должен найти отражение в прикладной филологии, в «нанотехнологиях употребления» русского языка. Феноменолого-герменевтический подход к языку, опирающийся на семиотико-этимологический метод, позволит представить «разнородную» онтологию в целостности. Язык является не просто внешним приложением к бытию (эпифеноменом), он — имманентно присущ и времени, и бытию. Онтология языка предполагает обязательный учет места и времени как основных бытийственных параметров языковой жизни. Целостная онтологическая модель бытия, представленная русским языком, отвечает принципам красоты, гармонии и свободы. С этих позиций русский языковой «Дом бытия» оказывается для европейцев одной из нереализованных возможностей развития.

5. Из осознания того, что язык является важным средством не только для общения людей, но и для описания всего существующего в мире, а также для открытия новых миров, возникают дифференциальные ресурсные оценки европейских языков. Рейтинговые показатели русского языка на этом фоне привлекают многоопытных европейцев с точки зрения

поиска новых ориентиров для реализации возможностей человека, его становления как духовного существа. В ближайшей перспективе этот прагматический в истоках подход к выбору языка развития приобретает дополнительные мотивации, связанные с радикальным изменением ценностей и целей современного общества, а также векторности и содержательности разных сфер человеческой деятельности. Одним из вариантов будущего прогресса цивилизации является ее устойчивое развитие. Сущность проекта устойчивого развития общества до конца еще не выяснена, хотя очевидно, что наиболее релевантной ее базой является язык. Устойчивое развитие Европы возможно лишь в условиях открытого с точки зрения лингвистической общества. Не ограничиваю-

щее свободу языковой деятельности и реализацию языковых прав личности общество предпочтительнее в плане устойчивости развития потому, что в нем легче решаются социальные и экологические проблемы, в нем больше готовность к консенсусу. Трудно представить себе основные европейские сценарии устойчивого развития без фактора русской языковой среды, для которой открытость речевого акта, лингвистический либерализм, трансляционная свобода и толерантность, востребованные современной Европой, являются органически присущими свойствами. Так что сохранение и развитие русскоязычного цивилизационного контекста, как это ни парадоксально, делает Европу не только по настоящему свободной, открытой, но и более устойчивой.

Русский островной говор Азербайджана: возникновение и современное состояние

Л. Г. Гулиева, С. Г. Жданова

Бакинский государственный университет (Азербайджан)

lalaquili@rambler.ru

История островного говора, современные процессы в говорах

Summary. The Russian island dialect of Azerbaijan is the dialect of the Russian settlers in Azerbaijan. In the report is traced the history and the present situation of the Russian island dialect of Azerbaijan.

Русский островной говор Азербайджана в своей основе относится к южновеликорусскому наречию. Он имеет дискретный ареал и поэтому называется **островным** (ср.: такие же **островные** говоры в Грузии и Армении). Возникновение русского островного говора связано с переселением русских в Азербайджан. Первые русские поселения на территории Азербайджана появились в первой трети XIX века. [2: 10]. В 30-е годы XIX века в Азербайджан начали переселяться русские крестьяне, в основном из южных губерний России и Украины. Одновременно с широким крестьянским потоком шло насильственное вытеснение на эту территорию приверженцев различных религиозных сект (духоборов, молокан, баптистов, прыгунов, субботников).

Особенностью русского островного говора Азербайджана является то, что с самого начала своего существования на данной территории он находился в тесном иноязычном (азербайджанском) окружении. Результатом такого окружения явилось влияние азербайджанского языка на русский говор, проникновение значительного количества азербайджанских слов в лексику последнего, а также неэквивалентных фонем азербайджанского языка, отсутствующих в русском языке и попавших в островной говор в составе заимствованной лексики.

Полевой сбор материала по говору начался в 50-е годы прошлого века во время диалектологических экспедиций в русские села Азербайджана. Собранный диалектный материал был издан в виде «Словаря русского островного говора Азербайджана» в 2006 году. Диалектный материал «Словаря» (около 6000 слов) отражает современное состояние русского островного говора Азербайджана (начиная с 1950-х годов по настоящее время). В нем дается краткая характеристика русского островного говора Азербайджана, описываются фонетические, словообразовательные, морфологические и др. черты. Иллюстрирован словарь большим количеством примеров, содержащих образцы диалектных текстов.

Естественно, что под воздействием литературного языка происходит изменение фонетической и морфологической систем русских диалектов; некоторые диалектные черты исчезают или происходит сужение их территории распространения.

Одна из фонетических особенностей русского островного говора Азербайджана — прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных, в частности [к]: *Дунь*[к'я], *постель*[к'я], *чай*[к'ю], *столь*[к'я], *боч*[к'я], *доч*[к'я]. В «Словаре русского островного говора Азербайджана» зафиксировано большое количество слов, в которых на месте [к] произносится мягкое [к']: *карданья*, *кухленья*, *лачужечка*, *оболонья*, *оклунья*, *чапелька*, *черничка* и др. Смягчение [к] отмечено и после твердых согласных.

Смягчение заднеязычных согласных, в частности [к], после мягких согласных в русском островном говоре Азербайджана сужается. Свидетельством этого является то, что происходит беспорядочное смягчение их в одних и тех же словах, варьируемое, например, *чапелька* и *чапелька*, *ма-хонья* и *махонья*, *оболонья* и *оболонья* и др.

Какая прогрессивная ассимилятивная тенденция заднеязычных согласных, следует отметить, что в изучаемом говоре существуют условия, благодаря которым это явление не подвержено интенсивному изменению, сужению [3: 385–387]. Благодаря двуязычию (азербайджанско-русскому) носители говора легко усвоили неэквивалентные звуки азербайджанского языка [ə], [ø], [ü], и для них не составляет труда произношение таких слов, как азерб. *gəl* — русск. *г'ал*, азерб. *kələm* — русск. *к'ал'ам*, азерб. *kənd* — русск. *к'анд*, азерб. *lərgə* — русск. *л'арг'а* и др. Такая характерная фонетическая особенность местного говора, как яканье, которая весьма последовательно проявляется в речи русского населения, также способствует усвоению произношения азербайджанского звука [ə], и в итоге произношение *-кя* наряду с *-яя*, *-хя*, *-ля*, *-ся* и т. д. задерживают развитие наметившейся тенденции.

В русском островном говоре Азербайджана исследователями отмечено наличие трех типов яканья: а) диссимилятивное яканье донского типа, б) умеренное яканье, в) сильное яканье [4]. Однако в более поздних работах [1: 9] подчеркивается разрушение этих типов яканья. Материалы диалектологических экспедиций последних лет не позволяют говорить о регулярно, последовательно проявляющихся типах яканья. Авторы «Словаря русского островного говора Азербайджана» считают, что можно лишь говорить о разрушенном и разрушающемся явлении предупредительного вокализма после мягких согласных. В одних и тех же селах у одних и тех же носителей говора спорадически встретилось: *сятра* и *систра*, *умяра* — *умирла*, *лясок* — *лисок*, *пятном* — *питном*, *пяском* — *писком* (см. «Словарь»).

Среди изменений морфологического характера отметим следующие. Современные исследователи русских говоров среди внутренних закономерностей развития морфологических систем отмечают значительную роль общерусских тенденций, действующих в русском языке и по-разному проявляющихся в разных говорах. Например, тенденция объединения парадигм существительных множественного числа в единый тип (*площадь*, *лошадь*, *матерь*, *дочь* и *ямья*, *березья*, *дырья*, *корзинья* и др.). В русском островном говоре Азербайджана флексия *-ја* совпадает как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных мн. ч. (*зятья*, *мужья*, *сынovie* и *амбарья*, *степья*, *овощья*). Наблюдается определенная стандартизация выражения одних и тех же грамматических значений.

В русском островном говоре Азербайджана такая яркая южнорусская морфологическая черта, как мягкое /г'/ в

окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего простого времени (*идеть, нести, ходить, солить*), постепенно заменяется на твердое /т/. Эта тенденция проявляется в беспорядочном употреблении форм с /т'/ и с /т/ одними и теми же носителями говора в одних и тех же лексемах.

Важное диалектное различие имен существительных касается категории среднего рода. Утрата среднего рода и переход этих существительных в категорию женского рода постепенно претерпевает изменения, т. е. существительные среднего рода, которые ранее в говоре функционировали как существительные женского рода (*время такая спокойная пришла; видите какая у меня положения; такая была зерно; почем мясу продаешь; будем утягивать сему всю лету; одна облака плывет; новая село построили; рада йа душой за вашу время* и др.), в настоящее время спорадически употребляются то как существительные женского рода, то как существительные среднего рода (*моя село и мое село*). Такая нейтрализация и дифференциация наблюдается повсеместно.

Вариативность русского языка в Украине

С. Дель Гаудио / Salvatore Del Gaudio

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

sadega@hotmail.com

Русский язык, национальный вариант, социоллингвистика

Summary. Scholars' attention has recently concentrated on the variegated sociolinguistic panorama of the former Soviet States, and Ukraine in particular. Here, besides the national language(s), Russian still covers vast sociolinguistic domains. Nevertheless, the kind of Russian spoken in Ukraine often presents specific language (discourse) features. Such traits are generalized to the extent that one may speak of a *Ukrainian variety* of Russian. Task of this abstract is to describe some recurrent language features distinguishing the Ukrainian variety of Russian from the authentic Russian language.

Определение роли русского языка и исследование степени его вариативности за пределами России в сравнении с установленной языковой нормой, представляется актуальным в современной русистике.

Исходя из постулата, характерной особенностью всех языков является их вариативность [2]. Из этого следует, что все языки мира варьируют в пространстве, а также на социальном и индивидуальном уровне.

Подчеркнем, что лингвистическая вариация, особенно географическо-диалектальная, более присуща обществу прошлого, чем современному.

Во второй половине XX века, благодаря расширению содержания обязательного образования и обучения, приходу СМИ, осуществлению языковой политики, направленной на развитие культуры речи национальных государств, языковая вариация существенно уменьшилась. Страны, принадлежавшие Российской Империи и затем вошедшие в состав Советского Союза, часто представляли гетерогенную социоллингвистическую ситуацию, которая включала также и Украину.

На большей части украинских территорий, русский язык постепенно заменил ранее широко употребляемые формы таких литературных языков как, например, церковнославянский язык украинского извода (славянорусский язык) и старый украинский литературный язык.

Со второй половины XVIII в. и до провозглашения независимости Украины (1991), языковая норма русского языка была предписана Россией. Тем не менее, всегда существовала «манера общения» с маркированными «украинскими» чертами даже в наиболее русифицированных территориях, которые исторически принадлежали к российской империи и в которых живут народы в основном российского происхождения (особенно в восточных регионах Украины и в Крыму).

Такие отличительные черты (например, смещение ударения на первый слог в словах *начала, поняла* или изменение предлога в словосочетании *говорить за кого-то / что-то* вместо *говорить о ком-то / чем-то*) достаточно широко распространены на национальном уровне, и потому можно говорить об *украинском* (национальном) *варианте* русского языка.

Для изучения феномена вариативности русского языка в новых геополитических условиях некоторые социолингви-

Изменения коснулись и форм падежных флексий. Материалы последних диалектологических экспедиций показали беспорядочные замены флексий *-а* и *-у* (*без делу* и *без дела, без стаду* и *без стада*), с преобладанием флексии *-а* в родительном падеже.

Современное состояние островного говора не позволяет четко говорить о закономерностях морфологических изменений. Налицо факт воздействия литературного языка, который нейтрализует диалектные различия и ускоряет процесс их нивелировки.

Литература

1. Асланов Г. Н. Заимствования из азербайджанского языка в русском островном говоре. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1967.
2. Гулиева Л. Г. Русская топонимия Азербайджана. Баку, 1984.
3. Гулиева Л. Г. Об одном фонетическом явлении в русском островном говоре Азербайджана // Проблемы современной лингвистики. 2-я Международная научная конференция. БСУ. Баку, 2007.
4. Микиртуни А. Я. Говоры русских переселенцев в Азербайджане. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952.

сты, как например А. Н. Рудяков [1], ввели термин *георусистика*, объектом которой является не русский язык непосредственно, а глобальное русскоязычное пространство.

По аналогии с языковой ситуацией франкоязычных территорий, эти ученые предпочитают говорить о **русофонии**. Русофония или русскоязычное пространство формируется национальными вариантами русского языка, возникающими в государствах, где русский язык используется для эффективного социального взаимодействия с другим национальным языком: украинским, казахским, белорусским и т. д.

Распад Советского Союза и тот факт, что в независимой Украине формальное преподавание русского языка значительно ограничено в пользу украинского, безусловно, ускорило процесс дивергенции из русского стандартного языка, особенно на устном уровне.

С другой стороны, сегодня в письменном русском литературном языке, почти не существует вариации. Это объясняется тем, что книги и пресса чаще всего импортируются из России.

Эта ситуация, типичная для новой геополитической реальности, увеличивает расхождение между пассивными и активными знаниями русского языка, книжными и устными формами, особенно среди молодежи. Кроме того, известно, что письменный язык меняется гораздо медленнее, чем устный.

Важно отметить, что социоллингвистическая ситуация в городах Украины достаточно разнообразна, здесь существует процент населения, который сознательно использует **российский** вариант русского языка.

Стратиграфия русскоязычного городского населения, особенно, в центрально-восточной Украине, заслуживает глубокого социоллингвистического исследования. Поэтому полную картину лингвистических особенностей местных вариантов можно наблюдать и анализировать лишь после объемного экспериментального исследования.

Наша задача состоит в определении некоторых специфических лингвистических черт, характеризующих общепринятый «украинский» вариант русского языка.

Литература

1. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка // Культура Народов Причерноморья. Симферополь. 2009. № 168. Т. 1. С. 7–10.
2. Berruto G. Fondamenti di sociolinguistica. Bari, 1995.

Русский язык в произведениях О. Сулейменова и его историческая судьба в Казахстане

Н. Джуанышбеков

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

nurdor@rfmbltr.ru

Глобализация, консорция, интеграция, пассионарии

Summary. In the paper the role of process of globalization in formation of the Kazakhstan culture and the Eurasian super ethnos is revealed. O. Sulejmenov's creativity and its followers, expressed on Russian language, can become kernels from which there is a harmony polytechnics Kazakhstan nation.

Объективный процесс радикального коренного изменения бытия человека в мире обусловлен глубинными сдвигами в способах и типах деятельного и межличностного общения в общепланетарном масштабе. Глобализация, сущностной основой которой является информационная революция, оказывает решающее влияние на все сферы человеческой жизни — экономику, политику, культуру, язык, образование, духовно-нравственное развитие, межэтнические и межконфессиональные отношения. Все эти сферы, вовлекаясь в убыстряющийся темп освоения и обмена информацией, приобретают качественно новые черты. Сейчас происходят процессы межкультурного и межэтнического взаимодействия в процессе формирования единого казахстанского народа. Характерно, что языком воплощения в действительность синергетики маргинальной литературы, понимаемой как литературы, образованной на границах на стыке разных этнокультур, этнолитератур, был русский язык. Глобальная цивилизация предоставляет русла, по которым локальное явление может заявить о себе, утвердить себя в качестве феномена культуры в ряду других ценностей. Понять то, что данное явление ценность, невозможно в замкнутом пространстве, вне культурного контекста, без контакта с Другим. Именно контекст неизбежно запускает в действие механизм взаимодействия литератур.

Если говорить о новой русской литературе, существующей в хронотопе постсоветского пространства, времени независимости когда-то союзных республик, то можно заметить ее качественно отличные от предыдущей литературы черты.

Русско-казахская (евразийская) консорция в Казахстане насчитывает более двух миллионов человек. Обладая неустойчивыми этническими признаками, находясь на грани двух этносов, синергетическая консорция выражает свою симбиотическую сущность на русском языке. Поэзия и проза казахов, пишущих на русском языке, вобрала в себя этнические казахские свойства, касающиеся исторического мироощущения, хронотопного состояния, этнической традиции, культурной преемственности, цивилизационной принадлежности, а также культурные достижения русской поэзии и мировой цивилизации. В соединении с этническими свойствами они порождают типологические особенности, присущие только этой консорциативной интегрированной казахско-русской (евразийской) литературе.

Интеграция, понимаемая как форма синтеза литератур и других идеологических сфер общественного сознания, как особая, со своими типологическими особенностями, «пограничная» синтезированная литература, как художественно — стилевое течение, возникшее одновременно с возникновением самой художественной литературы, не теряет, а приобретает новые качества, свойственные интегрированной литературе.

Интеграция этнокультур — это процесс взаимодействия, когда сама современная цивилизация, которую уже сейчас можно рассматривать как субстрат будущего общечеловеческого суперэтноса, получает обновление и новые принципы общежития, мышления, культуры. Интегрированная личность способна выделить недостаточность, относительность «своей» и «чужой» картины мира, что очень трудно сделать уверенному в себе монолингву.

В творчестве Олжаса Сулейменова происходит синтез стереотипов этномышления с выражением его на русском языке, соединение национальных картин мира, разнородных культур, поэтических традиций, рождается новое этносостояние. Для этого состояния нет разграничения на чужих и своих. Поэт уверенно чувствует себя и среди «своих», и среди «чужих». Столкновение этнообразов, материальных и духовных миров происходит на уровне осмысления современ-

ной цивилизации, поэтому главный источник нового субэтносоостояния — это гуманизм, общечеловеческие ценности, когда остро ощущается культурное единство человечества.

В русской классической поэзии XIX века, Олжаса Сулейменова особо привлекает к себе творчество Пушкина. Создавая образ Пушкина, обращаясь к его личности, к судьбе, к поэзии, казахстанский поэт трансформирует пушкинское планетарное мышление, его способность воспринимать, как свою, культуру Запада и Востока на новом витке человеческого развития. Интернационализм Олжаса Сулейменова, впитывающий в себя человеческие судьбы людей разных рас, народов, континентов, эпох, мировоззрений и перерабатывающий их в объекты поэтического сознания, того же плана, что и всеобъемлющий гуманизм Пушкина.

Национальный стереотип мироощущения выступает в его русскоязычной поэзии непринужденно, без натяжек и громоздких построений рассудочной стилизации. Язычески древнее, испытанное и возвышенное историей представление далеких предков о неделимом едином мире противостоит в поэзии О. Сулейменова стихии разрозненных связей.

В гуманистической концепции возрожденческого типа как эстетического идеала объединены неразрывно мотивы патриотизма и интернационализма в поэзии О. Сулейменова. Он мечтает о том времени, когда «...сойдутся племена — щека к щеке, уже нельзя плотнее». Для него дом — вся Земля, близкие — все земляне. Поэтому поэт имеет право проникновенно обратиться непосредственно к планете, и в этом обращении соседствуют русские и казахские фразеологизмы.

*Кружись, айналайын, Земля моя!
Как никто, я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам твоим...*

Поэзия Олжаса Сулейменова есть канал, выводящий избыток пассионарной биохимической энергии творчества, обратный вектору инстинкта самосохранения и определяющий способность к сверхнапряжению или даже к жертвенности ради улучшения исторической судьбы русско-казахской двухмиллионной консорции. Пассионариям эта цель представляется в создании евразийского суперэтноса, с одной стороны, и в сближении консорции с генетически близким этносом, с другой стороны. Отсюда настойчивое выражение глубинных интересов своего этноса и своей консорции, острое до болезненности ощущение его психического склада и сопряжение его с современным миром. Патриотизм, как ведущий мотив поэзии Олжаса Сулейменова, находится в диалектическом единстве с главной идеей творчества — идеей создания универсального мировоззрения, общего для культур всех этносов.

Если в 1960–1970-е годы поэтическая фигура Олжаса Сулейменова заслоняла робкие попытки молодых казахских русскоязычных поэтов проявить себя, то в 1980–1990-е годы они выходят из тени его поэзии. Ярко и самобытно заявляют о себе поэтическими книгами, поэмами, переводами, своей литературной и общественной деятельностью более десятка профессиональных поэтов. Каждый из них автор нескольких сборников стихов, а не некоторых стихотворений или, в лучшем случае, цикла стихов, как в 1960–1970-е годы. То есть, мы можем уже говорить об определенной стилевой общности группы писателей, об интегрированном поэтическом течении, тенденциях развития литературного процесса, типологических особенностях творчества этой литературной группы. Мы причисляем их к одной консорции, видя их общность в единой исторической судьбе, едином языке творческого самовыражения, в верности генетическим традициям, в процессе творческого самовыражения на русском языке.

Суржик: социолингвистическое исследование

У. Долешаль

Клагенфуртский университет (Австрия)
ursula.doleschal@uni-klu.ac.at

В. Дубичинский

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт (Украина)
vovodu@bk.ru

Т. Ройтер

Клагенфуртский университет (Австрия)
tilmann.reuther@uni-klu.ac.at

Суржик, двуязычие, социолингвистический эксперимент

Summary. The project is devoted to the analysis of oral speech in the Ukrainian TV talk show «Klyuchovy moment». Participants of this TV show speak several colloquial varieties of Ukrainian and Russian, partly surzhuk. Their conversational topic is family affairs. Oral speech is analysed on the basis of total transcription on all linguistic levels. The goal of the project is to present objective data on the linguistic situation in Ukraine.

Целью данной работы является исследования живой устной речи жителей Украины и, в частности, суржика.

В качестве объекта исследования выбрана телепередача центрального украинского канала «Интер» «Ключевой момент». Временные рамки анализируемых речевых блоков: июль-октябрь 2008 года.

Телепрограмма посвящена обсуждению жизненных проблем людей, их рабочих и семейных отношений и, как правило, поиску утраченных родственников, в которых помогает съемочная группа телепередачи.

Диалог участников телепрограммы протекает следующим образом: ведущая обращается к участникам передачи на нормативном украинском языке. Обсуждение проводится в условиях свободного выбора языка общения: украинского или русского; при этом следует учитывать две особенности ситуации общения: а) фактор публичного выступления и б) влияние речи ведущей на речевое поведение участников.

Как правило, диалог ведется разными лицами на украинском, иногда на русском языках; при этом наблюдаются, на первый взгляд, несистемные, спорадические смешения двух языков на различных языковых уровнях, что может на определенном этапе анализа считаться суржи́ком.

Выбранная телепрограмма адекватно репрезентирует языковую стихию современного украинского общества, так как:

- участниками телепередачи являются жители различных регионов Украины;
- участниками являются люди различного возраста (от школьного до пенсионного);
- присутствует гендерный аспект речи (речевые особенности мужчин и женщин);
- участниками являются люди различных профессий и уровня образованности;
- диалоги ведутся на различные темы семейной жизни, что предполагает использование достаточно общих у всех участников пластов лексики.

Благодаря записанному видеоматериалу можно установить географическую принадлежность, возраст, социальный

статус, образование героев телепередачи и их речевые особенности в различном тематическом контексте, что составляет **речевой паспорт коммуникативной ситуации и ее участников.**

Лингвистическая методология.

Интересными для анализа представляются 2 вектора общения:

1. Когда суржиковые явления появляются в украинской речи.

2. Когда суржиковые явления появляются в русской речи.

Данные ситуации встречаются неравномерно и имеют различную частоту встречаемости (различный частотный индекс): случаи появления суржиковых явлений в украинской речи, по нашим материалам, более частотны, чем в русской. При этом немаловажно установить, в какой именно момент происходит переключение с нормативного (русского или украинского) языка на суржик, а также что именно влияет на появление в речи суржиковых явлений.

Факты русско-украинской интерференции проявляются на всех языковых уровнях и подуровнях: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом. Поэтому предлагается комплексная процедура анализа суржиковых явлений.

Для научной объективности анализа и возможности проверить экспериментальные данные применяется методика сплошной транскрипции диалогов (из отдельных фрагментов передачи), которая предполагает описание как нормативного, так и суржикового речеупотребления. По необходимости применяются метод эквивалентного перевода, сравнительный и описательный методы.

Адресатом нашего исследования является лингвист, в достаточной мере владеющий русским и украинским языками и желающий разобраться в языковой ситуации современной Украины.

В выступлении будут представлены примеры аудио- или видеоматериалов с подробным разбором исследуемых социолингвистических ситуаций.

О развитии вариантных форм русского языка в Украине

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

yuvld@mail.ru

Языковая ситуация, вариант языка, двуязычие, койне

Summary. The paper is dedicated to the problem of the development of the linguistic situation in Ukraine. The peculiarities of the interaction of the Russian and Ukrainian languages and the possibilities of the formation of the variant forms of these languages are examined here.

Сложившаяся в Украине языковая ситуация приводит к конкуренции двух близкородственных языков, вследствие чего в отношении их функционирования наметились взаимоклещающие тенденции. Поэтому перед украинскими лингвистами стоит задача определить особенности и перспективы функционирования русского языка в Украине в связи с существующей языковой ситуацией и возможными вариантами ее развития.

Как самый вероятный рассматривается вариант, при котором во всех сферах деятельности на всей территории Украины будет господствовать украинский литературный язык. В этом случае русский язык окажется фактически в положении диалекта, поскольку будет обслуживать только ограниченную сферу деятельности людей. Насколько реален путь преобразования русского языка на территории Украины в диалект? Главным условием такого преобразования

является ограничение функционирования русского языка отдельными областями и перевод его в бытовую сферу. Этот вариант развития языковой ситуации представляется бесперспективным в политическом и культурном плане, однако необходимо признать, что вероятность развития у русского языка в Украине диалектных особенностей вследствие сужения сферы его функционирования постепенно увеличивается. Но все же представляется, что такой вариант функционирования русского языка в Украине пока что является в большей степени гипотетическим, хотя на сегодняшний день можно назвать множество факторов, способствующих осуществлению такой трансформации.

Наиболее перспективным во всех отношениях вариантом развития сложившейся ситуации является провозглашение официального украинско-русского двуязычия. И хотя сегодня этот вариант развития событий также представляется маловероятным, поскольку, во-первых, провозглашение двуязычия с необходимостью потребует принятия законов, обеспечивающих свободное функционирование двух языков (и здесь могут потребоваться некоторые меры для защиты украинского языка от преобладания русского), а во-вторых, двуязычие не позволит многим общественным деятелям пользоваться мощнейшим орудием манипуляции в политической сфере, мы все-таки полагаем необходимым рассмотреть его перспективы.

Следует отметить, что, по мнению ряда лингвистов (А. Н. Рудяков и др.) в случае принятия двуязычия в Украине благодаря относительно самостоятельному развитию сформируется украинский национальный вариант русского языка. Скорее всего, значительную роль в создании этого варианта сыграет суржик (результат русско-украинской интерференции), который на сегодняшний день в определенном отношении выступает как конкурент двух литературных языков (об этом ниже). Этот вариант разрешения языковой ситуации предполагает путь самостоятельного развития русского языка в Украине, итогом которого станет украинский национальный вариант русского языка. О возможности формирования в будущем национальных вариантов русского языка свидетельствуют сегодня ряд тенденций, на которые обращают внимание многие лингвисты (А. Н. Рудяков, В. В. Дубичинский, О. В. Зарецкий, Е. А. Журавлева и др.). В частности, основанием для приводимых ниже выводов служит общая практика развития вариантных форм полинациональных языков: английского, французского, испанского, немецкого, арабского.

Одним из условий формирования национального варианта языка является широкая область функционирования отдельного языка на территории ряда государств, и поэтому мы полагаем бесспорным, что русский язык находится в стадии «расщепления» на варианты. В пользу этого предположения говорит множество языковых фактов, которые наблюдаются в речевой практике носителей русского языка вне России. Эти факты получили значительное распространение и поэтому их уже нельзя рассматривать только как

интерференцию. Поэтому мы полагаем, что в ряде стран бывшего СССР идут процессы, результатом которых будет формирование национальных вариантов русского языка.

Таким образом, мы должны признать, что на территории Украины есть определенные условия для формирования варианта русского языка. Развитие такого варианта является закономерными в силу действия лингвистических законов и обусловлено статусом русского языка как средства общения народов России и близлежащих государств. Русский язык в процессе функционирования неизбежно варьируется, приобретая на территории отдельных стран свои особенности, которые проявляются как в устной, так и в письменной речи. Это, в частности, объясняется интерференцией языков в процессе их взаимодействия, а также намеренным использованием говорящим или пишущим на русском языке фактов другого национального языка.

Ряд исследователей (А. Н. Рудяков, В. В. Дубичинский и др.) полагают, что наиболее вероятным вариантом развития официально незакрепленного двуязычия будет стихийная победа (олитературирование) суржика (украинско-русского просторечия). Основания для таких выводов можно найти в истории многих языков, в частности, славянских и романских. Однако чаще всего в среде украинских лингвистов (и русистов, и украинистов) такой вариант развития языковой ситуации вызывает негативные отзывы и оценивается как «порча» двух языков, что, как убедительно доказывает А. Н. Рудяков, является неправомерным.

Суржик выступает на территории Украины как некоторый промежуточный подъязык, образовавшийся в процессе интерференции. Таким образом, суржик оказывается основой для формирования и развития койне, т. е. «функционального типа языка, используемого в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» (В. А. Виноградов). Для формирования подобной разновидности языка требуются условия ситуативно ограниченных контактов носителей языка-источника с носителями другого или других языков. Как представляется, именно такая ситуация складывается в Украине.

Подводя итоги наших рассуждений, можно констатировать, что функционирование русского языка в Украине обусловлено влиянием различных экстралингвистических факторов, среди которых важное место занимает отсутствие у этого языка определенного официального статуса. Анализ перспектив развития сложившейся языковой ситуации позволяет утверждать, что наметился ряд тенденций, развитие которых может привести к различным результатам: переходу русского языка в разряд диалектов; формированию украинского национального варианта русского языка; образование койне на основе русского и украинского языков. Однако при любом варианте разрешения языковой ситуации функционирование русского языка в Украине будет связано с увеличением вариативности его системы.

Проектное исследование по русскому языку как акт межкультурной коммуникации и форма сохранения русского языкового поля в Молдове

О. В. Думитраш

Современный гуманитарный институт (Кишинев, Молдова); Русский интеллектуальный центр (Кишинев, Молдова)

oksanadymittrash@mail.ru

Билингвизм, диалог культур, национальная специфика, русское языковое поле

Summary. Thesis is about the project study of Russian language not only as a base of cognitive activity of pupils, but as cross-cultural communication and one of the forms of saving Russian language field in Moldavia.

1. Необходимость сохранения национальной специфики изучения русского языка в Молдавии в условиях глобализирующегося мира. На III Ассамблее Русского мира 3 ноября 2009 года в *Фундаментальной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова* Патриарх Кирилл высказался о том, что «глобализация бросает вызовы концепциям культурно-национальной идентичности». Говоря о Молдове как о «части Русского мира», Его Святейшество назвал то общее, что объединяет наши народы: «преданность Богу, любовь к Родине, человеколюбие, справедливость, межна-

циональный и межрелигиозный мир, стремление к знаниям, трудолюбие, уважение к старшим».

Наша работа — организация проектных исследований старшекласников по русскому языку, которой мы занимаемся в Русском интеллектуальном центре (РИЦ) уже в течение пяти лет, — как раз направлена на то, чтобы помочь учащимся русских и молдавских школ Кишинева изучить в разных аспектах условия функционирования русского языка в Молдавии, приблизив их тем самым к России, к русской культуре, к ее «базисным духовным ценностям».

2. «Чем выше национальная специфика, тем больше лакун» (Н. Бердяев). Поэтому русский язык в Молдавии — неограниченное поле для исследований и открытий. Выбор направления проектного исследования (будь то социо-, этнолингвистическое, этнопсихологическое исследование или изучение языка текстов местных русскоязычных писателей, поэтов-билингвов и т. д.) зависит от интересов старшеклассников и темы лингвистической конференции, но всегда связан с национальной спецификой, что активизирует когнитивную деятельность школьников в процессе работы над проектом.

(1) Билингвизм, его природа и формирование на территории Молдавии. Изучение билингвальной языковой личности, билингвальных текстов — приоритетные направления в учебных исследованиях старшеклассников. Молдавия — уникальное место, где можно исследовать билингвизм, ведь это страна с чистой билингвальной средой. После распада Союза позиции русского языка, к сожалению, оказались сильно ослабленными. Эта проблема находится в зоне внимательного рассмотрения и поиска путей формирования коммуникативной и лингвострановедческой компетенций у учащихся молдавских школ при изучении русского языка. В молдавской школе с государственным языком обучения русский изучается по два часа в неделю только с пятого по девятый класс.

(2) Диалог культур: русская и молдавская культурные традиции. Наша задача — привести юного исследователя к пониманию необходимости диалога культур — русской и молдавской. На XIII Московской конференции старшеклассников 2009 года (ее тема — «Язык и норма») поощрительный приз «за поддержку диалога культур» получил доклад Нани Лии, учащейся 11 класса молдавского лицея им. М. Эминеску. Тема ее проектного исследования — «Проблема формирования коммуникативной и лингвострановедческой компетенций при изучении в молдавской школе рассказа И. Друцэ «Запах спелой айвы». Кратко о своей работе ученица пишет так: *Ученики молдавских школ лишены возможности погружения в атмосферу русской культуры, традиций, обычаев и практического освоения русской языковой системы и языковой нормы. В работе мы уделяем внимание поиску путей формирования устойчивых коммуникативной и лингвострановедческой компетенций у учащихся национальной (молдавской) школы при изучении русского языка. Рассказ Иона Друцэ «Запах спелой айвы» — яркий пример создания молдавского колорита средствами русского языка. В работе обосновывается возможность использования текста рассказа на уроках русского языка в молдавской школе, так как по национальной программе по русскому языку это произведение не изучается.*

(3) Когда мы говорим о необходимости обучить школьника уменью понять представителя другой культуры, воспринять основания иных позиций, это не означает утраты принципов, а предполагает **высокую ответственность и максимальную напряженность развертывания творческого потенциала собственной позиции.** Для доказательства правоты собственной позиции сегодня у учащегося в арсенале не только библиотека, но и Интернет, возможности как общения в Сети с видными современными исследователями языка, так и проведения различных интерактивных опросов. Тематика таких работ, как правило, связана с анализом языкового сознания и изучением языковой картины мира, например: «Изменение национально-культурной коннотации понятий «богатый-бедный» в языковом сознании русскоязычных школьников Молдовы»; «Место бинарной оппозиции «умный-глупый» в языковом сознании русских и молдаван»; «Соотношение концептов *свобода — дух — мечта* в языковой картине мира русскоязычной молодежи Молдавии» и др.

3. Проект по русскому языку как «ключ» к пониманию русской культуры. Работа по организации проектной деятельности старшеклассников в исследовательских группах РИЦ показала возрастающий год от года интерес к русскому языку, к русской культуре не только со стороны учеников русских школ, но и учащихся молдавских лицеев. Возможность обратиться к исследованию, совершить, пусть небольшое, но открытие, создает мотивацию для более глубокого изучения тайн и законов русского языка, а значит, способствует сохранению русского языкового поля в Молдавии. Поэтому наша работа будет продолжена.

Литература

1. *Думитраш О. В.* Приобщение школьников к исследованию языка поэзии // «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». Материалы Международной научной конференции «IX Кирилло-Мефодиевские чтения». 13–16 мая 2008 года». М., 2008. С. 499–503.
2. *Думитраш О. В.* Русскому интеллектуальному центру в Республике Молдова — 5 лет // Русский язык за рубежом. 2008. № 5 (210). С. 88–92.
3. *Думитраш О. В.* Проектно-исследовательская деятельность студентов как форма личностного развития // Труды Современного гуманитарного института. Вып. 6. Кишинев, 2009. С. 161–164.
4. *Думитраш О. В.* Обоснование междисциплинарного характера проектной технологии как основы языковой деятельности школьников в когнитивном аспекте // Материалы I Международной научно-практической интернет-конференции «Русский язык @ Литература @ Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом». <http://world.russianforall.ru/conf/index.php>.

Процессы развития русского языка в странах постсоветского пространства

Е. А. Журавлева

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

zhuravli2006@rambler.ru

Лексическая система, регионализм, вариативность, полинациональность языка

Summary. The paper deals with the problems of functioning of the Russian language in a foreign language surrounding, these leading to qualitative and quantitative changes in its lexical system. The Russian language is being considered in terms of its polynational nature.

Вопрос взаимосвязи русского языка и языков других народов представляет большой интерес и особую значимость в связи с тем, что национальный русский язык, создаваемый на основе сознательного отбора и регламентации форм, не может носить универсального характера, в его формировании принимают участие различные языковые системы и необходимость распространения на значительной территории.

Практически во всех государствах постсоветского пространства по сей день функционирует русский язык, занимая при этом уже не доминирующее положение. Поскольку изменился его статус и статус окружающих его языков, поскольку он попал в более «плотное» иноязычное окружение, причем в каждой стране другое, то и отношение ко многим, происходящим в системе языка процессам, меняется. Русский язык во всех странах постсоветского пространства, испытывая влияние близкостоящего языка и социокультурных условий, находится в процессе расшире-

ния лексической системы. Все это связано с тем, что базовых знаний, изначально заложенных в лексической системе и рассчитанных на коммуникацию в России, оказывается недостаточно для осуществления адекватной коммуникации в ситуации дву- и полилингвизма.

Наличие иноязычных элементов в русском языке объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами и «получает свое выражение в том, что наш язык выступает в виде сложной разнородной системы, состоящей из общих и отличных (относительно других языков) лингвистических единиц и структурных формул» [1: 43]. Общее в его номинативной системе постоянно увеличивается за счет чужого материала, новых заимствований — тематически, семантически и стилистически очень пестрых. Элементы сходств и различий в русском языке разные и в количественном, и в качественном отношении.

Ограниченный регион инонациональной среды, в которой развивается русский язык, в большей степени способствует

обновлению лексического состава русского языка за счет заимствованной лексики — регионализмов, которые естественно, как родные единицы, входящие в русские устные и письменные тексты. Культурным фоном письменных и устных текстов могут являться этикетные формы, географические названия, аббревиатуры и т. п., требующие особых знаний носителя русского языка, проживающего вне территории исконного распространения языка.

Лексическая система русского языка в Казахстане обогащается единицами казахского языка, что приводит к качественным изменениям в лексическом составе, расширяет ее. В активное употребление входят регионализмы практически всех сфер коммуникации, представляя собой особые формы функционирования единого языка, формы адаптации литературного языка к условиям и потребностям наций — носителей данной русского языка. На этой основе происходит расширение концептосферы русского этноса, проживающего вне России, определяются приоритеты развития языка, в свою очередь влияющие на формирование ментальных черт и стереотипов поведения, формируются черты новой гражданской идентичности.

Анализ лексики, актуальной для общественно-политической, социально-культурной, гастрономической, ономастической сфер коммуникации показал, что включения регионализмов в тексты имеют высокую частотность. Употребление новых единиц вызывает насущную потребность в их пояснении. Имеющийся фонд словарей русского языка пока не в состоянии восполнить этот пробел.

Все более интенсивное проникновение регионализмов в лексическую систему русского языка в странах постсоветского пространства и, в частности, в Казахстане, приводит к развитию языкового параллелизма и вариантности, а в целом — к обогащению выразительных возможностей конкретного варианта русского языка. Вместе с тем взаимодействие и взаимовлияние национальных языковых вариантов ведут не к размыванию дифференциальных черт, а к лучшему осознанию и сохранению собственного языкового своеобразия, что для русского языка России не менее важно и что проявляется в возможности выделения на уровне лексической системы так называемых русизмов.

На наш взгляд, с ареально-лингвистической точки зрения словарный состав казахстанского варианта русского языка складывается из следующих компонентов:

1. Общерусский словарный фон, составляющий основную базу языкового употребления (так называемое общее ядро). Компоненты такого общего ядра не могут быть использованы в качестве условного эталона (инварианта) для выявления вариантных национально отмеченных единиц.

2. Регионализмы, то есть заимствованные из казахского (или посредством казахского) языка лексические единицы литературного стандарта, неупотребительные на территории России.

3. Региональные лексические единицы, относящиеся к литературной норме и построенные по моделям русского языка, но отражающие реалии казахстанской действительности, неупотребительные на территории исконного распространения языка.

Изменяет ли лексическую систему русского языка включения регионализмов в каждом национальном варианте, и, конкретно, в русском языке Казахстана? Каким бы значительным ни было число заимствований в национальном варианте русского языка, они не могут коренным образом перестроить его лексическую систему, они могут лишь показать возможности ее варьирования, зависящие от территории распространения, выполняемых функций и характера контактов с другими (другим) языками.

Вариативность лексической системы русского языка, зависящая от территории распространения и языка-окружения, имеет особое значение для более четкого определения его полинационального характера, поскольку исторически сложилось так, что он оказался рассредоточен в нескольких государствах.

Таким образом, в результате разнообразных процессов межуровневого, внутрирегионального и межнационального взаимодействия каждый из национальных вариантов русского языка обладает определенным инвентарем лексических единиц, фрагменты которого могут быть общими. Расхождения между словарными составами национальных вариантов русского языка носят как инвентарный, так и дистрибутивный характер и могут затрагивать количественные параметры — за счет существования параллельных дублетных обозначений, — качественные показатели, что выражается в необычной лексико-семантической и стилистической интерпретации лексических единиц русского языка и употреблении собственно регионализмов.

Варьирование лексической системы русского языка обусловливается взаимодействием внешних и внутренних ресурсов. Противоречия внутренние действуют в единстве с противоречиями внешнего характера, к которым следует отнести, прежде всего, противоречие между существующими средствами выражения и коммуникативными потребностями говорящих, между компонентами сложной языковой ситуации в условиях двуязычия и полиязычия.

Литература

1. Шанский Н. М. Иностранные языки на уроках русского языка // Русский язык в школе. 1997. № 1. С. 42–47.

Проблемы кодификации норм современного русского литературного словоупотребления и языковая политика в современной России

О. В. Загоровская

Воронежский государственный педагогический университет

olzagor@yandex.ru

Норма, кодификация, русский литературный язык, языковая политика, словари

Summary. The paper deals with the problems of codification of the Russian literary language norms in the latest period of its history and features of language policy in contemporary Russia. The focus of the paper is given to Russian as the state language.

Проблемы кодификации норм литературного словоупотребления в новейший период развития русского языка в современной России стоят особенно остро, что обусловлено многими причинами как собственно языкового, так и социокультурного характера. Во-первых, на рубеже XX–XXI веков русский язык пополняется множеством инноваций, нормативность которых применительно к русскому литературному языку ранее не рассматривалась и не определялась. Во-вторых, в настоящее время значительно ускорились процессы динамических изменений уже существующих норм литературного словоупотребления. В-третьих, издаваемые в современной России словари во многих случаях предлагают неоднозначные, иногда абсолютно противоречивые характеристики тех или иных языковых явлений с точки зрения их нормативности.

Расхождения между материалами различных словарей современного русского языка относительно нормативности

тех или иных языковых единиц объясняются целым рядом обстоятельств, в том числе и тем, что подготовка словарей перестала быть государственным делом, которым занимаются только специалисты, в силу чего во многих словарях излишне широко допускаются субъективные оценки языковых явлений и предлагаются данные, недостаточно выверенные по всем возможным научным источникам. Одной из важнейших причин отмеченных расхождений является, безусловно, сама внутренняя сущность языковой нормы, предполагающая ее историческую изменчивость и возможность существования в нескольких вариантах, которые в большинстве случаев различаются стилистическими характеристиками, а также закрепленностью за определенной сферой употребления, типом общения и типом речи.

Сущностные особенности нормы русского литературного языка определяют сложность ее кодификации, которая невозможна без серьезной исследовательской работы и учета

всех известных принципов определения нормативности языкового явления. При этом для современной лингвистики абсолютно очевидным является положение о том, что языковая норма по своей природе — явление объективное; она не может навязываться языку, хотя кодификация нормы с необходимостью предполагает элемент субъективизма и может выступать как результат коллективного договора.

Проблемы кодификации литературной нормы в настоящее время имеют особое значение для русского языка как государственного, т. е. законодательно закрепленного для использования в официальных сферах общения и требующего согласия русской языковой традиции использования или императивных норм (в случаях, не допускающих вариантов в пределах литературного языка), или (при наличии вариантов) — использования тех диспозитивных норм, которые или специально предназначены для официальной речи или являются основными, ведущими.

В настоящее время в отечественной лексикографии не существует словарей и справочников, специально ориентированных на отражение норм русского литературного языка для его использования как языка государственного. Решение названной проблемы следует рассматривать не только как собственно лингвистическую задачу, но и как одно из важнейших направлений языковой политики в современной России.

В последние полтора десятилетия у отечественного лингвистического сообщества появились основания для определенного оптимизма относительно государственной поддержки русского языка, поскольку рубеж XX–XXI веков ознаменовался рядом серьезных государственных инициатив, направленных на сохранение национального русского языка, а также активизацией государственной политики в отношении русского языка как языка государственного (разработка целевой федеральной программы «Русский язык»; принятие в 2005 году Закона о государственном языке Российской Федерации и др.). Однако инициатива, с которой выступило Правительство России в 2009 году, в значительной мере разрушила подобные оптимистические ожидания.

Вступивший в силу 1 сентября 2009 года Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» представляется не только противоречивым и некорректным (в списке утверждаемых нормативных изданий нет ни одной грамматики и ни одного справочника; ни один из названных в приказе словарей специально не выделяет и не

описывает нормы русского языка как государственного; сравнительный анализ утвержденных словарей выявляет многочисленные расхождения между ними), но и опасным для развития русского литературного языка. Правомерность данного утверждения определяется следующими соображениями. В утверждаемых названным приказом словарях широко представлены различные варианты литературной нормы, которые подаются в большинстве случаев без каких-либо разграничительных помет. Помещенные в контекст государственного документа и скрепленные подписью министра, перечисленные в приказе словари фактически закрепляют в качестве равноправных те формы, которые в действительности таковыми не являются. Данное обстоятельство есть не что иное, как насилие над русским языком и принесение в него того, что не соответствует внутренним законам его развития. Очевидно, что отбор и кодификация основных вариантов литературного словоупотребления из числа реально существующих могут быть сделаны только после проведения специальных лингвистических исследований. Искусственное вмешательство в развитие русского литературного языка грозит прерыванием языковой и культурной традиции.

Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» уже действует: названные в нем словари направляются не только в государственные учреждения, но и в вузы и школы и дезориентируют носителей русского языка, в том числе учителей и преподавателей. Представляется, что Правительство РФ должно проявить политическую волю и отменить указанный приказ, который может нанести очевидный вред русскому языку как национальному достоянию.

Представляется также, что одной из важнейших задач современного отечественного языкознания является разработка специального нормативно-стилистического словаря, ориентированного на отражение норм литературного словоупотребления, рекомендованных для использования в официальной сфере общения и публичной речи.

Литература

1. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
2. Загорская О. В. Русский язык в России начала XXI века: официальный статус и реальное функционирование // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IV международной научно-практической конференции. Воронеж, 2007. С. 41–45.

Русский язык — средство межнационального общения в современной Сирии

С. Заидие

Дамасский университет (Сирия)

s.zaidieh@yahoo.com

Русскоязычное сообщество, объединяющий фактор, приобщение молодежи, РКЦ — Русский дом, престижность русского языка

Summary. Russian is a popular language in Syria. It is the language for contacts between people of different nations and cultures.

Русскоязычная диаспора начала складываться в Сирии в 60-е годы XX века. За прошедшие десятилетия более 30000 выпускников вузов СССР, России и бывших союзных республик вернулись на родину, и многие из них привезли русскоязычных жен. В результате этого в небольшой Сирии сложилось многотысячное активное русскоязычное сообщество.

Для выходцев и выпускников вузов всех республик бывшего СССР русский язык — объединяющий фактор. Вслед за дамасским клубом соотечественников, которому исполнилось уже 25 лет, и в других городах Сирии формируются русскоязычные сообщества. Цель их деятельности — сохранение русского языка в стране проживания и расширение его ареала за счет приобщения к его богатствам детей и молодежи.

Следует отметить, что русскоязычная молодежь вслед за старшим поколением выпускников и диаспоры весьма заметно проявляет себя во всех сферах жизни Сирии, включая спорт и искусство, где успешно трудятся русскоязычные тренеры и педагоги.

Объединяющим фактором является русский язык и для такой серьезной, многочисленной и активной организации, какой стала в Сирии «Ассоциация выпускников вузов СССР, России и бывших советских республик».

В последние годы участились случаи, когда выпускники-сирийцы, а не только смешанные семьи, хотят, чтобы их дети изучали русский язык. Хотят дать русский язык своим детям или сохранить его представители стран Средней Азии и Кавказа, которые приезжают в Сирию изучать арабский язык или ислам. Они приводят своих детей в РКЦ Дамаска, где обучаются русскому языку одновременно более 200 детей и подростков. И до сих пор русский остается в Сирии языком межнационального общения для выходцев из стран бывшего соцлагеря, особенно для иммигрантов из ГДР, Чехословакии, Польши и Болгарии.

Особо следует отметить роль РКЦ Дамаска в распространении и сохранении русского языка в Сирии. РКЦ — это средоточие русской жизни, **русский дом**, который отметил уже 40-летие своей деятельности. И все эти годы под его крышей успешно работают курсы русского языка и дет-

ская школа. Другими очагами изучения русского языка являются сирийские государственные вузы. Как второй европейский русский изучается в Дамаском, Алеппском и Латакийском университетах на филологических факультетах. Как второй иностранный он преподается студентам других факультетов.

В последние годы русскоязычное сообщество в Сирии расширяется и активизируется на фоне возрождающегося сотрудничества, осуществления совместных сирийско-русских проектов на территории нашей страны, а также на

фоне роста внимания российского руководства к соотечественникам, в том числе, и в дальнем зарубежье.

Знать русский язык в Сирии престижно. Это безусловно, связано с тем, что и в новых геополитических условиях дружественные отношения между Россией и Сирией развиваются успешно. Русскоязычное сообщество вместе с сирийской общественностью отметило в 2009 году 65-летие установления советско-сирийских отношений.

В настоящее время на сирийском телевидении и радио есть ежедневная передача на русском языке.

Региональные разновидности русского языка в условиях глобализации

Т. Ю. Игнатович

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита)

ignatovich_chita@mail.ru

Русские говоры вторичного образования, интеграционные языковые процессы, сохранение и нивелирование ряда диалектных черт, формирование забайкальского региолекта

Summary. The lecture deals with the present condition of some particular dialectal systems of the secondary formation dialects in Eastern Zabaikalye, which are characterized by the preservation of the dialectal peculiarities of original stems, formation of the specific regional features and the growing similarity, transformation, leveling-off of the distinctive local features and working out of the common local features in them under the influence of integration processes caused by the global character factors.

В период освоения Восточного Забайкалья, начиная со второй половины XVII века, русская речь, бытующая на этой территории, по данным памятников письменности, носила выраженный диалектный характер. В регионе формировались вторичные говоры, имеющие различия в материнской основе. Еще в начале 90-х гг. XX в. диалектологи определяли в центральных районах Забайкальского края, на территории раннего заселения, бытование старожильческих говоров, сохраняющих черты севернорусского происхождения, на территории, осваивавшейся в более поздние сроки, были распространены переходные среднерусские говоры. На юго-западе региона есть ареал функционирования говоров южнорусской основы («семейские говоры»), предки носителей которых — старообрядцы — осваивали эту территорию с середины XVIII века, здесь же встречается русская народно-разговорная речь, проявляющая севернорусские диалектные черты.

В настоящее время в русской народно-разговорной речи на территории Восточного Забайкалья системные диалектные особенности находятся в процессе утрачивания, даже в речи сельских жителей преклонного возраста широко распространена вариантность в употреблении диалектных, литературных, просторечных языковых средств, поэтому употребляют термин «диалект» относительно местных языковых разновидностей первого десятилетия XXI века, на наш взгляд, нужно осторожно и не во всех случаях целесообразно.

Исследование современного состояния русской народной речи на территории Восточного Забайкалья показывает определенную степень сохранения различительных диалектных особенностей, доставшихся от материнских говоров. Яркий региональный колорит русские говоры Забайкалья приобрели в результате воздействия языков коренных жителей, это нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков, однако в настоящее время происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков, в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами и в связи с общим процессом ослабления локального межязыкового влияния.

Активно проявляют себя в русской региональной народно-разговорной речи, в том числе и на территории Восточного Забайкалья, интеграционные процессы такого общемирового явления, как глобализация. Наблюдающиеся в частных диалектных системах изменения свидетельствуют об их сближении, трансформации, нивелирования различительных и выработке ряда общих локальных черт.

Одним из таких факторов, который вызывает серьезные изменения в системе русских диалектов, и в частности забайкальских, является воздействие литературного языка. В последние десятилетия мы наблюдаем активный уход диалектных слов в пассивный запас или даже их утрату, особенно в речи молодого поколения. В области фонетики и морфологии развивается вариантность в употреблении диа-

лектных и литературных языковых средств. Отмечаются устойчивые и менее устойчивые диалектные черты. В русских говорах севернорусского происхождения при практически повсеместно развившемся переходе от оканья к аканью, еканья к иканью даже в речи диалектоносителей преклонного возраста наблюдается сосуществование разных типов вокализма, в речи молодого поколения преобладает аканье и иканье. В консонантизме отвердевают мягкие шипящие, смягчаются [ч] и долгие шипящие. Однако на говоры данного региона литературный язык оказывает влияние с разной степенью интенсивности, что проявляется в протекании одних и тех же изменений на разных стадиях (например, процесс отвердения шипящих). Под влиянием литературного языка в морфологической системе приостанавливаются процессы унификации между типами склонения и внутри типов склонения. Практически только в речи старшего поколения можно услышать *к весны, в грязе, вёдрам таскали, пекчи*. Устойчивыми в употреблении остаются стяженные формы имен прилагательных и глаголов: *дурну дефку, понимаю*, личные формы глаголов с выравненной основой на заднебный: *текёт, пекём*, унифицированная форма прилагательных и местоимений по форме Тв. п. ед. ч.: *в этом дворе*, формы личных местоимений 3 лица с корневым [j] при употреблении с предлогами: *у ей, с им, к ей*. «Семейские» говоры южнорусского происхождения также испытывают воздействие со стороны литературного языка: в настоящее время диссимильативное аканье сменяется недиссимильативным, яканье в речи старшего поколения сосуществует с иканьем, молодежь практически использует только икающий тип вокализма. В морфологии в речи традиционного слоя диалектоносителей в форме Р. п. ед. ч. существительных женского рода на -а с твердой основой, наряду с окончанием -е: *у жане*, что является южнорусской особенностью, употребляется окончание -ы: *у сестры*.

В ходе развития забайкальские русские говоры подвергались также междиалектному влиянию: в результате близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних переселенцев черты севернорусского происхождения во многих говорах ослабились и они в целом приобрели переходный среднерусский характер. «Семейские» говоры попали под влияние соседствующих русских старожильческих говоров, усвоили ряд слов севернорусского происхождения, появились смычное произношение [г], еканье и иканье, встречается лексикализованное произношение: *он[е]ть, м[е]чик, [и]сь*, наряду с мягкими долгими шипящими и [ч'], встречается вариантное произношение твердых долгих шипящих и [ч]. Наряду с нестяженными формами имен прилагательных, глаголов, употребляются стяженные формы: *ча-жола жысь, работам*, встречаются также унифицированные формы Т. п. мн. ч.: *сваим рукам всё делали* и П. п.: *в этом абыде*.

Еще один фактор глобализационного характера — интеграция территориальных диалектов и общенародного просторечия. Ослабление в последнее десятилетие влияния ли-

тературного языка из-за социально-экономических обстоятельств развития страны продвигает забайкальские диалекты к общенародному просторечию.

Исследования показывают, что в говорах «семейских», сформировавшихся на южнорусской основе, в силу экстралингвистических причин (удаленность от краевого, районного центров, определенная социокультурная замкнутость, связанная со стремлением сохранить «семейские» культурные традиции, сформированные на старообрядческой культуре и мировосприятии и др.) изменения протекают медленнее, чем в центральных говорах Забайкальского края, сформировавшихся на севернорусской основе.

При утрате ряда материнских диалектных особенностей, различающих забайкальские русские говоры, сохраняются некоторые наиболее устойчивые региональные элементы, которые становятся общими для русской народно-разговор-

ной речи сельских жителей, проживающих на территории Восточного Забайкалья: общие лексические регионализмы сибирского или забайкальского происхождения, произношение без взрывного сочетаний [ст], [с'т'] на конце слова: *хвос, чась*, замена [к] на [х] в сочетании [кт]: *кто*, стяженные формы прилагательных и личных форм глаголов, личные глагольные формы с основами на заднебный согласный, формы с ассимилированным [j]: *валосся, стаканья*, личные местоимения 3 лица с предлогами, не имеющие начального [н']: *у ей, к иму, с ьямя*, употребление местоимения в форме *каво* вместо *чего*, например: *каво делаеш?* огласовки местоимений: *чѐ, с какей-то* и подобное. Данные регионализмы становятся общими для обеих региональных подсистем и наряду с литературными и просторечными элементами формируют на территории Восточного Забайкалья наддиалектное единство — забайкальский региолект.

Толерантная компетенция собеседников: вектор межнационального общения

Н. Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

nkoshka@rambler.ru

Толерантная компетенция, толерантная коммуникативная личность, тексты интервью, межнациональное общение, конфликтный дискурс

Summary. The paper is devoted to the analysis of the tolerance competence of the speaker from the point of view of the cross-cultural communication. The tolerance competence is defined as the ability to demonstrate certain skills and abilities during interaction within and outside one's own culture. Tolerance as the communication category demonstrates itself in the interview to the greatest extent.

Не вызывает сомнения тот факт, что коммуникативная среда современного человека во многом формируется средствами массовой информации. Э. А. Пронин [1] приходит к выводу, что СМИ для современного периода времени полностью роль катализатора большинства социально-политических конфликтов, становясь фактором дестабилизации социально-политического и конфликтного пространства. Е. Ю. Шамсутдинова [3] придерживается сходной позиции по поводу определения связи толерантности и языка СМИ. По мнению автора, СМИ могут оказать и оказывают влияние на формирование социальных идентификаций, толерантных и интолерантных установок сознания и поведения. Эмоциональный фон текстов СМИ создается благодаря использованию определенных лексических средств. СМИ могут стать ментальным основанием формирования (ин)толерантной речевой коммуникации, а также (ин)толерантной коммуникативной личности. Понятие **толерантная коммуникативная личность** введен И. И. Просвиркиной [2], которым определяется участник толерантного коммуникативного акта, реально действующий, способный применить во время речевого общения вербальные и невербальные средства, позволяющие достичь взаимопонимания участников данного акта. Толерантная коммуникативная личность должна: 1) обладать определенными качествами человека; 2) знать предмет речи; 3) понимать силу слова; 4) точно излагать свои мысли; 5) бережно относиться к тому, с кем он вступает в общение; 6) уметь слушать и слышать собеседника; 7) учитывать толерантный опыт общения. На наш взгляд, этот список качеств толерантной коммуникативной личности можно было бы дополнить следующими качествами, исходя из действий первой в конфликтном типе дискурса: 1) владеть психологическими механизмами действий в конфликтной речевой ситуации; 2) знать лингвистические механизмы функционирования речевой агрессии в конфликте; 3) адекватно использовать коммуникативные стратегии и тактики при возникновении конфликтного диалога.

Способность субъекта коммуникации демонстрировать вышеперечисленные умения и навыки в процессе общения (особенно в ходе интеракции с представителями иных культур) можно охарактеризовать как толерантную компетенцию собеседника. Толерантная компетенция во многих случаях становится тем механизмом, который позволит участникам процесса коммуникации найти компромисс в решении спорных вопросов, избежать деструктивных форм взаимодействия в процессе речевой деятельности, сократить число случаев агрессивного речевого поведения. Толерантная компетенция при функционировании в конфликтном дискурсе — это проявление сдержанного и уважительного отношения к

партнеру по интеракции, принятие представителя иной лингвокультуры без каких-либо предрассудков и условностей, стремления достичь взаимопонимания и согласованности.

Как уже отмечалось выше, тематика и стилистика газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов часто деструктивным образом влияют на коммуникативное пространство и делают его враждебным. Руководствуясь этим положением, мы полагаем, что толерантность как коммуникативная категория находит свое выражение в текстах интервью, где как интервьюер, так и интервьюируемый находят наиболее приемлемый стиль поведения в сложившейся ситуации, выбирают речевые стратегии и тактики для выражения терпимого отношения к собеседнику, регулируют тональность своих высказываний в зависимости от позиции оппонента. По нашему мнению, вопросы толерантности в современной лингвистике возможно анализировать в аспекте лингвокультурной и межкультурной коммуникации. Мы полагаем, что особенности общения в рамках той или иной лингвокультуры, описание принципов функционирования членов той или иной национальной общности на межкультурном уровне могут дать богатый материал при исследовании коммуникативного конфликта и толерантности (вежливости). При обосновании связи межкультурного коммуникативного поведения и коммуникативного конфликта (или толерантности) мы исходим из положения о том, что деструктивные и конструктивные формы общения имеют как языковые, так и экстралингвистические показатели. Другими словами, существуют собственно языковые условия порождения как коммуникативного конфликта, так и толерантного (вежливого) поведения. С другой стороны, специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи и на существование форм толерантного коммуникативного поведения. Так, например, в интервью Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» при явном провоцировании со стороны немецкого журналиста о праве России вторгаться на территорию суверенного государства председатель правительства нашей страны вполне лояльно и сдержанно ответил на вопрос *Откуда у вас это право? — Конечно, мы имеем на это право...* В ситуации, когда провокация со стороны представителя прессы усугубилась, и он утверждал, что бомба в квартале Гори была сброшена на жилой дом, Владимир Путин не стал отвечать с использованием конфликтных стратегий и тактик, а лишь подтвердил позицию России: *Конечно, мы действовали в рамках международного права.* Таким образом, этикетное оформление высказывания, использование приемов эффективного общения позволили достичь взаимопонимания и

согласованности в ходе интервью, не прибегая к деструктивным формам коммуникации.

Итак, в наиболее обобщенном виде под толерантностью понимается терпимость к каким-либо отличиям — этническим, национальным, религиозным, расовым и др. Толерантная речевая коммуникация, как и проблемы толерантности в современной лингвистике в целом, рассматриваются в аспекте лингвокультурной коммуникации. Однако толерантная речевая коммуникация важна и актуальна при общении как представителей одной культуры, так и в ходе межнационального общения, особенно при наличии в том

или ном типе общения конфликтогенов, дестабилизирующих факторов, агрессивного потенциала.

Литература

1. *Пронин Э. А.* Социально-политические конфликты современности: теоретические модели и социальная практика: Автореф. дисс. ... доктора полит. наук. М., 2004.
2. *Просвиркина И. И.* Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации. Оренбург, 2006.
3. *Шамсутдинова Е. Ю.* Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Нужна ли России языковая политика? О будущем русского языка и общества

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет экономики и права (Иркутск)

sashakr@hotmail.com, sashakr@isea.ru

Эпистемология, когниция, языковая среда, экология языка

Summary. Because of an epistemological paradox, the role of natural language in the ontogeny and phylogeny of the human species has not been in the focus of cognitive / linguistic research. It is argued that the cognitive domain of linguistic interactions is a vital existential medium for humans, and its uncontrolled deterioration may result in disintegration of culture and society.

1. Эпистемологическая проблема

Естественный человеческий язык относится к числу непознанных явлений «космических» масштабов. Во-первых, остается неизвестной истинная природа языка: несмотря на то, что подавляющее большинство ученых рассматривают язык как продукт естественной эволюции человека как вида, данная гипотеза не может считаться убедительно доказанной.

Во-вторых, во многом не ясна биологическая функция языка — ведь все остальные виды живых существ прекрасно обходятся без него. Но до недавнего времени вопрос о биологической функции языка учеными практически не ставился. Необходимо задать вопрос о той биологической, предопределенной природой сверхзадаче, которая стоит перед человеческим языком как специфическим видом совместной деятельности. Открытие первого «языкового гена», предположительно ответственного за языковую способность человека (хотя этот факт нуждается в обстоятельной научной проверке) может рассматриваться как подтверждение биологической (генетической) природы языка. Уместно говорить о возможных механизмах сохранения и передачи языковой памяти общества на генетическом уровне, в филогенезе.

В-третьих, и это самое главное: язык есть то, что делает человека человеком, поскольку развитие и формирование человеческого разума, сознания, интеллекта напрямую связано с языковой средой и ей определяется [1].

2. Язык как среда

Люди, взаимодействуя друг с другом, создают языковую среду, которая определяет специфику когнитивного развития каждого отдельного человека с момента его рождения. Другими словами, мы имеем дело с круговой организацией в системе «общество — язык — человек — общество», а круговая организация в современной науке рассматривается как специфицирующий признак живой системы [2]. Научный подход к языку требует изучения биологических и социальных свойств человека как живого организма, существующего в потоке совместной деятельности с себе подобными. Эта совместная деятельность, являющаяся характерной экзистенциальной особенностью человека и обеспечивающая его выживание и сохранение именно как вида, протекает в естественноречевой (био-социокультурной) среде. Таким образом, языковая среда предстает как жизненно необходимое условие для существования человека как биологического вида.

3. Экология языка

Однако точно так же, как человечество до определенной поры не задумывалось о том влиянии, которое оказывает его жизнедеятельность на состояние окружающей (физической) среды, вне которой невозможно самое существование человека, оно продолжает игнорировать процессы, происходящие в среде языковой. До сих пор отсутствует понима-

ние той решающей роли, которую играет языковая среда в создании оптимального климата для формирующегося индивидуального сознания — со всеми вытекающими последствиями. Состояние общественного сознания на каждом этапе развития социума напрямую зависит от состояния сознания отдельных индивидов, при этом онтогенез индивидуального сознания невозможен без и вне языковой (общественной) среды. Нужно говорить о языковой среде, используя экологические понятия и термины [5]: она может быть благоприятной или неблагоприятной, она может подвергаться загрязнению, над ней можно проводить (часто бездумные и опасные) эксперименты, не отдавая себе отчета о возможных последствиях для вида *homo sapiens* и его филогенеза в целом, и т. д.

4. Отношение общества к языку

Сегодня можно говорить о двух основных тенденциях в отношении общества к языку как важнейшему экзистенциальному фактору, определяющему условия и дальнейшее направление социального развития в долговременной перспективе. Первая заключается в преследующих политических цели насильственных изменений концептуальной системы через изменение языка — например, характерное для современного западного общества движение за так называемую «политкорректность», выросшее из воинствующего американского феминизма и напроць лишённое каких бы то ни было научных оснований, поскольку оно не учитывает биологической (адаптивной) функции языка. Вторую тенденцию можно охарактеризовать как самоустранение общества и государства от контроля за (языковой) средой, когда те или иные процессы, затрагивающие область когнитивно-коммуникативных взаимодействий, выходящая в масштабах, грозят привести (и уже приводят) к радикальному ухудшению качества языковой среды, связанному с изменением, и даже утратой, общечеловеческих культурно-ценностных ориентиров. Такая ситуация наблюдается сегодня в современном российском обществе, в котором отсутствует какая-либо поддерживаемая государством языковая политика, особенно в средствах массовой информации и книгоиздательской деятельности [4].

5. Угрожающая перспектива

Если общество в ближайшее время не осознает настоятельную необходимости вплотную заняться проблемами языковой экологии и выработкой соответствующей языковой политики на государственном уровне, может оказаться поздно: произойдет окончательный отказ от общечеловеческих ценностей, обострится регресс общественного сознания, прогрессирующий экономический упадок закончится сдачей политических позиций, страна перейдет де факто в группу слаборазвитых стран и встанет перед прямой угрозой дезинтеграции и поглощения другими этносами. Чтобы этого не случилось, необходимо «реальное и официальное возведение русского языка в общенацио-

нальную ценность» [3: 16]. Нужны координированные усилия общества и государства по оздоровлению языковой среды, от которой, в конечном итоге, зависит сохранение русской культуры и русского суперэтноса.

Литература

1. Кравченко А. В. Гипотеза Сепира — Уорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 5–14.

2. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1970 / 1996. С. 95–142.
3. Химик В. В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. 2008. № 26. С. 9–16.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
5. Bang O. C., Døør J., Steffensen S. V., Nash J. Language, Ecology and Society: A dialectical approach. London, 2007.

Некоторые базовые понятия лингвокультурологии

В. В. Красных

Московский государственный университет *имени М. В. Ломоносова*

victoryvk@gmail.com

Словарь и грамматика лингвокультуры, базовые единицы когнитивной базы, код культуры, культурно-языковая компетенция

Summary. Linguo-cultural studies are to reveal and present vocabulary and grammar of linguo-culture as such, and the analysis of cognitive base can be very useful here. Cognitive base is believed to be an aggregate of units of culture and linguo-culture which (units) every representative of the given nation-linguo-cultural community needs to know and possess.

1. Лингвокультурология (ЛК) — наука о живой связи языка и культуры (В. Н. Телия). Истоки ЛК — лингвистика и этнолингвистика, культурология и культурантропология, этнопсихология и психолингвистика, социолингвистика и социальная антропология. По объекту исследований ЛК сближается с лингвистикой, этнолингвистикой, этнопсихолингвистикой. Цель ЛК — выявить и описать (в том числе) словарь и грамматику лингвокультуры.

2. Культура понимается, во-первых, в русле современных общегуманитарных взглядов как дискурсное образование и как результат взаимодействия разнонаправленных процессов, которые — особенно в периоды исторических сломов и разломов, смены эпох и т. д. — могут быть разнонаправленными: 1) межпоколенная трансляция культурных традиций и предпочтений; 2) социальное навязывание в качестве обязательных оценок и представлений; 3) идеологическое принуждение к принятию и соответствию моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых. Во-вторых, в традициях ЛК — как миропонимание, мироощущение и мироощущение народа (по В. Н. Телия) (з.д.: представителей национально-лингво-культурного сообщества), что не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимовлияния, взаимодействия и взаимозависимости, когда в фокус внимания ставится не сам предмет или факт, но то, каким образом он осмысливается, какое место в культуре занимает, какие функции выполняет и под. При таком понимании культура предстает как культурное пространство.

3. Культурное пространство есть собственно ментальная составляющая культуры, результат отражения (в психологическом смысле) культуры в сознании ее представителей.

4. Лингвокультура — культура оязыковленная, овнешненная и закрепленная в знаках языка. Лингвокультура формируется на пересечении двух семиотических систем: языка и культуры — и претендует на статус третьей семиотической системы, обладающей своим словарем и своей грамматикой, которые могут быть выявлены, в том числе, при изучении когнитивной базы.

5. Когнитивная база (КБ) есть определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингвокультурного сообщества базовых единиц культуры (в представленном ранее понимании) и лингвокультуры (т. е. необходимо обязательных и, как правило, национально-культурно детерминированных ментефактов, базовых метафор, содержательных «ниш» эталонов и базовых символов).

6. Единицы культуры и лингвокультуры, входящие в КБ.

6.1. Ментефакты — единицы содержания сознания, которые формируют определенные классы. 1) **Знания** есть система структурированных и иерархизованных информационных единиц, которые хранятся в долговременной памяти в неизменном виде, при этом трансформации и модификации знаний возможны, но требуют осознанных усилий. Знания выучиваются. Они лишены аксиологичности. 2) **Понятия**

суть результат рационально-логического осмысления действительности, генерализации, категоризации, систематизации. 3) **Концепт** может быть определен как самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию идея предмета (в самом широком понимании этого термина), являющаяся результатом эмоционально-смыслового восприятия действительности, обладающая ингерентно присущей ей аксиологией и взятая в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Учитывая реально существующий концептуальный континуум, представляется более целесообразным и перспективным говорить о **концептуальном поле** — совокупности ментефактов и определенным образом осмысленных в культуре артефактов, объединенных некоей общей «идеей» (см. определение концепта), относящейся к определенному фрагменту картины мира. 4) **Представления** суть результат эмоционально-образного восприятия феноменов действительности (понимаемой широко — как совокупность мира Действительное и мира Идеальное, по А. Вежбицкой). Среди представлений выделяются: а) **прецедентный феномен (ПФ)** — являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена; б) **дух** — являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия персонажа нижней мифологии; он един в своей множественности, в этом, с одной стороны, сближение с ПФ (он един), с другой — со стереотипом (он множествен); в) **артефакт вторичного мира** — являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия «волшебного» предмета, с которым оперируют герои, который они создают или обретают и / или с которым они имеют дело; в артефактивности их отличие их от всех остальных видов представлений; г) **стереотип** — являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия определенного класса однотипных феноменов; в этом его принципиальное отличие от ПФ, где источник всегда единичен и уникален; от духа, где источник — целостная совокупность множественных воплощений; и от артефакта, где источник — собственно предмет.

6.2. Базовые метафоры — «исходные», «изначальные», имеющие архетипическую природу, метафоры, базирующиеся на максимально абстрагированных «идеях», лежащих в основе осмысления мира человеком, которые могут не осознаваться представителями лингвокультуры.

6.3. Базовые эталоны — содержательные «ниши» эталонов (напр., эталоны красоты или уродства, богатства или бедности и др.), предстающие для субъекта языка, культуры и лингвокультуры в виде знаков-эталонов, данные ниши «заполняющих»; их система в целом отражает имплицитную иерархию ценностей культуры.

6.4. Базовый символ — оязыковленное, поименованное представление о некоем «предмете», выполняющем символическую функцию, который был определенным образом осмыслен, переосмыслен и занял свое место в культуре.

7. Код культуры — это формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменов,

относящимися к одному типу и / или сфере бытия, имена которых несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именованных феноменов, функционально значимые для культуры смыслы (В. Н. Телия), что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рас-

сматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры.

8. Культурно-языковая компетенция — умение кодировать в знаках языка и декодировать единицы языка культуры и лингвокультуры, умение расшифровывать культурную коннотацию (по В. Н. Телия).

Порождение смешанного текста в условиях русско-украинского двуязычия

О. В. Красовская

Донбасский государственный университет (Алчевск, Украина)

rusistika@rambler.ru

Двуязычие, смешанный текст, фатический текст, «поиск общего языка»

Summary. They are considered the basic varieties of the mixed text, which is caused in conditions of the Russian and Ukrainian bilingualism.

Известные политические события изменили языковую ситуацию и языковую политику на Украине. Русский язык, длительное время доминирующий в южных и восточных регионах Украины, в настоящее время активно вытесняется из административной, образовательной, масс-медийной и нек. др. сфер современной жизни.

- Наблюдаемое здесь двуязычие преимущественно является:
- вынужденным: украинский язык усваивается людьми в связи с их практическими нуждами и в зависимости от более или менее активного участия в деятельности, требующей использования государственного (украинского) языка;
 - частичным: немногие жители русскоязычных регионов Украины пользуются двумя разными грамматическими системами и двумя разными словарями (ср. показательное замечание премьер-министра Украины Ю. Тимошенко: *Люди живуть в наметах // Это палатки / я перекладаю хто не розуміє українську мову //*);
 - пассивным: большинство русскоязычных жителей Украины, понимая украинский язык, не способно порождать тексты на государственном языке (об этом, например, свидетельствуют привычные для русскоязычной среды Украины факты заполнения на русском языке бланков самых разных документов, отпечатанных типографским способом на государственном языке);
 - некоординированным: в описываемой нами языковой среде неполное переключение с русского языка на украинский происходит постоянно.

Продуктом такого двуязычия является так называемый смешанный (гибридный) текст, под которым мы понимаем не распространенное в украинской прессе соседство материалов, созданных на разных языках, не обычный для публичных сфер украинского общества полиглотный диалог, в котором выбор языка диктуется собеседником, темой и нек. др. факторами

Мы имеем в виду текст, создаваемый на двух языках. Материалом для исследования послужили надписи на городских вывесках, плакатах, рекламных щитах, а также иная рекламная продукция в русскоязычных городах Украины.

Наш материал позволяет выделить следующие разновидности смешанного текста:

1. Включение в создаваемый на русском языке текст украинского названия торговой марки, организации и др. городских объектов: *Золота торгова марка «Добродія» / Свежий хлеб; При пожаре — мороженое Ласунка* (укр. «лакомка»); *Страхова компанія Добробут* (укр. «благополучие») / *Все види страхования / Страхование имущества / АвтоКАСКО / ОСГПО* (обязательное страхование гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств); *Магазин стройматериалов «Добробуд» (добробут «благополучие» + будувати «строить»); «Сонечко»* (укр. «солнышко») / *Всё для детей.*

2. Полное или частичное дублирование текста на русском / украинском языке: (рекламный щит кандидата в президенты В. Януковича) *Твое мнение важно! Твоя думка важлива! Почую кожного / Віктор Янукович; Ищешь справедливости — будь с нами / Шукаєш справедливості — будь з нами / Гражданский актив Крыма;* [центральная вы-

веска на медицинском учреждении] *Панацея / Медицинские услуги, [боковые вывески здесь же] Медичні послуги.*

3. Создание рекламного текста на двух языках: *Пятый сезон / Торговельний центр взуття; Евросеть / Салон зв'язку; Вернем воду луганчанам / Єдиний центр Народна опора.*

Ср. также текст радиорекламы напитка:

(текст читает ребенок)

«Анжей» / искрится радугой природа //

«Анжей» / любое время года //

«Анжей» / и солнышко с тобой добрей /

Вода для взрослых и детей!

(текст читает взрослый человек)

Природна вода та фрукти / які містяться в напоях від торгівельної марки «Анжей» / подарують вам смак ключової води та аромат свіжих фруктів // Торгівельна марка «Анжей» — найкращий вибір для вашої родини // «Анжей» запитуйте в магазинах міста.

Во многих рекламных текстах просматривается тенденция к закреплению украинского языка за официальным блоком рекламы, русского — за фатическим:

Луганська обласна громадська організація

НАШ ПРЕЗИДЕНТ 2010.

С ДНЕМ ШАХТЕРА!

Как правило, все рекламные (и иные) материалы банков оформляются на украинском языке. Ср., однако, рекламу банка «Аваль», в которой на украинском языке составлен только ее информационный блок: *Подарок для луганчан! Ледовый каток ПИНГВИН / АКВАПАРК / Інформаційний центр (цілодобово) 8 800 500 5000 (усі дзвінки зі стаціонарних телефонів в Україні безкоштовні).*

Итак, в русско-украинской языковой среде создатели текстов городских вывесок, рекламы ориентируются, с одной стороны, на статус функционирующих здесь языков, а с другой — на языковые предпочтения жителей. Продуктом такой двойной ориентации часто являются смешанные тексты, балансирующие между нормами украинских законов, предписывающих использование государственного языка и адресатом, более удобным языковым кодом для которого является русский язык. Такие тексты «входят в инвариантное русло „поиска общего языка“» [1: 82] между коммуникантам — речевое поведение, которое первоначально имело лишь билингвистический смысл.

Литература

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
2. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Активные социоллингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
3. Кононенко В. И. Функционирование русского языка на Украине // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
4. Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М., 1976.
5. Протасова Е. Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. № 4.
6. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001.

О некоторых тенденциях развития русской речи в диаспоре

И. П. Кюльмоя

Тартуский университет (Эстония)

irina.kulmoja@ut.ee

Русский язык, развитие в диаспоре, активные процессы

Summary. The paper deals with the study of linguistic peculiarities of the Russian language as mother tongue in foreign language environment. The paper discusses the tendencies of the development of the Russian language in Estonia on the basis of the dialects and contemporary standard speech.

В лингвистических работах, посвященных исследованию состояния русского языка в конце XX — начале XXI столетия и изменений в нем, отмечается ряд новшеств в языке: поток заимствований, преимущественно из английского языка, активизация определенных словообразовательных моделей, изменения в грамматической системе (в употреблении видовременных форм, склонении, в синтаксисе) в языке СМИ и других формах публичной речи, тенденция к смягчению литературной нормы. Изменения касаются и территориальных говоров под влиянием элементов публичного стиля, производственно-технической терминологии, меняются также профессиональные и социальные жаргоны, которые, в свою очередь, воздействуют на литературный язык.

Названные процессы наблюдаются прежде всего в русском языке метрополии — в России, однако, как свидетельствуют исследования, они действуют и в языке русской диаспоры в независимых государствах на территории бывшего СССР. Русский язык в них утратил свои функции языка законодательства, политики и др., но сохраняется в СМИ, в школьном преподавании, различных областях культуры и т. д. Кроме ряда сходных с языком метрополии процессов, в нем происходит процесс активного заимствования из государственного языка. Как показывает ряд исследований, в том числе сотрудников кафедры русского языка Тартуского университета, это не только легко наблюдаемые лексические заимствования, но и менее заметные изменения в грамматике, прежде всего, в синтаксисе. Часто они берут свое начало в разговорной речи, в молодежном сленге, форумах, чатах и интернет-дневниках, затем получают распространение в устной и письменной публичной речи и СМИ. В качестве примера приведем некоторые слова, используемые русскими в Эстонии: *акцентировать, инфочас, пропагировать*, свидетельствующие о стирании границы между «своим» и «чужим» в интернациональных словах; наблюдается построение предложения по моделям эстонского языка и др. С другой стороны, язык диаспоры характеризуется тенденцией к определенной консервации, т. е. по разным причинам не пополняется рядом новых слов.

В 1997 г. кафедрой русского языка ТУ была начата традиция проведения конференций по проблемам функционирования русского языка в условиях диаспоры. Этим проблемам были посвящены два тома серии ученых записок кафедры (1998 и 2001 г.).

В результате многолетних наблюдений можно сделать некоторые обобщения, касающиеся динамики и тенденций развития русской речи в инокультурном и иноязычном окружении. Следует сразу отметить, что даже по отношению к столь маленькой стране, как Эстония, приходится говорить о двух типах развития, определяемых прежде всего составом носителей.

Население Эстонии, по данным переписи 2000-го года, составляет 1370052 человека, из них эстонцев — 67,9%, русских — 25,6%. В то же время основным языком общения считает русский 29,7% населения. Кроме русских, его используют люди других национальностей, проживающих в Эстонии (русские и еще 4,2% населения). По оценочным данным, среди русских Эстонии 37500 т. н. старожилов, т. е. потомственных граждан, чьи родители жили здесь уже до II Ми-

ровой войны, остальные, приблизительно 300000, составляют поселившиеся в стране после войны или их потомки.

Речь старожилов отличается от речи послевоенных поселенцев. Среди старожилов имеется около 3000 староверов Причудья, говорящих на диалекте, значительную часть составляет сельское население Северного Причудья и Принаровья, тоже использующее говор. Вторая группа чрезвычайно гетерогенна как по социальному составу, так и в языковом отношении (от интеллигенции до носителей городского просторечья). Значительная часть ее проживает компактно на северо-востоке Эстонии и в некоторых районах нескольких крупных городов, остальная — дисперсна.

Если обратиться к русской диалектной речи компактно проживающих старожилов, то здесь можно наблюдать тенденции, характерные для речевого общения в лингвистически неоднородной среде, отмечаемые многими исследователями:

1. Переключение (но не смешение) кодов, хотя бы в виде вкрапленных иносистемных элементов в речевую цепь (лексических, аффиксальных, синтаксических): *Две дочери у меня в Тарту, и у них квартиры number üks (номер один) и два.*

2. Активный процесс заимствования из окружающего (государственного) языка. Представлен варваризмами, чаще всего оформленными русскими суффиксами: *грунт — krunt* (участок земли); *варуши — varrud* (женский праздник по поводу рождения ребенка), *корфик — korv* (корзина), *кельки — kelk* (санки), *тrepка — trepp* (лестница со ступенями), *ределька — redel* (приставная лестница с перекладинами); кальками: *солнечное вставание vs. восход солнца — päikesetõus, старая мама vs. бабушка — vanaema; взять лекарство (rohtu võtta)*. Проявляется также в виде синтаксической интерференции при построении словосочетаний и предложений по моделям, характерным для эстонского языка: *Крупна рыба, тая хочет, чтоб в соли ляжала (suur kala tahab soolasa olla). Он и не понимал, что это коммунист есть (ta ei saanud aru, mis see kommunist on), калькировании глагольного управления: nonpocume om рыбаков рыбы vs. nonpocume у рыбаков (paluge kalameestelt kala).*

Консервация языка, проявляющаяся в ряде архаичных черт на разных уровнях от лексики до синтаксиса (сохранение архаичных членных форм прилагательных с двусложным окончанием, наличие форм плюсквамперфекта)

При сравнении с речью остальной части русской диаспоры можно отметить аналогичное развитие в отношении первых двух особенностей (переключения кодов и активный процесс заимствования). Эти процессы наблюдаются как в устной, так и в письменной форме. Так например, в печатных СМИ и в рекламе принято обозначать названия фирм латиницей во избежание неверной идентификации, т. е. эстонские вкрапления появляются и в графике. Разного рода заимствования характеризуют как повседневную устную речь (включая языковую игру), так и язык СМИ.

Несколько сложнее обстоит дело в наши дни с консервацией. Несомненно, этот процесс происходит, но он затрагивает язык в значительно меньшей степени, чем, например, речь первой волны эмиграции с ее сознательным отказом от советского «новояза» во всех его проявлениях. Серьезным фактором, препятствующим консервации, является Интернет-общение во всех его формах.

Этапы формирования и закрепления языковой нормы

В. М. Лейчик

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

leitichik@yandex.ru

Языковая / речевая норма, изменение нормы, фиксация нормы, этапы процесса

Summary. Various approaches towards language / speech norms are suggested, presented as stages of appearance, forming and fixation (codification) of norms of language / speech particular levels of particular sublanguages of modern languages.

Можно выделить, по меньшей мере, три понимания языковой / речевой нормы и ее типов.

Самое широкое понимание исходит из положений Л. В. Щербы, приравнивавшего нормативное в языке к ис-

пользуемому в литературной монологической речи, которая «не дает отступлений от нормы или дает их крайне мало» [4: 116]. В этой связи Л. В. Щерба писал о том, что академический, нормативный словарь охватывает всю систему того или иного языка в целом на определенном этапе его развития [5]. И ниже в первой статье: «Диалогическая же разговорная речь, наоборот, соткана из всяких изменений нормы. Можно сказать, что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накапливаются в кузнице разговорной речи» [4: 116]. Иначе говоря, нормативным может считаться все, что не противоречит традициям и тенденциям соответствующего литературного языка, его системным признакам, то, что используется, как говорится во многих пособиях по норме, образованной, культурной частью носителей языка. При этом в работах В. А. Виноградова показано, что имеет место несколько типов норм: предписывающие и рекомендуемые, эпинормы — собственно нормы кодифицированного литературного языка, квазинормы — элементы идиолектов, топонормы — свойственные локальному варианту литературного языка, стратонормы — нормы социолектов (называемых иначе языками для специальных целей: научные, технические, экономические, общественно-политические и другие подязыки) [1: 262–263].

Второе понимание нормы — это мнение о том, что норма не представляет собой стихийное, естественное свойство языка, возникающее в речи, а она вычленяется, выявляется специалистами (лингвистами), которые сознательно, а иногда и с некоторой долей субъективности, отбирают языковые / речевые единицы из возникающих вариантов и фиксируют их. Среди этих норм имеются, с одной стороны, строго обязательные: орфографические, орфоэпические, грамматические, а также терминологические, и, с другой стороны, рекомендуемые: стилистические, лексические, лингвокультурные и др. При таком подходе норма противопоставляется и узусу, который шире нормы, поскольку включает единицы, отклоняющиеся от нормы, и свободному употреблению языковых / речевых фактов, которое вообще нормы не знает (в этом случае нормы могут противостоять языковые / речевые ошибки и даже антинорма). Данное понимание допускает временное сосуществование нормативных вариантов, из которых специалисты выбирают один, признаваемый ими правильным. Таким колебаниям нормы посвящены словари, справочники и грамматические пособия, создаваемые и обосновываемые многими учеными, например, К. С. Горбачевичем [2].

Наконец, третье, бытовое понимание нормы — это представление о том, что нормы предписываются словарями типа «Правильно — неправильно», «Слитно — раздельно», орфографическими и орфоэпическими словарями, справочниками грамматической правильности и т. п. Рядовые носители языка с трудом соглашаются с новшествами, вносимыми время от времени в подобные достаточно консервативные словари.

Между тем, изменения постоянно происходят на всех уровнях языка и речи — вначале в разговорной речи, особенно в ее диалогической форме, а затем они могут закрепляться и, следовательно, фиксироваться в словарных произведениях. И в этой связи три понимания нормы могут быть представлены как этапы появления, формирования и фиксации этих разнообразных типов норм.

В каждом языке имеют место специфические, присущие только ему причины и факторы изменений. Для русского языка причинами служат меняющееся соотношение исконно русских и церковнославянских явлений, фонетические закономерности (упрощение, «удобство» произношения), усложнение грамматических правил, переосмысление фразеологизмов. Экстралингвистическими факторами являются

контакты русского языка с другими языками, лексические новшества, связанные с общественно-политической и экономической обстановкой, и др. При этом не следует забывать, что изменения происходят с разной скоростью на разных уровнях языка и речи, а также то, что имеют место отдельные разновидности языка (стили, уровни культуры речи, функциональные подязыки), каждый со своими нормами.

В соответствии с изложенными выше идеями Л. В. Щербы, на первом этапе можно наблюдать колебания, вариантность употребления на любом уровне в речи представителя любой разновидности языка: фонетические (*йбгурт* — *йогурт*), словообразовательные (*галерист* — *галерейщик*), морфологические (*убирать в квартире* — *убираться в квартире*), лексические (*гламурный* — *глянцевый*), синтаксические, в том числе с заимствованием иноязычных конструкций (*куры, жаренные на гриле*, — *куры-гриль*), стилистические, под влиянием просторечия, неизбежно проникающего в литературный стиль (*крутой* — *суровый*; *решительный*), фразеологические, в результате забвения устаревших слов или их значений (*точить баласы* — *точить ляды*), терминологические (*орфография* — *правописание*). Нет практически никаких правил, заставляющих оказать предпочтение тому или иному употреблению и выбрать вариант для последующего нормирования, кроме интуитивного знания закономерностей данного языка в данный период (норма, по мнению уругвайского ученого Э. Косериу, занимает промежуточное место между живой стихией речи и строго фиксируемыми системными законами языка [6]).

После этапа появления новшества и периода неопределенности в выборе языковой / речевой единицы наступает этап закрепления данной единицы в качестве нормативной. Характерно, что вариантность может сохраняться достаточно долго (*творог* — *творбг*; *происшедший* — *произшедший*); в других случаях варианты дифференцируются по значению (термины *гололёд* — *гололедица*) или сфере употребления, например, в среднелитературном языке, в разговорной речи или в просторечии (В. В. Химик). Главным «законодателем» при решении вопроса, считать ли определенную единицу нормативной, допустимой или ошибочной, являются, прежде всего, представители культурной части населения с их языковым чутьем, вкусом, а затем пользующиеся уважением ученые, лингвисты, которые и сообщают о своем решении — в учебнике, интервью, статье и пр.

Третий этап формирования и закрепления нормы наступает тогда, когда эта норма фиксируется или кодифицируется (если мы имеем дело с системой норм) в нормативном словаре или справочнике. Хотя, как правило, словари отстают от развития языка на несколько лет, они необходимы — для поддержания устойчивости языка, обеспечения его преемственности. Как пишут Н. Н. Семенюк и ее коллеги, нормы — это не оковы для языка, а великое благо: они сохраняют литературный язык, тонко разграничивают его средства в зависимости от ситуации и целей общения [3]. Необходимо только не переоценивать роль норм, не требовать от них нереальной неподвижности и вовремя замечать и разумно оценивать изменения в речи и языке.

Литература

1. Виноградов В. А. Лингвистика и обучение языку. М., 2003.
2. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. 2-е изд. М., 2009.
3. Семенюк Н. Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 337–338.
4. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113–129.
5. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.
6. Coseriu E. Sistema, norma i habla. Montevideo, 1952.

О лингвистическом статусе русского языка в странах СНГ

В. С. Ли

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

li-vs@mail.ru

Лингвистический статус русского языка, языковая неоднородность, вариант русского языка, языковая субкультура.

Summary. In the report consider the linguistic status of Russian in the UIN countries and formation of new language subcultures in separate areas.

1. Русский язык, оставаясь языком межнационального и межкультурного общения на территории новых независи-

мых государств, становится особой подсистемой (функциональной разновидностью) современного русского литера-

турного языка. Специфика такой подсистемы языка, существующей за пределами своей этнической территории (России), определяется прежде всего характером языковых контактов (в нашем случае — русского и казахского). Следует согласиться с теми авторами, которые, считают, что русский язык не только один из предметов контрастного (сопоставительного) изучения, а самостоятельный объект исследования с учетом экстралингвистической реальности, обуславливающей особенности функционирования русского языка в странах СНГ. Эти особенности вызваны социолингвистическими факторами (изменение статуса языка, переоценка его коммуникативных возможностей, формирование нового типа языковой ситуации под влиянием языковой политики, проводимой в том или ином регионе и др.). Таким образом, функционирование русского языка в странах бывшего Советского Союза — проблема социолингвистическая, поскольку такие аспекты, как соприкосновение русского и национального (получившего статус государственного) языков как проявление взаимодействия двух культур и межкультурной коммуникации, билингвизм и речевое поведение билингвов в определенных социальных ситуациях, отражение национальной ментальности в языковой концептуализации действительности и др., предполагают учет всех социальных процессов, происходящих в обществе в новых геополитических условиях и влияющих на роль и функционирование русского языка в странах СНГ.

2. Собственно лингвистический статус русского языка (в частности, считать ли его каким-то особым региональным вариантом или функциональной разновидностью общелитературного языка и т. п.) во многом определяется особой лингвистической ситуацией, которую принято формулировать как «речевое общение в условиях языковой неоднородности». Понятно, что степень такой неоднородности и влияющие ее на выбор того или иного языкового кода определяются социальными и ситуативными условиями, при которых осуществляется речевая коммуникация. По отношению к функционированию русского языка в странах СНГ, в част-

ности в Казахстане, наиболее типичны такие ситуации: 1) говорящие владеют каждый своим языком и языком-посредником, т. е. языком межнационального общения, в качестве которого обычно выступает не третий язык, а один из двух первых (такова роль русского языка в нынешних странах СНГ); 2) говорящие владеют двумя общими языками, один из которых осознается ими как родной; общение может происходить то на одном, то на другом языке. Подобные ситуации, приводящие к различного рода взаимодействиям языков, в условиях полиэтничного общества приводят к формированию особой лингвокультурной, социальной среды со своими устоявшимися или формирующимися языковыми и поведенческими стереотипами, которые в итоге позволяют говорить об особой языковой культуре и субкультуре в определенном регионе.

3. Понятие языковой субкультуры следует отличать от таких смежных понятий, как стиль языка (речи), регистр речи, идиом (социолингвистическая категория), подъязык, языковой союз, диглоссия и т. п. категорий лингвистики. Необходимо также различать понятие языковой субкультуры на уровне одной языковой системы (1) и на уровне контактирования языков (2). Второй тип представлен в странах СНГ, когда речь идет о русских языковых субкультурах в бывших республиках Советского Союза. Можно, конечно, не замечать эти формирующиеся языковые субкультуры или, наоборот, утрировать их самостоятельность, однако есть основания считать, что такие языковые субкультуры уже формируются (ср. такие понятия, как «исконный русский язык» (имеется в виду русский язык на территории нынешней России), «русский язык ближнего (дальнего) зарубежья», «украинский вариант русского языка» и т. п.). Учитывая опыт других мировых языков (английского, французского, испанского, немецкого и др.), можно предположить, что такие «варианты» русского языка со временем станут не только общепринятым научным (лингвистическим) понятием, но и будут осознаны всеми носителями данной языковой субкультуры.

Русский язык в системе коммуникаций современного российского социума

Т. А. Лисицына

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

talisl_1314@mail.ru

Русский язык, социокоммуникативные стратегии, социальный диалог, языковая политика, лингвосociологическая модель образования

Summary. New sociocommunicative strategies and practices of social dialogue on the base of Russian are considered as a basis linguo-sociological model of education and instrument of the Russian linguistic policy.

1. В информационно-коммуникативном пространстве современного общества чрезвычайно возросла роль социального знания, в котором особенно ценятся объективность и гуманистическая направленность. Именно благодаря им превалируют благо и польза как непреходящие ценности в реализации людьми своих целей и интересов в условиях возникновения глобальных угроз существованию цивилизации. Социальное знание — сложное и многомерное явление, связанное с реконструкцией общественной жизни в ее антропологическом измерении. Функции социального знания значительно расширяются вследствие изменения характера социальных отношений, связанных с разнообразием коммуникативных связей и процедур, которые используются во всех сферах жизни изменяющегося социума все в большей степени как производительные силы. Изучение природы, специфики, назначения и места социального знания в информационно-коммуникативных процессах современного общества должно быть базовым модулем современных профессиональных образовательных программ. А русский язык как средство семиотической организации российского социокультурного пространства должен обладать алгоритмом накопления, систематизации и использования социального знания, чтобы оставаться «мозгом» единого социального организма.

2. Изменился статус поведенческих и образовательных практик в социуме: необходимый информационный потенциал для уклада жизненного мира человека нестабилен — информация выступает в новой роли системообразующих ценностей, поэтому составной частью перспективных направлений социального развития становится анализ любого

типа и формы знания в контексте понимания его социальной значимости. Учет этого обстоятельства становится мотивационной основой выбора лингвосociологической модели образования как оптимальной для современного российского социума. Русский язык в ней выступает не только интеллектуально-ресурсной базой образования и воспитания личности, но и главным средством ее социализации. Поиск детерминант духовного развития полиэтничного социума, которое способствует сохранению национального наследия и этнического своеобразия в эпоху глобализации и универсализации, не может быть успешным без предпосылочной социализации личности в единой системе лингвистических координат общественной жизни.

3. Большое значение в современном социокоммуникативном пространстве приобретают сферы социального знания, непосредственно связанные с моралью, искусством, культурой, религией, политикой, международным правом. Активный поиск новых методов и средств взаимодействия в названных сферах репрезентируется в стратегиях социального диалога и дискурсивных практиках на базе русского языка. Особое место занимает социальное знание и в современных гносеологических стратегиях: рациональность рассматривается как основной способ получения актуального социального знания. Отсюда необходимость культивирования русского языка рациональности как основы продуктивного многоуровневого социального диалога.

4. Сущность и специфика социального знания определяются его нормативно-регулятивным потенциалом, ролью в аксиологической сфере общества, связью со средствами массовой информации, особенностями прогностической со-

ставляющей. Представленное в языке общественного диалога социальное знание носит нормативно-регулятивный характер: оно конституирует систему разного рода предписаний относительно поведения социального субъекта, на основе чего устанавливаются межсубъектные механизмы поддержки коммуникативных связей и воспроизводства системы взаимоотношений людей. Важнейшей формой представления социально значимой информации является продукция масс-медиа. Социальное знание является составной частью проектов и прогнозов будущих изменений в обществе и жизнедеятельности людей. Репрезентация социального знания в информативно-коммуникативном пространстве современного общества зависит от выбора интерпретационных моделей. Все большее значение в них приобретает практический механизм предотвращения рисков и технологический инструментарий для снятия и решения конфликтов в социосфере, опирающийся на методики логотерапии и язык толерантности. Лексико-тематическая и дискурсивная разработка всех названных сфер на базе русского языка является неотъемлемой частью инновационной социогуманитарной стратегии развития.

5. Социальное знание по своему содержанию междисциплинарно: базируясь на сведениях из истории и социологии и соединяя в практике социальной жизни философию и политологию, оно учитывает и выводы, полученные в антропологии, феноменологии и герменевтике. Социальное знание — стойкая, интегрированная в систему информация об обществе (показатели процессов, события, факты, феномены духовной жизни, связанные с совместной деятельностью людей). На рубеже XX–XXI вв. представления о социальном знании значительно изменяются: в нем актуализируются

социально-гуманитарный и культурно-исторический аспекты социальных явлений. Государственный язык представляет собой системную экспликационную модель социального знания: оно обусловлено дифференцированной общественной деятельностью, целеполаганием и общением как универсальными способами взаимодействия людей. Понимание тенденций развития информационно-коммуникативного пространства современного общества убеждает нас в предпочтительности социологической модели языка как универсального средства (само)организации жизни социума. Лингвосociология как практическая социальная философия сосредотачивает внимание на коммуникативной стороне социальной деятельности и способствует установлению приоритета универсальных и общечеловеческих ценностей. Разработка программ оптимизации общественных отношений, воспитание личности невозможны без учета такого подхода: чем больше в языке такого знания, тем лучше выполняет свою социальную задачу образование.

6. Социокоммуникативные и дискурсивные аспекты социальных практик определяют успешность реализации внутрироссийской стратегии общественного развития и влияют на организацию продуктивного диалога России с другими странами мира. Функция социального диалога становится у языка межнационального и международного общения ведущей: важно только определить условия, при которых диалог и дискурс обеспечивают единство и гармонию социальную структур и позволяют продуцировать стратегию действий отдельных личностей, социальных групп и сообществ. Системная реализация этих условий и является основой лингвосociологической образовательной стратегии.

Русский язык в условиях полиязычия Дагестана: состояние и перспективы

Т. И. Магомедова

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

slovakia68@mail.ru

Полиязычие Дагестана, культура русской речи, интерференция

Summary. In a modern world society intensive integration processes cause complex multiplane problems among which the problem of polyglotism statized especially. The modern language situation in the Dagestan polyethnic region is defined priority of national-Russian bilingualism. Thus the bilingual person carries out the social and linguistic identification basically owing to Russian which independently serves all the major public spheres.

В Дагестане, как ни в какой другой республике или области нашей страны, сложилась уникальная языковая ситуация. На сравнительно небольшой территории живут народы, говорящие на трех десятках языков, четырнадцать из которых литературные: русский, аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, агулский, цахурский, рутульский, ногайский, чеченский, татский и азербайджанский.

Русский язык выполняет в республике особую функцию межнационального общения, в результате чего возникает своеобразное «сотрудничество» местных национальных языков и русского языка. Это определяет наличие в республике трех типов двуязычия: **национально-русского, русско-национального и национально-инонационального**. По распространенности, на сегодня, национально-русский тип двуязычия занимает ведущее место: 65% населения республики владеют им.

Отмечают два пути развития данного типа двуязычия. **В сельской местности** дети начинают изучать русский язык в 6–7 лет, когда сформировались речь и мышление. Взрослое население (учителя) прибегают к русской речи преимущественно на занятиях, совещаниях. Другие представители сельской интеллигенции, хотя и владеют русским языком, читают художественную литературу, прессу на русском языке, общаются на последнем эпизодически. Старшее поколение сельских жителей (65 лет и более) не испытывает острой потребности общаться по-русски. Почти не владеют русским языком в этом возрасте **жители городов республике**. Здесь родной язык усваивается в семье. Вне семьи, в детских учреждениях, школах, в общении функционирует русский язык. Сферы применения родных языков в городах ограничены, что ведет за собой утрату родного языка, особенно у молодежи.

Безусловно, активная роль русского языка в этом случае обусловлена полиязыковой национальной средой города. Многонациональны все дагестанские города, поселки городского типа и десятки селений переселенцев. В них русский язык функционирует в качестве основного средства межнационального общения. На русском языке частично осуществляется также общение представителей разных национальностей в крупных районных центрах на равнинной части Дагестана.

Итак, современная языковая ситуация в дагестанском полиэтническом регионе определяется приоритетностью национально-русского двуязычия. При этом двуязычная личность осуществляет свою социальную и лингвистическую идентификацию в основном благодаря русскому языку, который самостоятельно обслуживает все важнейшие общественные сферы.

Высокий социальный статус русского языка, выступающего в этих условиях доминирующим компонентом двуязычия и средством межнациональной коммуникации, диктует необходимость корректного речевого использования его разноуровневых единиц.

Составляющими содержания понятия «культура русской речи» в условиях полиязычия следует считать безупречное, орфоэпическое и акцентологически нормативное произношение, выразительную интонацию, грамматическую выверенность, стилистическую корректность, этическую уместность высказывания и максимальное соответствие коммуникативной установке говорящего или пишущего в соответствии с конкретной речевой ситуацией.

Снижение культуры русской речи, засорение ее иноязычной, просторечной, жаргонной бранной и прочей ненормативной лексикой, заметное ослабление общественного внимания к соблюдению говорящими и пишущими общеобяза-

тельных правил русского литературного языка — это процессы, характерные для всего сегодняшнего ареала функционирования русского языка.

Однако в мультилингвистической среде названные процессы обостряются и глобализируются. Кроме того, в последние годы усиление роли родных языков дагестанцев в социально-экономической, культурной и бытовой сферах, обозначившийся интерес к правильности и чистоте национальной речи, к сожалению, определенным образом вызвали безразличие и даже пренебрежение к правильности и культуре русской речи билингов.

В этой связи **культура русской речи в Дагестане** представляет собой актуальную социальную и лингводидактическую проблему. Интерес, проявляемый к этой проблеме в интернациональной республике не только лингвистами, филологами, но и политиками, вполне объясним: от этого зависит не только решение собственно лингвистических вопросов, но и развитие и совершенствование межнациональных отношений в обществе. В условиях Северного Кавказа с его геополитическими проблемами любое языковое недопонимание или неточное толкование может привести к конфликтным ситуациям.

За исключением небольшого процента интеллигенции, хорошо владеющей координативным двуязычием, русская речь билингов в Дагестане в той или иной степени подвержена отрицательному интерферентному воздействию национальных языков, вследствие чего культура русской речи дагестанцев не соответствует оптимальному уровню

успешной реализации социальных функций русского языка. Позитивное и негативное действие межъязыковой интерференции объясняется исключительно структурно-типологическими особенностями родного и изучаемого языков. В условиях дагестанского национально-русского двуязычия взаимодействуют разноструктурные, типологически различные языки: флективный — русский, агглютинативно-флективные — дагестанские (включая чеченский и татский) и агглютинативные — кумыкский, ногайский, азербайджанский. При наложении структурных моделей дагестанских языков на структурные модели русского происходят различные смещения. Они становятся предпосылкой возникновения отрицательной интерференции на всех языковых уровнях и порождают многочисленные ошибки в русской речи дагестанцев.

Разнородные явления интерференции, снижающие культуру русской речи, должны быть максимально изучены и учтены при внедрении тех или иных технологий культурно-речевого воздействия. Иными словами, приемы и методы преодоления интерферентных явлений в речи обучающихся должны быть неотъемлемой частью каждого курса, обеспечивающего практическое владение современным русским литературным языком.

В системе вузовского обучения русскому языку и культуре русской речи в условиях дагестанского мультилингвизма учет потенциальных возможностей проявления интерференции в русской речи и внедрение обучающих технологий их преодоления — очевидная и крайняя необходимость.

Русский язык в зеркале казахской языковой культуры

А. Д. Маймакова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

amaimakova@mail.ru

Русский язык, казахский язык, денотативная семантика, лексический коррелят

Summary. This report is devoted to denotative semantics of the correlative words of Russian and Kazakh languages, which are unrelated and belong to different systems.

Развитие современной лингвистики в русле тенденции к антропологизации научных исследований, рассмотрение языка сквозь призму человеческого фактора в качестве одной из важнейших задач выдвигает изучение языковой картины мира как зеркала народной культуры, народной психологии и философии.

Богатым и интересным материалом для изучения культурологического аспекта языка являются слова исследуемого языка, понятийно соотнесенные со словами другого языка (языка сравнения), имеющие, однако, различную денотативную глубину. Такое исследование проведено нами на материале двух генетически между не связанных языков — русского и казахского.

Известно, что люди, «видя» один и тот же «предмет», воспринимая его по-разному, именуя при этом не сам «предмет», а свое представление о нем. Подобные расхождения в денотативной семантике разноязычных слов-коррелятов называют лексическим фоном [1: 43]. Расхождения в лексическом фоне разноязычных понятийно-эквивалентных слов (различия денотативной семантики лексических коррелятов) могут вызвать определенные трудности в межкультурной коммуникации, в частности, при обучении русскому языку в национальной аудитории. Так, студенты-казахи, изучающие русский язык сталкиваются со значительной группой наименований постов (периодами воздержания от скоромной пищи). И только знание традиционного русского календаря, православных христианских традиций позволит им разобраться в различиях, существующих между *Рождественским*, или *Филипповым постом* и *Великим постом*. Ср. также: *Успенский пост*, *Петровский пост*. Кроме *больших постов*, в Православии приняты *однодневные посты*: *по средам* и *пятницам* в течение всего года, а также *в крещенский сочельник*; *в день усекновения глава Иоанна Предтечи*; *в день Воздвиженья креста Господня* [2: 166].

Различия денотативной семантики лексических коррелятов охватывают значительную часть лексики сопоставляемых языков (исключение составляют термины). Полное совпадение семантической структуры слов в разных языках —

явление чрезвычайно редкое. Установлено, что «каждое второе русское слово отличается своим лексическим фоном от ближайшего иноязычного соответствия» [1: 44].

Национально-специфические (непонятные) семантические компоненты, обуславливающие денотативные различия сопоставляемых единиц, могут затрагивать особенности функционирования, внешнего вида, формы, предназначения предмета или явления, их значения для носителей языка и многие другие характеристики, закрепленные за предметом или явлением, социально-историческим опытом данной лингвокультурной общности. Ср. *каша* ‘одно из главных обрядовых блюд славян, приготовляемых во время важнейших событий в жизни индивидуума и коллектива’ [3: 483]; *каравай* ‘главный свадебный хлеб, большой, чаще всего круглый, который делают на свадьбе для угощения всех ее участников коллектива’ [3: 461]; *кисель* ‘обрядовое блюдо, преимущественно поминального и жертвенного характера’ [3: 496] и др.

Различия в денотативной семантике русской и соответствующей казахской лексемы могут ограничиваться одним семантическим признаком. Например, лексемы *старик* и *аксакал* при общем понятийном сходстве ‘мужчина, достигший старости’ отличаются друг от друга тем, что *аксакал* досл. ‘белобородый’ — это не только старый, но и уважаемый человек. У казахского народа аксакалы пользуются огромным уважением. Это обусловлено прежде всего почтением к их возрасту. Важное значение здесь имеет и культ умерших предков — *аруак*, который предписывает почтительное отношение к старшим по возрасту представителям рода. Исключительно высокий статус аксакалов в казахской среде находит также социально-историческое объяснение: в условиях кочевого скотоводства большое значение имели опыт хозяйствования, прекрасное знание местности, особенностей круглогодичного выпаса разных видов скота; с возрастом знания этого типа накапливались и определяли роль лидера в общине.

Чаще всего денотативная семантика понятийно-эквивалентных слов русского и казахского языков включает в себя

«целый ореол» специфических (непонятных) семантических признаков, относящихся к слову. Ср. русское слово *каша* и казахское *ботка* имеют общее лексическое понятие 'сваренное на воде или молоке кушанье из крупы', которое не дает полного представления об этом предмете, существующем в русской и казахской культурах. Между тем, во круг каждого из этих слов складывается свой, специфический круг признаков (сведений, ассоциаций), связанных у носителей языков с данным предметом, которое, как правило, вызывает различия в денотативной семантике сопоставляемых лексических единиц.

Русское слово *каша* очень древнее и представляет собой название одного из главных и любимых блюд русских — народа, издавна занимающегося земледелием. Каша символизировала плодородие, обилие, приумножение достатка, семейное благополучие. Готовили кашу из зерен, из круп, из муки, на воде, на молоке. Ели кашу с маслом. Чем больше клали масла в кашу, тем она становилась вкуснее (ср. *кашу маслом не испортишь; заварил кашу, так не жалей масла*). Ср. также наименования каш: *завариха, кулеш, пшенка, размазня, овсянка, тыква, саламата, кутья* и т. д.

Каша дала название некоторым обрядам и элементам обрядов русского народа. Утро после свадьбы и обед у молодых, крестины, праздник окончания жатвы назывались *каши*; праздник повивальных бабок и рожениц — *бабы каши*.

Кормление молодых кашей было одним из важнейших элементов свадебного обряда. Кашу привозили и к матери невесты. Ср. в свадебной песне *Ой честь наша И хвала наша, Што целая каша. А за эту кашу Взяли девушку нашу* [3: 485].

У славян были распространены также гадания по каше, что позволяет отметить ее связь с «тем светом». Рождест-

венскую кутью подбрасывали к потолку, чтобы предсказать урожай зерновых. Под Новый год девушки с кашей у колодца гадали о замужестве.

В русском языке слово *каша* может выступать в переносном значении для обозначения 1) 'какой-л. полужидкой массы, напоминающей видом это кушанье'. Ср. *Ледяной поток, несущий жесткую кашу из снега и земли, бил в грудь, в лица*. 2) 'беспорядочного смещения чего-л., путаницы'. Ср. *Большой монастырский двор представлял из себя живую кашу, полную движения, звуков и оригинальнейшего беспорядка* [4: 42]. В казахском языке слово *ботка* не используется в переносном значении.

Исследование денотативной семантики лексических коррелятов двух генетически между собой не связанных языков — русского и казахского есть не что иное, как исследование лексики одного языка в зеркале другой языковой культуры. Такое исследование позволяет не только выявить соответствия / несоответствия на семантической карте отдельного языка, но и в то же время обогащает и углубляет знание языков и приобщает к сокровищнице народов — духовному миру.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
2. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. М., 2000.
3. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999.
4. *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М., 1986.

Русский язык в полиэтнической среде Дагестана

С. М. Махмудова

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

rutulsveta@mail.ru

Первые периодические контакты дагестанских языков с русским происходят во время Кавказской войны, в XIX веке. Тогда во всех дагестанских языках отражаются первые заимствования-русизмы. В рутульском языке, например, это слова типа *устурудж* «уборщица, дворник», *гилидур* «коридор», *матышган* «женщина с полным лицом, краснощекая и курносая», *истакан* «стакан», *устул* «стул, стол», *бацан* «мелкий ворюшка», *къазахъ* «любовник», *гъукси!* «укуси!» (междометие для собаки, призывающее напасть, укусить), *ишкъл* «школа».

Интересна история некоторых заимствований из русского языка. Так, семантика слова из русского языка и семантика заимствования могут оказаться различными, например, русское слово *сторож*, являющееся производящим для *устурудж* «уборщица, дворник, а также (переносное) слуга», в рутульском языке имело другую семантику. По видимому, изменение семантики в рутульском языке было обусловлено тем, что *сторож* в тот период контактирования языка совмещал обязанности как сторожа, так и уборщицы, дворника. И, кроме того, выполнение этих обязанностей вызывало негативное отношение в народе, в связи с чем появляется семантика «слуга». И это отражается в семантике рутульского слова *устурудж*.

Следующие активные контакты русского и дагестанских языков происходят после Великой Октябрьской революции, когда в дагестанские языки вливается большой пласт слов, обозначающих появляющиеся культурные и хозяйственные реалии. В данном пласте заимствований уже нет искажения семантики заимствованных из русского языка слов.

Однако после второго периода, после Октябрьской революции, роль русского языка в Дагестане возрастает, русский становится официальным языком, на этом языке выходит основная часть периодической печати, на русском языке ведется вещание по радио и телевидению. И, что особенно важно, русский язык становится вторым родным языком для подавляющего большинства дагестанцев. Роль русского языка к пятидесятым годам XX века возрастает настолько, что он является языком общения и для семей с различным национальным составом членов, например, мать и отец при-

надлежат к разным национальностям, невестка и свекровь, теща и зять и др. варианты. В таких семьях дети в подавляющем большинстве случаев считают родным русский язык. Русский язык в настоящее время является родным и для некоторых детей, выросших в городах в мононациональной семье, и процент таких детей продолжает в последние годы расти.

В таких условиях, казалось бы, русский язык должен доминировать над дагестанскими языками, подчинить их себе.

Эргативные дагестанские языки отличаются от номинативного русского на всех уровнях языка. Однако сами эргативные дагестанские языки имеют много общего в своей структуре. И этот факт становится причиной появления таких явлений, как образование предложений на русском языке по законам синтаксиса дагестанских языков. Например, одна из распространенных ошибок в русской речи дагестанцев —

Который слева материал покажите!

Эй, который последний стоит, отойди от дверей!

В нейтральной русской речи в таких конструкциях определяемое слово обычно занимает позицию перед оборотом: *Покажите материал, который находится (висит, лежит) слева.*

В дагестанских же языках причастный оборот или атрибутив в подобных конструкциях занимает позицию перед определяемым словом:

Ми суруу гид парче гъагва гъаь! (рутульский язык).

(букв.) «На этой стороне имеющийся материал покажите!»

«Который слева, вот этот материал покажите!»

Данная особенность дагестанских языков становится причиной образования русских предложений по типу дагестанских.

Или другой распространенный пример — выпадение предлогов при обозначении времени:

Утром пять часов он уехал.

Вечером шесть часов постараясь прийти.

Сентябре начинаются занятия.

В дагестанских языках временные предлоги отсутствуют, как и сами предлоги вообще, и при обозначении времени

употребляется какой-либо падеж. В рутульском языке это падеж датива:

Гъа йа1квал1с хьуддис хъаархы1ри.

На1ха1н сагъа1т ры1хъдис зы рыкъаси.

В дагестанских школах дети часто и сплошь употребляют выражения типа:

Дайдишь мне твою книгу?; Ты мне дайдишь карандаш, а я тебе — ручку; Что ты едишь?; Я его побежу.

Особое спряжение глаголов типа *дать* и *есть* дагестанские учащиеся пытаются преодолеть, употребляя формы типа *дайдишь* и *еишь*.

Носителям дагестанских языков, в которых активное действие субъекта подчеркивается особым падежом — эргативным (активным), в которых активный деятель возводится на особую ступень, в которых доминирует эгоцентризм, трудно примириться с тем, что в русском языке не образуется форма 1 лица от глагола *победить*. И это является причиной активного употребления в младшем школьном возрасте глагольной формы *побежу*.

В русском языке имеются наречия утром и вечером, образованные при помощи суффикса *-ом*. Однако о середине дня говорят *в обед*, *в обеденное время*. В дагестанских же языках имеются все три наречия, в рутульском языке они функционируют в форме датива: *йа1квал1с* «утром», *сгъанкъууди1с* «в обед», *на1халди1с* «вечером», где формант *-с* является окончанием датива, выполняющим в данном примере роль суффикса наречий времени. Оба этих факта — отсутствие аналогичного двум первым (*утром*, *вечером*) наречия для обозначения периода времени середины дня в русском языке и наличие одинаковых по типу образо-

вания наречий в дагестанских языках — влияет на распространность конструкций типа: *Обедом я принесу обратно, Обедом они вернулись на работу* в русской речи дагестанцев. Это далеко не ошибка, это не факт интерференции, распространность образованного дагестанцами наречия **обедом* свидетельствует о навязывании законов грамматики дагестанских языков русскому языку.

В дагестанских языках развитым явлением синтаксиса является Топик, выражению которого подчинены несколько маркеров, выделяющих Топик.

В русской речи дагестанцев весьма употребительными являются фразы типа:

«Люком» же есть // есть же, вот там продаются хорошие телевизоры.

Мага же есть, он теперь новую машину купил.

В полиэтнической языковой среде Дагестана начинает складываться новый дагестанский диалект (или дагестанский вариант) русского языка, который требует серьезного детального изучения. И многочисленность наблюдаемых фактов подобного влияния на синтаксис русского языка, распространность и негласная общепринятость таких примеров свидетельствует о том, что это явление уже переросло рамки интерференции. В связи с этим, требуются серьезные исследования дагестанского русского языка. Исследования подобного типа могли бы привести к интересным выводам о взаимовлиянии языков с разным социальным статусом, о функционировании государственного языка в полиэтническом регионе, о взаимовлиянии разнотипных языков, длительное время контактирующих между собой.

Русский язык в диаспоре — Особая форма существования русского языка?

С. Менгель / S. Mengel

Университет имени Мартина Лютера (Галле — Виттенберг, Германия) / Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Формы существования языка, язык русской диаспоры

Summary. In the giving lecture we will try to answer the question about an especial variety of Russian language in diaspora with the aid of the general theoretical approach. Our considerations will be based on an comparison and contrast of variances and development of Russian language in diaspora and in Russia.

1. Русский язык в диаспоре существует, как минимум, около четырех столетий. О столь долгом существовании русскоязычной диаспоры и несомненном интересе к ней со стороны включающих ее государств свидетельствуют специально для диаспоры созданные тексты. Самым ранним из них, очевидно, следует считать так называемый «Стокгольмский катехизис» 1628 года, представляющий собой перевод катехизиса М. Лютера на русский язык, выполненный по указанию шведского короля Карла XII и предназначенный для русских подданных в Лифляндии и Ингерманландии. Той же целевой группе был предназначен и несохранившийся перевод Библии на русский язык, сделанный пастором Й. Е. Глюком в 1705 году. В типографии Сиротского дома А. Г. Франке в Халле в первой трети XVIII века издается целый ряд текстов для русской диаспоры в Германии, среди них — сборник псалмов с характерным подзаголовком «къ ползѣ разсиянихъ росіянъ издадошася».

2. Тем не менее научный интерес к языку русскоязычной диаспоры возникает лишь в середине XX века и направлен в первую очередь на особенности языка эмигрантов так называемой первой волны, вынужденных покинуть Россию после революции 1917 года. В настоящее время существует целый ряд работ о языке диаспоры во Франции, США, Канаде, Италии, Финляндии и Германии. При несомненной (и ожидаемой) социоллингвистической и культурологической направленности всех исследований, по целевой установке их можно разделить на две большие группы. Первая, представленная, в основном, учеными метрополии ([1]; [4]; [5] и др.) — стремится проследить причины сохранения или несохранения русского языка у представителей диаспоры, в центре ее внимания — различные поколения эмиграции первой волны. Вторая группа ([12]; [6]; [9], [8] и др.) ставит своей целью выявить механизмы смены кода или смешения кодов в процессе создания представителями диаспоры гиб-

ридных (двуязычных или многоязычных) текстов. Изучая, в основном, язык эмигрантов последней, четвертой, волны эмиграции, она опирается, главным образом, на опыт иностранных исследователей, приобретенный в результате анализа диаспорного языка других народов ([10]; [13]; [11] и др.). Если ученые первого направления видят своей задачей на примере языка диаспоры проследить бытование русского литературного языка (*standard language*) вне России, то в некоторых исследованиях второго направления делается попытка представить язык русскоязычной диаспоры как особую форму существования русского языка — «*Migrant-Innenrussisch*» (т. е. «мигрантский русский», см. [14]; [3], ср. [7]). Анализируя «языковую ситуацию» в Германии «для русскоговорящих эмигрантов и переселенцев» В. В. Жданова [2: 302] приходит даже к выводу, что в диаспоре русский и немецкий языки сосуществуют в состоянии диглоссии. Особенно данное положение, с которым (по различным прагматическим и общетеоретическим причинам) приходится не согласиться, демонстрирует диаметрально противоположные выводы двух выше названных направлений, полученные из анализа их общего предмета исследования.

3. В предлагаемом докладе делается попытка рассмотреть существование русского языка в диаспоре в целом (т. е. на протяжении всех четырех волн эмиграции) в его особенностях, сопоставляя языковые явления, изменения и тенденции развития, отражаемые в текстах, языковой способности носителей и системе языка, с соответствующими процессами в языке метрополии. На основе результатов контрастного исследования предполагается сделать общетеоретические выводы, позволяющие ответить на вопрос, вынесенный в тему доклада — является ли язык русскоязычной диаспоры особой формой существования русского языка наряду с литературным языком, диалектами, социалектами и просторечием.

Литература

1. Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.
2. Жданова В. В. Роль социокультурных установок говорящего при переключении или смешивании языкового кода (на материале русского языка немецкой диаспоры) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. М., 2001. С. 302–303.
3. Жданова В. В. Лингвистические идентификаторы стратегий иммигрантов-билингвов // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. С. 539.
4. Земская Е. А. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001.
5. Красильникова Е. В. Русский язык зарубежья. М., 2001.
6. Протасова Е. Особенности русского языка у живущих в Германии. // Русистика сегодня. 1996. № 1. С. 51–57.
7. Протасова Е. Финляндский вариант русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. М., 2001. С. 311–312.
8. Goldbach A. Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsche Transferenzen und Code-Switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Berlin, 2005.
9. Gregor E. Russian-English code-switching in New York City. Berliner Slavistische Studien. Berlin, 2003.
10. Haugen E. The Norwegian Language in Amerika: A Study in Bilingual Behaviour. Vol. 2. Philadelphia, 1953.
11. Hinnenkamp V. «Gemischt sprechen» von Migrantenjugentlichen als Ausdruck ihrer Identität // Der Deutschunterricht. 2000. № 5. S. 96–107.
12. Pfandl H. Einige Überlegungen zur postemigrativen Erstsprachentwicklung von Emigranten mit Russisch als dominanter Sprache // Mitteilungen für Lehren slawischer Fremdsprachen. 1995. 60.
13. Pütz M. Sprachökologie und Sprachwechsel. Die deutsch-australische Sprechergemeinschaft in Canberra. Frankfurt am Main, 1994.
14. Zhdanova V. Auf dem Weg zu einer neuen Varietät des Russischen? Systematische und funktionale Veränderungen des Russischen in Deutschland // 10. Deutschen Slavistentag. München; Berlin, 2009. S. 122.

Кавказская лексика в аспекте межкультурной коммуникации

Р. Ю. Намитокова, С. Ш. Шхалахо

Адыгейский государственный университет (Майкоп)

innef@mail.ru

Кавказизмы, их статус, типы и функции в языке и речи

Summary. The Caucasian lexicon, functioning in Russian and in Russian speech, promotes cross-cultural communications in the polyethnic space of North Caucasus. Its dynamics and transformation is the interest field of research as a studying of the status of loans in general, as for revealing of its lexico-semantic organisation and functioning in the Caucasus languages.

В конце XX века в связи с усилением роли межкультурной коммуникации актуализировалась разработка различных аспектов взаимодействия языков. Одним из таких аспектов взаимодействия языков на территории РФ остается процесс заимствования при национально-русском двуязычии, который с расширением функций национальных языков, т. е. повышением их формального и фактического статуса, может быть рассмотрен как результат языковых контактов и как средство, способствующее взаимопониманию носителей контактирующих языков. В этом отношении кавказская лексика в русском языке и русскоязычных текстах нуждается в новом осмыслении с позиций современных достижений лингвистики и коммуникативных стратегий в таком полиэтничном регионе, как Северный Кавказ. Пополнение лексики русского языка на региональном уровне — явление неизбежное и регулярное. Основная роль при этом принадлежит произведениям местных писателей, научным изданиям этнографического и исторического характера, региональному ТВ и массмедийным изданиям на русском языке. Изучение кавказского пласта лексики в текстах разного временного среза и разной стилиевой направленности открывает новые перспективы для решения как общих проблем заимствования, так и частных — на региональном уровне. Выявление статуса кавказской лексики среди заимствований и особенностей их освоения, типов семантизации (включающие разные случаи текстовых рефлексий) и функционирования в русском языке важно не только для теории языкознания, но и для прагматической лингвистики, в том числе для учителей русского языка в национальной школе, для двуязычной лексикографии и решения многих проблем переводческого характера.

Под кавказской лексикой (кавказизмами) подразумеваются слова, которые вошли в русский язык или функционируют в русской речи жителей Кавказа. По происхождению они могут быть исконными для одного или более языков Кавказа или заимствованными из арабо-мусульманского мира и частично повторяться в языках народов Кавказа.

Первая группа слов — общекавказская лексика — включает 1) **кавказский ономастикон**: это давно усвоенная а) топонимия Кавказа, начиная с гор (*Кавказ, Казбек Эльбрус, Фишт, Оштен*), рек и ущельев (*Терек, Туансе, Домбай*) и кончая населенными пунктами (*Нальчик, Майкоп, Кизляр, Сочи*), и б) кавказский антропонимикон, без исследования которого невозможно представить общение и осуществлять коммуникацию, и 2) **мусульманский пласт лексики**, характерный для большинства этносов Северного Кавказа (*мечеть, гяур, намаз, мулла*), в том числе и личные имена восточного происхождения, составляющие общий фонд северокавказского региона. Касаясь топонимов, следует сказать, что они более нуждаются в единообразной подаче на русском языке (ср. написание плато *Лагонаки* как *ЛагоНаки, Лаго-Наки, Лаго-наки*), а в отношении фамилиекона проблема — в унификации правил склонения разных структурных типов (особенно это касается нестандартных с т. зр. русского ономастикона фамилий типа *Гугунава, Ардзинба, Габуния, Телия*).

Вторая группа кавказизмов, свойственная отдельным этносам, может быть названа по этнониму (*адыгизмы, абхазизмы, ингушизмы* так же, как *грецизмы, латинизмы, англицизмы* и т. д. — заимствования соответственно из греческого, латинского, английского, французского языков и др.).

Схематично состав кавказской лексики можно представить следующим образом:



Функционирование кавказских эргонимов в русской речи (названий магазинов, кафе, клубов и т. д.) следует рассматривать в аспекте диалога культур в полиэтническом регионе, т. е. с позиций межкультурной коммуникации как возможность ее обогащения, (хотя при этом проблематичность грамотной адаптации и семантизации их остается).

Признаком освоения заимствованных слов является их деривационная активность. Типичным словообразовательным гнездом для них являются гнезда онимов (*Кавказ*) и этнонимов (*черкес*). Они включают названия лиц (*кавказец, кавказовед, кавказолог, кавказофоб, кавказолоб*), названия наук, связанных с изучением (*кавказология, кавказоведение*) или с отношением к данному этносу (*кавказофобия*), а также признаковые производные (*кавказский, по-кавказски*) и абстрагированные названия — например, слово *кавказскость* — как термин для номинации кавказской идентичности встречается в работе проф. А. Ю. Шадже [2] 15 раз. С другой стороны, в текстах встречаются окказиональные кавказизмы-абхазизмы (Ф. Искандер: *чегемец, чегемство, эндурство, эндурский, эндурец, эндуристость, доэндурил, эндургенция*), адыгизмы (*адыгство, адыгейскость*) и т. п., игра слов на созвучии, особенно в разговорной речи молодежи (фамилия *Схапцежук > Схапцебабочка*).

К кавказизмам следует отнести такую группу жаргонизмов, которые отражают через мотивацию номинаций отношение к «лицам кавказской национальности». Согласно ав-

торам «Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов», этот эвфемизм, пик активности употребления которого приходится на 1999–2000 гг., появился во времена перестройки «для обозначения выходцев с Кавказа. зачастую в *уничжительном* смысле — для характеристики „злых кавказцев“ — бандитов, мошенников, нелегалов, криминальных элементов и проч.» [1: 73] (курсив наш). В настоящее время он полностью себя дискредитировал под влиянием волны протеста и неприятия этого «термина» по *существо* (нет такой *национальности*) и по своей оценочности, хотя сама модель для обозначения представителя народа по этническому признаку стала активно внедряться в прессу: ср. программу на НТК «Лица кубанских национальностей» и название книги проф. А. Малащенко «Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности» (М., 2009), с явной позитивной коннотацией. Таким образом изучение кавказской лексики открывает новые перспективы для решения как общих проблем заимствования, так и частных — на региональном уровне.

Литература

1. Моченов А. В., Никулин С. С., Ниясов А. Г., Савватова М. Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.
2. Шадже А. Ю. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001. С. 128–145.

Особенности русской речи русскоговорящих немцев в современной Германии

Е. М. Недопекина

Российский университет дружбы народов (Москва)

katrusatina@rambler.ru

Этнические немцы, социологизация русской речи, лингвистическая ассимиляция

Summary. Despite the mark of the German nationality in the new passport, the Russian speaking ethnic Germans felt foreigners in the motherland of their ancestors when they started emigrating from the USSR at the end of the 80s. While their integration into the contemporary German society they faced a lot of difficulties. Firstly, the language they used to speak in the former USSR differs a lot from the *Hochdeutsch* because their speech is full of dialectic elements. The local Germans regard them as rural ignoramus and reject them from their community which leads to many social problems among this ethnic group.

Под понятием *русскоговорящие немцы* понимается этническая группа, по географическим и социальным причинам имеющая многочисленные наименования: *Vertriebene, Aussiedler* (*аусидлеры* — «ранние переселенцы»), *Spätaussiedler* (*шпата-аусидлеры* — «поздние переселенцы»), *Russland-deutsche, этнические немцы, выселенцы, русские или российские немцы*. Это эмигранты-переселенцы из России, переехавшие в Германию на основании статьи 116, п. 1 Конституции Германии и рассматриваемые немецким правительством как исторические соплеменники (*co-ethnics*).

В XVIII веке Екатерина Вторая пригласила в Россию немцев для несения государственной службы, помощи в заселении пустующих земель на юге России и в Поволжье, развитии культуры, образования, ремесел. В конце XX века потомки этих переселенцев двинулись в обратном направлении и стали одной из самых многочисленных групп новых жителей Германии. В настоящее время эмигранты-переселенцы из СНГ, в силу низкого уровня адаптации, незнания языка и традиций современной Германии, испытывают трудности с получением более благоустроенного жилья, при найме на работу, поступлении в учебные заведения. Но основной проблемой для них является немецкий язык. Живя в русском обществе, переселенцы за многие десятилетия ассимилировались, растворились в нем. Исторические причины, обусловленные Первой и Второй мировыми войнами, вынудили немцев России перестать говорить по-немецки. Сейчас ситуация усугубляется сокращением длительности обучения на языковых курсах в Германии.

В силу морфосинтаксических и семантико-прагматических признаков, а также межрегиональной распространенности, этот социолингвистический феномен не укладывается в понятия *диалекта, жаргона, слэнга, арга* или *пиджина*, в то же время это проявление ряда лингвистических процессов, называемых языковым упрощением, языковой интерференцией или субстративностью. Основной причиной возникновения описываемого подъязыка является использование русского языка *эмигрантами последней волны* в условиях функционирования на немецком языке двух

ведущих сфер жизни — бытовой и профессиональной. Наибольшую распространенность такой язык получил в устной речи, а также в неформальной письменной коммуникации (в личных письмах, в электронной почте).

В отличие от простого смешения языков в устной речи, характерного для эмигрантов начала XX века, четко разграничивавших употребление того или иного языка уже на синтаксическом уровне, для поздней волны эмигрантов характерна интерференция уже на фонетическом уровне, например произношение *Ляйтцих* вместо *Лейтциг*.

Словообразование осуществляется, как правило, по законам русского языка с использованием немецкого корня. По этой модели образуются не только существительные, но и глаголы, что является особенностью речи эмигрантов последней волны. Кроме того, нередко полностью калькируются устойчивые словосочетания (колокации). Также используются немецкие прилагательные, служебные слова и междометия, не имеющие аналога в русском языке, например *doch, oder, so*. Склонение и спряжение новообразований обычно происходит по правилам русской грамматики. Подобные формы взаимопроникновения двух языков являются неофициальными и нерегулярными, хотя и широко распространенными; и в официальной и общепринятой письменной речи фиксации не получают. Так, например, могут встречаться различные написания со смешанным использованием кириллицы и латиницы, а также свободной постановкой апострофа на границе заимствованной немецкой и последующей русской части слова.

В то время как представители предыдущих волн эмиграции используют заимствования главным образом в случаях, когда затрудняются подобрать соответствующие русские слова или выражения, новые русскоязычные жители Германии применяют принцип языкового упрощения. В силу взаимовлияния двух языков и закона экономии психо-лингвистических сил на лексическом уровне происходит выбор лучшего (более емкого, более адекватного, наиболее верного) средства для называния предмета или явления окружающей действительности. Эти феномены — проявление

социологизации языка, то есть его приспособления к нуждам коммуникации. Например, *монатскарте* (нем. *Monatskarte*) вместо «месячный проездной билет». Таким образом, смешанный язык является одной из форм языкового самовыражения говорящего.

Однако основной функцией и причиной распространения такого языка является номинация предметов действительности и процессов, отсутствующих (или отсутствовавших на момент эмиграции) в русской языковой среде, либо имеющих иную специфическую прагматику. Другая функция языка иммигрантов — стилистическая: встречается игра слов с целью создания коннотаций, понятных только носителю русского языка, например *арбайтслэзы* (от нем. *arbeitslos* —

«безработный»), обозначающее пособие по безработице, указывает на небольшой размер этого пособия — такой, что хоть плачь. Подобные примеры позволяют выявить закономерности языковых процессов в речи русскоговорящих немцев, а также обнаружить основные источники речевых ошибок, которые необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. 'Русские немцы': чужие на исторической родине? // http://emigration.russie.ru/news/7/7121_1.html. 10.12.2004.
2. *Фельтен Н. Н.* Миграции населения Германии: пространственно-временной анализ: Автореф. дисс. ... канд. географ. наук. СПб., 2002.

Резонансное пространство русского мира в самопровозглашенных республиках ближнего зарубежья

Е. А. Погорелая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь)

olen_serg@inbox.ru

Групповые языковые права, языковое право личности

Summary. Social and cultural context of dynamic of interethnic interaction of the people in the polyethnic community of self-proclaimed states it is considered.

1. Языковая политика, правовую основу которой составляют законодательные акты о языках, резко изменила социокультурную ситуацию в странах ближнего зарубежья: включив правовые механизмы, работающие на фактическое доминирование государственного моноязычия, авторы новой концепции языковой политики сознательно вывели из сферы обоюдных интересов русского и нерусских народов отношение к языку как к индикатору уникальной культуры, которая только и обращает процесс общения в диалог взаимообогащения, и превратили язык в действенный инструмент идеологии, разрушающей основу полиэтничного социума — естественное право самобытных народов сохранять в процессе толерантного межэтнического взаимодействия свои культурные ориентации и языковые предпочтения.

2. В условиях правового ограничения и фактического сужения функционального поля русского языка, разрушения полноценной инфраструктуры русского мира система идентификационных представлений русскоязычной личности в постсоветских странах ближнего зарубежья переживает кризисное состояние. Разумное регулирование межъязыковых отношений немислимо без органичной их связи с культивированием в межличностных и, шире, — в межкультурных взаимоотношениях всех составляющих полиэтничного сообщества атмосферы доверия, уважения, терпения и согласия. Двойные же стандарты в оценке роли и места различных языков — основы этнокультурной самобытности народов — ведут не столько к формированию двойной системы ценностей в обществе, сколько к осознанной и целенаправленной деформации системы идентификационных представлений личности, что получает свое подтверждение в формировании «диаспоральных» свойств ее сознания и навыков поведения.

3. Стабильность языковой ситуации в Приднестровье обусловлена дифференцированным использованием потенциала официальных языков, которые образуют целесообразную полиязычную систему, позволяющую обеспечить толерантное межэтническое общение и сохранить культурные ориентации и языковые права представителей каждого из трех самобытных этносов. Социальной доминантой этой функционально устойчивой системы выступает русский язык, консолидирующая роль которого проявляется в укреплении исторически сложившихся представлений приднестровцев о своем интернациональном единстве. Как возможность быть услышанными в широком коммуникативном контексте, он превратился в практическую доминанту системы социальных потребностей представителей каждой из самобытных этнокультурных групп приднестровского полиэтничного социума.

4. Анализ этноязыковой панорамы в городских и сельских районах Приднестровья свидетельствует о том, что этническая и социальная среда сформировали стратегию русскоязычного поведения, которую приднестровцы сохраняют в регионе более двухсот лет. Коллективный опыт длительного межэтнического контактирования этнокультурных

групп в Приднестровье содействовал освоению каждого из трех официальных языков — русского, молдавского, украинского, но культурные ориентации приднестровцев сформированы языковыми предпочтениями в сфере семейно-бытового общения и досуга, в области образования и профессиональной деятельности все-таки на русскоязычной основе. Эта специфика вербальной основы приднестровского социума оказывает мощное воздействие на невербальные формы духовной культуры личности в непризнанном государстве, что проявляется во всем: в определении системы ценностных ориентаций молодого поколения, в получении профессионального и высшего образования, в выборе русскоязычных средств массовой информации, в предпочтении русскоязычного варианта прессы и культурно-зрелищных мероприятий, теле- и радиопередач. Эта форма имплицитного воздействия русского языка на демократический выбор предпочтений личности, социальной группы и, шире, полиэтничной социокультурной общности указывает на специфику формирования пространства русского мира в Приднестровье.

5. Единство русского мира в Приднестровье определяется четко сохраняющейся тенденцией полномасштабного использования русского языка — основы своеобразной «русскости» приднестровцев, укреплению которой содействует русский вектор развития полиэтничного сообщества и сохранение полноценной инфраструктуры русскоязычного общения. Степень распространения русского языка в приднестровском социуме заметно превосходит официальные рамки его правового статуса: реально он предстает как особый феномен духовного единения социокультурной полиэтничной общности и в этом качестве входит в систему общих культурных представлений каждой из самобытных этнических групп, что проявляется не столько в толерантности их взаимодействия, сколько в консолидации и солидарности. Безусловная практическая доминанта общения в полиэтничном и полиязычном социуме, он превратился в прочную константу социоллингвистического образа жизни, объединяя представителей всех этнокультурных групп населения Приднестровья в русскоязычную социокультурную общность. Исключительное значение для сохранения стабильности своеобразной социально-коммуникативной системы в Приднестровье имеют два момента: во-первых, добровольный характер выбора такой формулы межэтнического взаимодействия, которая оптимально соответствует общим представлениям приднестровского социума, сформированным долгим периодом толерантного взаимодействия и психологической совместимости; во-вторых, сохраняя в этом крае свое естественное и достойное место, демонстрируя лояльное отношение друг к другу, этнокультурные группы приднестровского социума не только сохраняют русский язык как коммуникативную основу своего единства, но и отторгают формулу правового принуждения сменить сформированные веками культурные ориентации и языковые предпочтения.

Развитие русского языка в ситуации финско-русского двуязычия

Е. Ю. Протасова

Хельсинкский университет (Финляндия)

ekaterina.protassova@helsinki.fi

Около одного процента финнов в разной степени владеет русским языком как иностранным. Около одного процента населения Финляндии говорит по-русски как на родном языке. В школах Финляндии около трех тысяч детей ежегодно изучают русский язык как иностранный, но столько же занимаются факультативно при школах русским языком как родным. Для этого существует возможность организовать занятия в объеме двух часов в неделю на базе школ; такое обучение финансируется коммунами. По данным Школьного управления, динамика среди русскоязычных родителей положительная: если в середине девяностых менее половины настаивали на подобных занятиях, то сейчас более трех четвертей семей поддерживают русский язык через систему дополнительного обучения. В нашем проекте (совместный проект РГНФ и Академии Финляндии «Финский + русский = X?») исследуются возможности двуязычного образования и степень его эффективности для развития обоих языков.

Воспитание ребенка в двуязычной семье, сравнение овладения обоими языками, в особенности влияние глагольного управления, рассмотрено в магистерской диссертации Т. Вахтера. Показано, что одни ситуации вызывают больше проблем, чем другие; объяснением может быть глагольная семантика: если на глубинном уровне ситуация трактуется так, что поверхностный вариант одного языка ближе к ней, чем другого, то в обоих языках выбирается скорее этот вариант (например, *прочитать из книги, а не прочитать в книге; оставить ключи в шкафу, а не в шкафу*); с другой стороны такие ситуации можно трактовать как контаминацию вариантов управления глаголов внутри русского языка. Однако так нельзя объяснить все случаи, поскольку на глубинно-семантическом уровне трактовка события зависит от фокуса говорящего, и это представляется особенно спорным.

Интерес вызывает сопоставление ошибок, допускаемых детьми из русскоязычных семей, в сравнении с ошибками, допускаемыми детьми из двуязычных семей. Исследования в этом плане провела Т. Вирпиоя. Выяснилось, что двуязычные способности следует помещать как бы на шкале от максимально хорошего владения финским языком до максимально хорошего владения русским, при этом существуют дети, оба языка которых развиты достаточно хорошо, однако почти не встречается таких, у которых не было бы перевеса в одну сторону. Проанализировав ошибки, автор пришла к выводу, что большинство из них расходятся чисто количественно, меньшая часть содержательно. Прибытие из России «свежих» детей, прошедших русскую школу, но не имеющих опыта финляндской, вызывает некоторую конкуренцию: кто на самом деле ориентируется в ситуации, какова школьная этика, как принято общаться между собой, каковы те стандарты, которые воспитывает систематическое обучение в определенной системе (исследования С. Калтенборн).

В Финляндии существует две Финско-русских школы, одна из них в Хельсинки, другая в Восточной Финляндии, в трех городах: Лаппеенранте, Йозенсуу, Иматре. В этих школах существует два потока: один для тех, у кого родной русский, другой для тех, у кого родной финский. Двуязычные дети попадают либо в один, либо в другой поток — в зависимости от желания родителей и уровня подготовки ребенка. Для занятий по языку они делятся на подгруппы, но по остальным предметам занимаются вместе. Интерес к двуязычию большой, и многие родители рады способствовать всевозможным контактам учащихся с российскими учебными заведениями. Особенности преподавания в этих школах описываются, например, в работах Е. Иоссафовой и Н. Степановой в сборнике «Изучение и преподавание русского языка в Финляндии» (в печати). Здесь же дается обзор деятельности университетов в области русистики и осуществления различных учебных программ. Так, в Хельсинк-

ском университете существует две линии преподавания русского языка: для тех, у кого он родной, и для тех, у кого он второй; кроме того, существует отдельный коррекционный курс для билингвов на начальном уровне. Стоит обратить внимание на то, что некоторые отпрыски русскоязычных семей, воспитывавшиеся в финских детских садах и школах, выбирают линию русского как родного, а другие — русского как иностранного.

В Хельсинкском университете разработан интернет-тест по русскому языку KARTTU, который показывает, насколько улучшается владение русским языком у тех, кто учится в университете. Ученики старших классов Финско-русских школ также выполняют эти задания; результат сравнивается с тем, который показывают ученики соответствующего возраста в России (ответственный за проведение — М. Копотев).

В школах также исследуется овладение письменными нарративными способностями: О. Икко анализирует, как строятся рассказы на финском и русском языках у тех, кто просмотрел пятиминутные мультфильмы. Полученные результаты (по параметрам длины, лексической насыщенности, семантической полноценности, грамматической правильности, типам построения текстов) сопоставляются с данными языковой анкеты (возраст, пол, на каком языке, с кем, когда, сколько говорит, какие еще языки знает, с какого возраста живет в Финляндии и т. п.).

И. Хаймакка изучает, как обучение в Финско-русских школах соотносится с обучением в финской школе и поддержкой русского языка в объеме двух с половиной уроков в неделю. И. Коронен собирается показать, какие культурные представления формируются у учащихся: что они знают из истории, литературы, страноведения. Большое исследование И. Саммалкорпи посвящено становлению диалогических способностей на каждом из языков. Автор проследивает динамику общения на протяжении трех лет обучения — как формируются связи в классе, как изучаются языки, что на каком языке проговаривается, как происходит переход с одного языка на другой. А. Упорникова уделяет внимание «языковым тропинкам»: как те, кто активно пользуются русским языком, его учили, как формировалась их языковая компетентность, в какой взаимосвязи находится успеваемость по математике с владением языками. Е. Дмитриева обращается к грамматической стороне речи: какие особенности русского языка наиболее трудны для усвоения, как должно быть устроено преподавание, чтобы прийти к максимально хорошему результату.

В Финляндии в настоящее время функционирует около десятка двуязычных дошкольных учреждений, где одним из языков образования является русский. В качестве экспериментальной платформы в нашем проекте выступает детский сад «Калинка» в Хельсинки. Совместно с С. Миеттиненом, С. Кирвесмиес, Е. Юрковым, Т. Поповой, Т. Петровой, О. Лазаревой, М. Бароновой и др. сопоставляются результаты тестирования детей на обоих языках, развитие способностей к взаимодействию в речевой ситуации, пересказ книги, рассказ по картинке, анкетирование родителей, в лонгитюдном исследовании прослеживается динамика развития речи в одной группе на протяжении трех лет пребывания в детском саду.

Представляется, что в совокупности объем проводимых исследований раскрывает суть формирования детского двуязычия от детского сада до старших классов школы. Эти исследования дополняются анализом развития русского языка у билингвов, обучающихся в далее в Хельсинкском университете.

Давний опыт Финляндии по обучению русскому языку как иностранному (около 200 лет) и как родному (около 150 лет), безусловно, представляет интерес и для других ситуаций обучения русскому языку за рубежом.

Георусистика и украинский национальный вариант русского языка

А. Н. Рудяков

Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования (Симферополь, Украина)

arudiakov@ardinvest.net

Георусистика, языковое взаимодействие, вариант языка

Summary. The paper is dedicated to the problem of the development of the Russian language in the modern geopolitical environment. The term «georussian studies» is suggested as a notion that can reflect the peculiarities of the interaction of the Russian language with other languages.

Говоря о георусистике (очевидно, что предлагаемый термин является «рабочим»), хотя, как представляется, будучи соотнесенным с термином «геополитика», прекрасно передает направление исследовательского взгляда), мы имеем в виду не некое новое ответвление нашей много и напрасно членимой науки, а саму эту науку в XXI веке. Если говорить предельно коротко, то георусистика — это русистика, осознавшая, что ее объектом является не русский язык, а глобальное русскоязычное пространство, для именованья которого, с нашей точки зрения, оптимальным является термин Русофония. Русофония представляет собой организованное множество национальных вариантов русского языка.

Мы хорошо знаем русистику, объектом которой является русский язык. Попробуем представить себе георусистику, в центре внимания которой — глобальное русскоязычное пространство. Главное — принципиальное — различие двух названных подходов заключается в том, что первый традиционно сосредоточен на исследовании русского языка как феномена, противопоставленного иным «нерусским» языкам. Второй — на взаимодействии Русофонии с другими «фониями» как с компонентами лингвистической ойкумены.

Каков же он — геолингвистический мир, являющийся объектом геолингвистики?

Это глобальная метасистема, компонентами которой являются активно взаимодействующие языковые миры, или «фонии». Системообразующим фактором языкового мира, являющегося надгосударственным, наднациональным, надкультурным и надэтническим образованием, выступает соответствующий язык.

Географические границы «фонии» определяются только тем, что социальное взаимодействие внутри этих границ осуществляется на определенном языке. Важно осознавать, что эти границы не являются четкими. «Фонии» причудливо переплетаются друг с другом: мы не можем сегодня предложить графическую модель представления этой сложнейшей системы. Важно осознавать реальность языковых миров. Это иной вид общности людей, вид, приобретающий едва ли не решающее значение в эпоху глобализации, когда языковые миры разрушают «старые» идентичности и творят принципиально новые.

Структура языкового мира включает центр, ядро и периферийную зону (мы хотели бы обратить особое внимание на то, что центр, ядро и периферия — это равноправные части системы, выполняющие различные функции), формируемые — и это принципиально важно осознавать — национальными вариантами соответствующего (в нашем случае, русского языка). Мы используем в наших работах термин «национальный вариант языка» в значении «результат территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях» (например, национальные варианты английского языка). Позицию центра языкового мира занимает основной вариант языка. Для Русофонии — это российский вариант русского языка. Мы рассматриваем русский язык как инвариант, творящий качественную определенность Русофонии и дифференцирующий ее от иных языковых миров. Ядро русскоязычного пространства формируется национальными вариантами русского языка, возникающими в государствах, использующих для осуществления социального взаимодействия русский язык наряду с другим национальным языком: украинским, казахским, белорусским. Соответственно, это украинский, казахстанский, белорусский... национальные варианты русского литературного языка.

Парадоксально, но эти объективно возникающие и существующие явления до сих пор не воспринимаются современными

русистикой как объекты внимания и исследования. Помимо политических причин такого игнорирования, что актуально прежде всего для украинской действительности, решающее значение имеет здесь традиционно негативное восприятие русистикой феномена языкового взаимодействия.

Для георусистики очевидно, например, что украинский язык в такой ситуации является языком-партнером, а не источником всяческой «порчи». Интерфейсом осуществления взаимовлияния, взаимообогащения русского и украинского языков являются украинский вариант русского языка и, конечно же, российский вариант украинского языка.

Мы убеждены, что русистика будущего — это георусистика, в центре внимания которой окажутся процессы языкового партнерства, процессы совершенствования языка как результат взаимодействия с другими языками. Георусистика как лингвистика языкового взаимодействия не будет подвергать сомнению способность русского языка к образованию национальных вариантов. Напротив — эти варианты будут тщательно каталогизированы, описаны, исследованы. Способность порождать национальные варианты свидетельствует о силе и мощи языка. Яркое подтверждение этого факта — Русофония как один из важнейших языковых миров, формирующих значительный слой планетарной лингвистической ноосферы.

Следующей составной частью Русофонии является обширная зона, «активной» периферии, которую формируют варианты русского языка, возникающие как продукт взаимодействия русского языка с живыми языками нашей планеты, и прежде всего с английским, немецким, китайским, японским, арабским, испанском, французским и другими языками.

Металингвистическая ориентированность георусистики заметно отличает ее от традиционного пребывания русистики «внутри» языковой системы. Для георусистики русский язык выступает в качестве целостной системы, взаимодействующей со своими собратьями в рамках глобальной метасистемы, которую можно именовать по-разному: лингвистическая составляющая ноосферы, языковый мир человечества и т. д. и т. п.

Повторим, что русистика и георусистика различаются прежде всего способом восприятия языкового мира. Для георусистики он глобален, и в нем русский язык, выступающий в виде множества своих национальных вариантов, которое мы именуем термином Русофония, непрерывно взаимодействует с другими языковыми мирами. Мы живем в эпоху небывалой интенсификации этого взаимодействия. Представления, согласно которым существует некий остров воплощенной русскости, о который разбиваются волны «испорченных» русских языков соседних государств, должны быть заменены на иную — адекватную — картину языковой реальности XXI века. Эта картина активного планетарного взаимодействия языков. Взаимодействия объективного, непрерывного и неотвратимого. Взаимодействия, являющегося важнейшим ресурсом развития языка, его совершенствования, его, в конечном счете, жизнеспособности.

С этой позиции феномены языкового взаимодействия и национальных вариантов русского языка заслуживают иного отношения лингвистов, нежели то, которое существует сегодня. Глобальному миру соразмерны геолингвистика и георусистика, то есть это лингвистика языкового взаимодействия и — основа новой языковой геополитики. Переход к георусистике (как бы ее не назвали) представляет собой сложнейший методологический скачок, в равной степени трудный и необходимый.

Русский язык в Казахстане

З. К. Сабитова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

z_sabitova2@mail.ru

Национальный, региональный вариант русского языка, языковая ситуация

Summary. The problem of definition of the Russian language as national or regional variant is analysed in the report? The linguistic and sociolinguistic parameters of functioning of Russian in Kazakhstan are revealed? Number of problems for solution is defined.

Проблема языковой вариантности является одной из актуальных проблем современной лингвистики. В историческом плане вариантность языка, т. е. его способность к постоянному изменению, является следствием языковой эволюции, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов. Теория языкового варьирования (территориальной вариантологии, национального варианта языка) достаточно разработана на материале национальных вариантов английского, немецкого, французского, испанского, арабского языков. Национальные варианты языка выделяются на основании совокупности лингвистических и экстралингвистических признаков: каждый из национальных вариантов имеет свою функциональную парадигму, включающую, помимо литературного, другие формы существования языка (диалекты, разговорную речь и др.); общественные функции национального варианта языка тождественны функциям национально-гомогенного языка.

В последнее время говорят о национальных вариантах русского языка. Мы обратились к проблеме определения статуса русского языка в Казахстане.

Языковая ситуация в Казахстане характеризуется как четко центрированная вокруг двух демографически и коммуникативно мощных партнеров — русского и казахского языков [1: 13].

Русский язык в Казахстане, наряду с государственным казахским языком, сохраняет весь объем функций: по-прежнему используется как средство кумуляции и приобретения разнообразной информации, идеологического воздействия, средство и объект образования, составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство. Ведение документации осуществляется на казахском и русском языках; в учебных заведениях русский язык является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании. Уровень владения русским языком всеми категориями населения и всеми национальностями Казахстана достаточно высок. Уровень владения русским языком населением Казахстана в 1997 г. был в 2,4 раза выше уровня владения казахским языком: 84% населения владели русским языком [1: 54].

Исследователи вариантов английского языка отмечают, что его варианты (британский, американский, австралийский и др.) имеют различия на всех уровнях языковой системы.

Что касается русского языка в Казахстане, то различия с российским русским языком затрагивают только лексический уровень — в основном это заимствования из казахского языка, обозначающие казахстанские реалии (регионализмы), фонетический и грамматический же уровни системы русского языка не затронуты.

На основе анализа лишь лексического уровня русского языка, непосредственно связанного с внеязыковой реальностью, более мобильного, вследствие чего наиболее ярко представляющего особенности русского языка Казахстана, возможно ли делать выводы о том, что русский язык в Казахстане является национальным вариантом полинационального русского языка?

Известно, что влияние одного языка на другой язык проявляется прежде всего на лексическом уровне. Так, беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к интенсивному заимствованию из него разными языками слов и выражений, к тому же заимствуются и некоторые черты англо-американского менталитета, моральные ценности, традиции, нормы поведения. Это является естественным результатом языковых и культурных контактов, а также современных процессов глобализации, однако это не позволяет считать один язык вариантом другого языка.

Русский язык в процессе функционирования в многонациональном, поликультурном Казахстане приспособляется к потребностям носителей языков, вследствие чего неизбежно варьируется, приобретает особенности, обусловленные интерференцией родного языка говорящего. При этом интерференция, безусловно, не является коммуникативно значимой и не влияет на совершение коммуникативного акта.

Общность территории, общая историческая судьба народов Казахстана (даже при наличии разных языков) обусловили их особую, евразийскую, ментальность, находящую отражение и в русском языке, и это обуславливает различия «казахстанского» русского языка от российского.

Для решения проблемы, является русский язык в Казахстане национальным или региональным вариантом, необходимо решить комплекс таких вопросов:

- разработка теоретических основ территориальной вариантологии на материале русского языка;
- определение понятия «русофония» как глобального русскоязычного пространства;
- описание механизма формирования варианта языка;
- установление критериев определения варианта русского языка на нерусских языковых пространствах (форма существования, сфера функционирования, различия в системе вариантного русского языка в сравнении с инвариантным русским языком, норма в ее отношении к вариантному и инвариантному русскому языку);
- квалификация русского языка в странах СНГ как национального или как регионального варианта;
- выявление системы факторов, обеспечивающих вариативность;
- выявление отличительных черт русского языка в Казахстане от российского русского языка на всех уровнях языковой системы, узуса и в прагматико-функциональном аспекте;
- характеристика особенностей функционирования русского языка в Казахстане: выявление его функций, уровня владения русским языком населением Казахстана, сферы его функционирования (в образовании, СМИ, делопроизводстве и др.), корреляции с евразийской ментальностью и культурой;
- особенности интерференции в русской речи русских и в русской речи нерусских и др.

Литература

1. Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник. Астана, 2007.

Настоящее и будущее русского языка в славянском мире

Б. Станкович

Славистическое общество Сербии

bogist@nadlanu.com, bogi.stankovic@gmail.com

Русский язык, международное общение, инославянское окружение, интеграционные процессы, организованная поддержка

Как известно, несколько десятилетий второй половины двадцатого века русский язык являлся одним из основных языков общения между славянскими народами. В связи с

этим ему принадлежало и соответствующее место в образовательных системах славянских государств: в большинстве из них он был обязательным иностранным (или государст-

венным) языком. В новых геополитических условиях, сложившихся в последнее десятилетие XX века, положение русского языка как средства международного общения, а также и его изучение в мире вообще, и особенно в славянском мире, ухудшается. К счастью, отрицательное отношение к русскому языку продолжалось относительно не долго. С обоснованной уверенностью можно констатировать, что в последние годы рейтинг популярности русского языка растет как в мире вообще, так и в славянских странах.

Есть основания полагать, что имеющиеся положительные тенденции в будущем не только сохранятся, но и усилятся. Для этого уже в настоящее время созданы или создаются благоприятные предпосылки, а именно:

(1) Однополярность мира, сложившаяся в конце XX века, уже преобразовалась в многополярность, в которой Россия представляет собой один из тех, несомненно, полюсов, с которыми необходимо считаться.

(2) Процесс интеграции Европы приведет к объединению большинства славянских народов, во многом напоминая (на высшем витке спирали) ситуацию прошлых времен, когда зародилась и интенсивно развивалась славистика, очень сильно поддерживавшая идею славянской взаимности.

(3) Процессы мировой глобализации и европейской интеграции приводят к нарастанию русской диаспоры в инославянских странах, а также и инославянских диаспор в России, а тем самым и к усилению межъязыковых и культурных контактов.

(4) Преодолевая кризис, Россия с начала XXI века интенсивно развивается во всех отношениях, так что есть основание верить в давно высказанный прогноз о том, что она станет «Эльдорадо XXI века».

(5) С нарастанием мощи в России организовано и систематически подходят к поддержке русского языка, прежде всего по программе или при помощи Фонда «Русский мир».

(6) В России улучшается финансирование учреждений и организаций, занимающихся поддержкой русского языка за

рубежом и повышением квалификации зарубежных русистов, а тем самым интенсифицируется их деятельность.

(7) Имеющиеся журналы по русистике, как в России, так и в славянском мире, стали регулярно выходить и даже увеличивать тиражи.

(8) За последние два года в славянском мире появились две новые русистские серийные публикации: журнал «Новая русистика» в Чехии и ежегодник «Русский язык как инославянский» в Сербии.

(9) В славянских странах регулярно проводятся научные русистские форумы, как правило, под эгидой МАПРЯЛ; ассоциации русистов и славистов славянских стран развивают тесное двустороннее сотрудничество.

(10) На научных форумах славянских русистов обсуждаются вопросы методологии изучения и методики преподавания русского языка как инославянского, а не как иностранного, с целью интенсифицировать процесс обучения русскому языку в инославянском окружении, т. е. ускорить развитие и распространение инославянского-русского двуязычия.

Перечисленные и целый ряд не упомянутых фактов дают нам возможность верить (хотя в данный момент это кажется утопией), что в относительно недалеком будущем иерархия лингвистической компетенции (т. е. владения языками) большинства инославян (славян-нерусских) будет выглядеть следующим образом: 1) родной славянский язык, 2) русский как инославянский, 3) иностранный (неславянский) язык.

Литература

1. Станкович Б. Ассоциации русистов и русское слово в глобализирующемся мире // Русский язык за рубежом. 2007. № 6. С. 33–41.
2. Новая русистика. Международный журнал современной филологической и ареальной русистики. 2008. № 1. Брно.
3. Русский язык как инославянский. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Вып. 1. Белград, 2009.

О статусе родного языка в Украине

А. Н. Стебунова

Донецкий институт психологии и менеджмента (Украина)

stebunovaa@ukr.net

Родной язык, государственный язык, двуязычие, языковая проблема

Summary. This paper is about linguistic problem in Ukraine, that consists in existence of two languages that don't promote unity and integrity of the state.

С одной стороны, языковой проблемы в Украине действительно нет: в обществе установилось реальное двуязычие, говорящие на украинском и русском языках понимают друг друга без перевода. Это фактическое двуязычие не требует специальных доказательств, оно демонстрируется постоянно и повсеместно — в быту, в концертных программах, телеинтервью и т. д.

С другой же стороны, языковая проблема в Украине все же существует, потому что вместо того, чтобы узаконить и укрепить исторически сложившееся двуязычие, в стране производятся целенаправленные акции по его устранению: закрываются русские школы; сокращаются программы по изучению русского языка и литературы; регламентируется употребление русского языка в средствах массовой информации; русский язык вытесняется из сферы документации; порицается употребление русского языка официальными лицами и т. д.

Один из самых сильных социальных инстинктов, если не самый сильный, — быть собой, т. е. соответствовать своей сущности. Отсюда — особое, иррациональное отношение к родному языку — ведь это первичное оформление своей сути. Если бы язык был чем-то внешним по отношению к человеку, то трудно было бы объяснить остроту и решительность выступлений в его защиту. Именно природой языка, не сводимой к рациональности и системности, предопределена необычная и труднообъяснимая эмоциональность в дискуссиях о статусе языка: язык в своей основе и сути — иррационален и онтологичен, это не только средство коммуникации, это форма человеческого бытия.

Если, вопреки фактам и здравому смыслу, продолжать утверждать, что в границах Украины проживает некая единая «украинская нация», у которой единая вера, единая

культура, единая история, а также одни на всех традиции, ориентиры, устремления, то как быть с двуязычием, которое с раздражающей очевидностью это опровергает? Ответ, который приходится слышать, прост: двуязычие — временное, преходящее явление; при твердой и последовательной политике через два-три поколения соотношение языков существенно изменится, и страсти улягутся сами собой.

Утверждение второго государственного языка, по образцу некоторых демократических государств, могло бы стать реальным началом государственного межнационального объединения, а заодно послужило бы доказательством, что Украина — тоже демократическое государство. Мировая общественность негодует, когда проявляется расовая или этническая дискриминация. Но языковая дискриминация — того же рода, только более утонченная.

Требование русскими украинцами второго государственного языка — не блажь и не прихоть; это защитная реакция социального организма; это не нарушение Конституции, а требование ее выполнять. Логика конституционных положений прозрачна: русский язык уступает украинскому должность государственного, а тот, со своей стороны, берет на себя государственные обязательства оберегать и никоим образом не ущемлять права негосударственных языков. Необходимость пересмотреть эту договоренность возникла лишь после того, когда обязательства государственного языка стали планомерно и целенаправленно не выполняться.

Два государственных языка — это было бы слишком простое решение проблемы. В нашем государстве так решать проблемы не принято. Но возможен компромиссный вариант: дополнительная юридическая защита негосударственных языков, а для этого — введение в правовое поле понятия «родной язык».

Пока ведутся эти споры, процесс идет. Статистика уже сейчас позволяет сделать безрадостное заключение: в государстве Украина, начиная с момента ее независимости и по настоящее время, в течение уже 18 лет, производится планомерная и последовательная акция, аналогичная геноциду, для которой в культурологии и юриспруденции имеется вполне определенное обозначение — лингвоцид.

Итак, необходимо признать, что языковая проблема в Украине существует, но ее основания — в государственной политике, а не в общественной жизни. Это проблема государства, а не общества. И серьезность этой проблемы усугубляется даже не тем, что она раскалывает общество (общество всегда было разным, ему не привыкать) — она разделяет общество и государство.

Устранение русского языка из школьных программ — этноцидная шапка-невидимка для славян

Радойка Степанов Тмушич

Гимназия г. Врбас (Сербия) / Нови Сад (Сербия)

anastasijansr@yahoo.com

Русский язык, двойные стандарты, этноцид, «Pax Americana», Евразия

Summary. Serbian people from the beginning was one of the first victims of mondialism and globalization. Russian language in Serbian schools was the first victims of education reforms which has been dictated from the West. It's no secret that suspension of Russian language in Serbian schools and other East European countries has it's deep political background. In other half of 21 century geopolitical opposition of Euroasia is getting stronger, gathered around Russia, and Russian language again takes it's place in the world culture, where it belongs.

Если этноцид подразумевает политику уничтожения самосознания народа, то есть уничтожения национальной идентичности, то ясно, что народы, которые испытали такую политику, теряют свою культуру, вероисповедание, свою историческую память. Именно из-за этого, в начале своего доклада, я приоткрою дверь в сокровищницу тесных историческо-культурных связей сербского и русского народов в XX веке.

В начале XX века, с восшествием на королевский престол Сербии династии Карагеоргиевичей снова наладились государственные связи между Сербией и Россией. Накануне австрийского ультиматума Сербии, 24 июля 1914 г., сербский король Александр Карагеоргиевич послал телеграмму русскому царю Николаю II, в которой просил русского царя о помощи. Русский царь 27 июля ответил, что «Россия ни в коем случае не оставит Сербию».

Страдания сербского народа при отступлении через Албанию во время первой мировой войны, были хорошо известны союзникам России. Весь русский дипломатический корпус, аккредитованный в Сербии, отступал вместе с сербскими войсками в сторону Албании. Подобного прецедента не было в истории. Сербия на берегах Адриатического моря, казалась, тщетно ожидала помощи. Союзники торговались. Энергичная телеграмма русского царя союзникам Франции и Англии, в которой он грозил расторжением Союза, если сербской армии не позволят вступить в самый надежный албанский порт Валлону. Только после этой угрозы союзники послали свои пароходы эвакуировать сербских солдат из Валлоны на Корфу и Бизерту. И сербский, и русский народы в эти годы терпят настоящие национальные трагедии. После Октябрьской революции Сербия приютила русских беженцев среди которых были великие ученые, церковные деятели, художники. В 1922 году казаки с Кубани и Дона через Салоники и Гостивар проложили тяжкий «Русский путь» и поселились в Сербии. В период между двумя мировыми войнами в Сербии было почти 50000 русских беженцев. В Воеводине, в городе Нови Сад основана и Матица Русская, а в Сремских Карловацах — Русская Заграничная Церковь. Влияние этой огромной волны образованных и талантливых русских людей на повседневную жизнь сербов, на сербскую науку, образование, музыку, живопись, литературу и культуру вообще — благотворно и неизмеримо.

Русская культура и литература повлияла не только на сербских писателей, но и на всю культуру в Сербии. Русских писателей читали и переводили. «До Пушкина русская литература была ученицей, а после Пушкина стала учительницей». «Великие русские писатели оставили славянам и всему миру, кроме великого искусства и своего рода предания. Пушкин показал сколько для народа важен язык, Достоевский — в чем миссия человеческого духа, Толстой — каков путь человека на земле» — Так глубоко, честно и прекрасно выразила отношение к русской культуре сербская писательница Исидора Секулич.

Славянские православные народы породившие таких великанов, в 1941 году снова оказались перед опасностью физического уничтожения. Во второй мировой войне по-

гибло свыше 26 млн. русских и около 2 млн. сербов. Сегодня многие западные (и не только западные) политики и «историки» пытаются переписать историю и оккупантов провозгласить освободителями. И все это делают «во имя демократии и человеческих прав».

В самом конце двадцатого века, сербы «наглядно» и «в прямом эфире» узнали, что это за права и что это за «небесная» демократия.

С помощью своих марионеток, НАТО сегодня продолжает «бомбить» нашу страну изнутри, прежде всего образовательную систему, нашу школу. Почему школу — нетрудно догадаться. Через школу проходят все дети, вся молодежь. Этот «материал» идеален для «обработки» и манипуляции. Именно в школах различными западными реформами нашей образовательной системы начался плюшевый этноцид, в совсем комфортных условиях, даже под эгидой министерства образования.

Первое, на что «реформаторы» прицелились в образовательной системе Сербии — это русский язык. Его выгнали из сербских школ, беспощадно и примитивно «во имя компьютеризации и отречения от коммунизма». Даже министр образования Сербии перед телекамерам сказал: что в каждом преподавателе русского языка сидит коммунист! Чтобы показать русский язык ненужным и немодным, «помогают» очень плохие «современные» учебники, учебники без литературных текстов, без души, а бездушие и есть основная цель глобализации. Осваивание «уровня компетенции», при условии потери нравственных целей — это дорога «из ниоткуда в никуда», это и есть технология работы строителей «Pax Americana».

На политической сцене и в слове политиков, авторов цветных революций появились и часто повторяются разные фразы, как например, «толерантность», или «европейские стандарты», которые по мнению той же «мировой политической элиты», надо уважать и которых надо придерживаться. Но каждому грамотному человеку понятно, что эти стандарты являются двойными еще с давних времен. Именно в этих двойных стандартах и заключается «этноцидная шапка невидимка», которая сшита для определённых славянских народов.

К счастью, в современной геополитической ситуации все яснее видно, что планетарный «новый мировой диснейлендовский порядок» под руководством США, теряет свою политическую энергию перед геополитической оппозицией Евразии, группирующейся вокруг России. Но не надо ослабляться, атлантизм и глобализм постоянно находят новые способы работы. И работают они очень пунктуально. Это не видит только тот, который не хочет видеть.

Роль русской литературы в преподавании русского языка в сербской среде на рубеже веков и в новых геополитических условиях огромна и очень важна. Сербам должны создавать учебники русского языка на текстах русской классики, потому что, изучая Пушкина, изучают П. П. Негоша, изучая Гоголя, обращаются к Браниславу Нушичу, читая Толстого, не забывают Иво Андрича, думая о Достоевском,

знакомятся с Июстином Поповичем, читая Пастернака, вспоминают Милоша Црнянского. Такие учебники нужны, чтобы помнить и не забывать.

Русская литература на уроке русского языка и есть та опора на которую можно всегда опереться в изучении русского языка. Это возможно потому, что на тех интересных страницах, на которых связывались русская и другие славянские и неславянские культуры легче всего добиться успехов в мотивации учеников и в изучении языка, потому, что в русской литературе есть та нравственная сила, которая помогла и продолжает помогать сохранить дух национальной культуры в трудных исторических обстоятельствах не только русскому человеку, а человеку вообще. Русская литература указывает путь к правде, путь к истине.

Благодаря изучению русского языка ученики могут познакомиться с ролью русского народа и в новом мировом порядке. А так-как «Язык — это народ!», то современному

культурному человеку и любому славянскому народу без русского языка не обойтись!

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1990.
2. *Вулетић В.* Руска књижевност 19. века, Београд, 1971.
3. *Вулетић В.* Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1971.
4. *Дугин А.* Основы геополитики. М., 2000.
5. *Дугин А.* Геополитика постмодерна. М., 2007.
6. *Ионов И. Н.* Российская цивилизация. М., 2001.
7. *Киравова К. И.* Культурология. М., 2005.
8. *Костић Ј.* О политици и Уметности. Нови Сад, 1990.
9. *Поповић Б.* Никола, Србија и царска Русија Поповић. Београд 1994.
10. *Поповић Јустин.* Достојевски — свечовек. Шабац, 1995.
11. *Костић И.* Из страних књижевности. Нови Сад, 1962.
12. *Тасић М.* Казивање о Његошу. Београд, 1992.

Иноязычная лексика русского происхождения как интернациональный терминологический элемент юридической терминосистемы татарского языка

Г. М. Туктарова

Казанский филиал ГОУ ВПО Российская академия правосудия

guzelyatu@mail.ru

Двуязычие, перевод, юридическая терминология, терминотворчество, русизм

Summary. The situation of bilingualism in the Republic of Tatarstan and the necessity of the development and further adoption of a special system of the translation criteria applied for legalese directly in Tatar has proved the scientific research of the Russian terms in their origin as the international elements within the legal terminology of the Tatar language.

1. Условия двуязычия в Республике Татарстан на современном этапе его развития с закреплением официального статуса государственного языка за русским и татарским языками, что регламентируется Конституцией Республики Татарстан 1992 года, а также Законом Республики Татарстан от 28 июля 2004г. №44-ЗРТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», несомненно, требуют рассмотрения проблемы контактирования языков, в данном случае русского и татарского языков, на предмет их взаимовлияния как взаимообогащения в сфере профессионального общения, что обуславливает выделение для исследования отдельных терминосистем в аспекте «язык для специальных целей». На сегодняшний день законодательство в Татарстане ведется на русском языке, вся документация юридического характера, представленная на татарском языке (Гражданский кодекс РФ в 2-х частях, Уголовный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, нормативные акты), — переведенная продукция, язык оригинала которых, — русский язык. Такая языковая ситуация, с одной стороны, и особенности нормативно-правового обеспечения, закрепленные в Законе о языках Республики Татарстан, а также в Государственной программе Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы, с другой, — подчеркивают актуальность исследования юридической терминосистемы татарского языка, в рамках которой терминологические элементы русского происхождения образуют составляющую пласта интернационализмов.

Для исследования особенностей усвоенности лексики русского происхождения как интернациональной в составе юридической терминосистемы татарского языка в качестве текстового материала нами выделяются статьи Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и его варианта, переведенного на татарский язык.

Анализ употребления терминологических-русизмов в тексте статей ГК РФ позволил нам заключить, что определенная их доля употребляется в тексте статей ГК РФ на татарском языке посредством прямого перевода значения терминологической единицы русского происхождения на татарский язык, например, *договор — шартнамә, исполнитель — башкаручы, ответственность — җаваплылык, обязанность — вазыйфа* и др. Однако в некоторых случаях при передаче значения терминологического-русизма через его непосредственный перевод на татарский язык, термины-русизмы, не только теряют свою интернациональность для юридической терминологии татарского языка, не всегда в переводе полностью от-

ражают содержание информации, заключенной в значении исходной терминологической единицы, что искажает суть контекста статьи юридического документа, например, *перевозка — ташу*, «ташу» не отражает полностью смысл контекста статей ГК РФ, в которых употребляется термин *перевозка*; *провоз* в «провозная плата» — также переведен как *ташу*, не отражая в полной мере суть действия «провозить» и др. При анализе текста статей ГК РФ на татарском языке наряду с терминами, переведенными с русского на татарский язык, нами выделяется группа терминологических элементов, которые употребляются, сохраняя свою форму содержания и выражения как интернационализмы, с применением при необходимости словотворчества согласно нормам грамматического строя татарского языка, например, *подряд, подрячок — подряд, подрядчы; заказ, заказчик — заказ, заказы; пассажир — пассажир, пассажирның; багаж — багаж, багажны; заем — заем, заем алуны, заем шартнамәсе; товар — товар, товарный кредит — товар кредиты (кредит — латинизм), товарның; гражданин (в «гражданский») — граждандар, граждандар хокуклары, гражданның* и др. Необходимо здесь отметить, что логико-лингвистический анализ употребления терминов-русизмов в составе юридической терминосистемы татарского языка, позволяющий, в свою очередь, провести исследование особенностей терминотворчества в татарском языке, предполагает рассмотрение термина как текстового явления, т. е. в его динамической трактовке. Резюмируя вышесказанное, мы отмечаем: 1) на наш взгляд, нельзя отказываться от попыток терминотворчества в татарском языке в тех случаях, когда данный процесс не только возможен, но необходим во избежание искажения значения того или иного терминологического элемента, что может иметь место при передаче его значения посредством прямого перевода с подбором отдельной лексической единицы татарского языка или словосочетания; 2) интернационализмы-русизмы в составе юридической терминосистемы татарского языка обогащают татарскую юридическую терминологию как язык для специальных целей; 3) исследование иноязычной лексики русского происхождения в составе юридической терминологии татарского языка внесет определенный вклад в разработку нами системы принципов, критериев перевода научного текста, которая в дальнейшем может быть подтверждена, скорректирована или опровергнута.

2. В докладе будет отдельно подчеркнута роль русского языка как языка-посредника в условиях двуязычия при проникновении интернационализмов-европеизмов и их усваиваемости в юридической терминологии татарского языка.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I и II. М., 1998.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007.
3. Россия Федерациясеңең Граждан кодексы. Казань, 1998.

Локальность как ценностно- и аксиологическая категория русской лингвокультуры

Л. Н. Федосеева

ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова»

LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

Категория, пространство, локальность, лингвокультура

Summary. The following paper is devoted to the realization of locality category in Russian linguoculture. The place of the given semantics in language and speech is determined here. Different ways of actualization of the locality category are researched. The conclusion concerns the role of the category under consideration in Russia linguoculture.

Познание и освоение пространства каждым народом играет, несомненно, важную роль в формировании его национального самосознания. Ученые не раз отмечали, что в основе познания человеком мира лежат именно пространственная перцепция и соответствующие значения, на базе которых позже развилось и осознание других типов отношений предметов окружающей человека действительности. «Одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира — категоризация пространства», — отмечает Е. С. Кубрякова [4: 22]. Постепенное осмысление своего места в физическом мире, изучение и измерение различных параметров пространства позволили человеку максимально адаптироваться в окружающей его среде и организовать свою биологическую и социальную жизнь.

А. Николова пишет: «Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие пространства, представление о его непрерывности / прерывности, абсолютном или относительном характере, конечности / бесконечности, протяженности, трехмерности, размерности, геометрической и топологической разновидности, стали различать физическое, географическое, космическое и т. д. пространства» [5: 5]. При этом в основе человеческих представлений о пространстве, на наш взгляд, лежала и по-прежнему лежит локальность — определение места нахождения объекта, протекания события, процесса. Данная семантика играет роль важнейшей субкатегории по отношению к категории пространства. Так, при экстраполировании пространственных представлений в различные сферы деятельности человека превалирует именно семантика локальности, лексическая и / или грамматическая, например: *в тишине, в сумерках, во мраке, на ветру* (при совмещении состояния и места), *на уроке, на экзамене, в отпуске, в поездке, в полете* (при обозначении места наименованиями мероприятий, характеризующихся временной протяженностью), *в тепле, на морозе, в тумане, на солнцепеке* (при совмещении значений места и состояния), *в сушилке, в раздевалке, на выставке, в спальне* (при совмещении значений места и действия), *в логове, в дыре, в труппах* (при метафоризации значения места с появлением коннотативного компонента), *на пятке, в воронке, в кольце, на кругу* (при когнитивной метафоризации по форме), *в мыслях, в душе, в сознании* (при характеристике умозрительной области) и др.

Опираясь на мысль В. В. Красных о возможности описания культурного пространства в параметрах следующих подсистем: когнитивной, метафорической, эталонной, символической [1], — предпримем попытку охарактеризовать функции категории локальности в русской лингвокультуре.

На когнитивном базовом уровне стереотипные образы у *черта на куличках, рукой подать* выступают в роли прототипов к феноменам *далеко, близко* соответственно. Прототипная функция здесь реализуется на основе ассоциаций: *черт и кулички* (последнее слово не семантизируется в сознании говорящих, т. к. в языке завершен процесс его историзации) ассоциируются с недостижимостью, длина вытянутой руки — с близким расстоянием.

Что касается метафорического базового уровня, речь идет «о базовых метафорах, в основе которых лежит, как правило, максимально абстрагированная „идея“, которая может и не рефлексироваться представителями лингвокультуры» [1]. Так, идея «места как социального статуса» служит основанием когнитивной базовой метафоры, посредством которой

(метафоры) осмысливается положение человека в обществе в качестве самоидентификации или оценки окружающих (*место в жизни; найти свое место; знать свое место; место под солнцем; не место красит человека, а человек место; встать в один ряд* и др.).

Базовый уровень эталонов представляется чрезвычайно важным в структуре лингвокультуры. Как отмечает В. В. Красных, сами «ниши эталонов» (их содержательный смысл, например эталон красоты, эталон богатства, эталон предательства и под.), сам факт их наличия / отсутствия и удельный вес в той или иной культуре, и заполненность / незаполненность ниш как таковая, и число единиц, заполняющих нишу эталона (а оно может быть от 1 до открытого множества), и сам репертуар единиц, выполняющих функцию знака-эталона, — все это, конечно же, предопределяется культурой и несет на себе отпечаток культурной специфики [2].

Даже поверхностный анализ данного уровня лингвокультуры на предмет участия в нем категории локальности показывает ее (категории) активность в формировании «ниш эталонов»: *как в аптеке* (эталон точности, знак «+»), *как белка в колесе* (эталон активности, напряженной работы, знак «+» или «-» в зависимости от ситуации), *на блюдечке (с голубой каемочкой* — эталон отсутствия усилий, получения чего-то в готовом виде, знак «-»), *бок о бок* (эталон соборности, близости друг к другу, знак «+»), *в омут с головой* (эталон безрассудства, знак «-»), *витать в облаках* (эталон мечтательности, знак «-»), *столица* — эталонный носитель всего нового, прогрессивного, *глушь, захолустье, медвежий угол* — эталонный носитель отдаленности и отсталости, и т. д.

Символьный уровень, как и базовый уровень эталонов, принадлежит к наиболее национально специфичным. В данном случае под символом понимается единица лингвокультуры, некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига [2]; [3]. В русской лингвокультуре *огонь (зона огня)* — символ большой опасности: *между двух огней, идти в огонь и в воду, попасть из огня да в полымя, пройти сквозь огонь и воду, сторона* — символ независимости, отстраненности: *в стороне, на все четыре стороны, стоять в стороне, мое дело сторона* точка — символ важности, основы: *болевая точка, отправная точка, точка зрения, точка опоры, в самую точку, шаг* — символ малого расстояния, близости к чему-то: *на шаг* (от чего), *ни на шаг, в двух шагах, на каждом шагу*.

Таким образом, семантика локальности проявляет свою универсальность, принимая активное участие в наполнении всех уровней лингвокультуры как ценностно- и аксиологическая категория.

Литература

1. Красных В. В. Система координат лингвокультуры сквозь призму Номо Локуэнс // Язык. Сознание. Культура: сборник статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга, 2005.
2. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Respectus philologicus. 2005. № 7 (12). С. 10–24.
3. Красных В. В. Номо Локуэнс и система координат культуры // Красных В. В. Языковая личность: Текст. Словарь. Образ мира. М., 2005.
4. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–31.
5. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание. М., 2009 (www.russian.slavica.org/article113.html).

Культурно-языковая ситуация как историко-лингвистическое понятие

Л. Г. Чапаева

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

Email: lg4@mail.ru

Языковая ситуация, культурно-языковая ситуация

Summary. The description of cultural-linguistic situation from the diachronical position means an actualization not only of the linguistic development, but also the changes of social-cultural rates of historical period. More than that there is a need to take into account cultural and ideological rates of the national language and their estimation of linguistic processes that are correct or incorrect, modern or old-fashioned.

Понятие **культурно-языковая ситуация** не имеет однозначной дефиниции и не зафиксировано в словарях несмотря на широкое употребление в научной литературе. При этом синонимично используются номинации **лингвокультурная ситуация, языковая ситуация, ментально-языковая ситуация, культурно-языковая ситуация**. В некоторых случаях «лингвокультурная ситуация» (в лингвокультурологии) оказывается наиболее широким понятием, так как включает в себя собственно языковую ситуацию, культурно-языковую ситуацию, социальную ситуацию, этническую ситуацию и вбирает в себя практически всю жизнь того или иного общества.

Понятие «языковая ситуация» сформировалось в отечественной социолингвистике в 60-е гг. XX в. Составляющими языковой ситуации могут быть как разные языки, так и разновидности одного национального языка, для обозначения которых используются термины «языковое образование», «идиом», «коды и субкоды» социально-коммуникативной системы, обслуживающей языковое сообщество. Следовательно, в моноязычной ситуации речь идет о взаимодействии и «равновесии» разных форм одного и того же языка с учетом их стратовой дистрибутивности и соотносительности с формами культуры, что и создает динамизм культурно-языкового развития определенной эпохи.

В большинстве определенных языковой ситуации выдвигаются 1) количественные признаки: число идиомов и число коммуникативных сфер, которые обслуживаются каждым идиомом); 2) качественные признаки: структурно-генетические отношения между идиомами; 3) оценочные признаки: оценка идиомов с точки зрения их коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности. В качестве основных параметров характеристики той или иной языковой ситуации следует учитывать: 1) достоверность хронологических границ ее особого статуса, т. е. обоснованность выделения периода как отдельного этапа развития русской культуры и русского языка; 2) уровень оформленности и осознаваемости норм литературного языка в противопоставлении иным формам существования национального языка в это время; 3) степень определенности границ и содержания в языковедческом и культурологическом дискурсе нелитературных форм языка; 4) объективно существующую иерархию языковых разновидностей в их зависимости / независимости друг от друга; 5) соотношение литературного языка и языка литературы; 6) метаязыковое сознание, или оценку носителями языка той или иной его разновидности с эстетической и коммуникативной точек зрения, а также ее идеологического содержания и социальной престижности.

Языковую ситуацию в ее тесной связи с культурой формируют все проявления духовной деятельности человека, а также мировоззренческие процессы и их преломление в языке. Необходимо учитывать и языковую политику данного временного среза, уровень научного описания языка, существующий литературно-письменный и идеологический дискурс и т. д. В. М. Живов, определяя особенности изучения языковой ситуации, отметил в качестве основной характеристики «место явлений языка в сталкивающихся культурных парадигмах» [2: 9]. Собственно лингвистическая характеристика оказывается связанной со всей жизнью социума, и более точным, на наш взгляд, является понятие **культурно-языковой ситуации**. Определение полиязыковой ситуации в современной лингвокультурологии на уровне синхронии предложил В. М. Шаклеин, использующий понятие **лингвокультурная ситуация**, что позволяет, с одной стороны, противопоставить синхронию и диахронию,

а с другой — характеристику полиязычного и моноязычного социума.

В качестве одного из внешних факторов, определяющих культурно-языковую ситуацию, выступает активная позиция носителей языка, своеобразный «отношенческий» фактор, или языковая рефлексия, типичным проявлением которой является метаязыковая деятельность, различного рода рассуждения о языке. Для описания фрагмента общей языковой ситуации, который отражает представления общества о языке, лингвистике, языковом образовании, языковом строительстве в их взаимосвязях, Н. Д. Голев предложил термин ментально-языковая ситуация. «Обостренная чувствительность» языковой проблемы оказывается особенностью развития русского литературного языка, создающей своеобразие культурно-языковой ситуации практически в каждый исторический период, которая вписывается в широкий фон развития русской культуры. В данном контексте описание культурно-языковой ситуации предполагает прежде всего анализ языкового сознания, одной из ведущих и специфических особенностей или функций которого является оценочность. Как следствие оценки — характеристика культурно-языковой ситуации различными идеологическими группами. Вопросы состояния и развития языка, обсуждаемые обществом, напрямую связаны с духовным состоянием общества, с противоборством философских, социальных и идеологических установок социальных групп и отдельных личностей, — противоборством, которое в истории русской культуры в целом способствовало гармонизации русского литературного языка.

Описание и восприятие культурно-языковой ситуации может не совпадать в зависимости от внутреннего или внешнего положения исследователя по отношению к ней, т. е. языковая ситуация может быть описана с объективной, внешней, хронологически отстраненной точки зрения, и субъективной, внутренней. Культурно-языковая ситуация с внешней, объективной позиции описывается как реальное, подтвержденное достоверным количеством текстов, состояние общенационального языка во всем его многообразии; описанная с внутренней точки зрения, она может представляться совсем иной; при этом не все параметры языковой ситуации окажутся легко определяемыми. Изучая, например, филологические источники первой половины XIX в., необходимо учитывать, что сознательная оценка того или иного элемента языка или процесса в языке не всегда совпадает с неосознанной оценкой, которая может быть решающей в речевой деятельности. В частности, в целом негативное отношение к иноязычным заимствованиям в российском обществе 1830–1840-х гг. и особенно представителей славянофильского направления не только не привело к сознательному отказу от заимствований, но провоцировало все более частотное их употребление.

Диахроническое описание культурно-языковой ситуации, т. е. описание в движении, развитии определенного хронологического периода должно учитывать широкий исторический, культурный и социальный фон. Такой подход позволит увидеть смену ориентиров в общественном сознании и определить характер изменения культурно-языковой ситуации.

Литература

1. Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношений ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2002.
2. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
3. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М., 1997.

Ситуация многоязычия как фактор возникновения особого слоя неологизмов в современном русском языке

И. Б. Чернышева

Высшие курсы иностранных языков МИД России (Москва)
cher_ir@mail.ru, chernir@gmail.com

Международное общение, политический дискурс, ситуация многоязычия, неологизмы, ресемантизация

Summary. New words and colloquial expressions serving international multilingual communication enter into the Russian language following the formation of global information field. Many of these words and expressions are accepted neither by the partisans of “correct” speech nor by linguists. The ambition of this study is the exploration of the factors determining their birth, the mechanisms of their adaptation in the Russian language as well as their pragmatic functions.

В центре внимания нашего исследования находится неологизмы, содержащиеся в текстах международных документов, в статьях на политические темы и в устных выступлениях при обсуждении политических событий, которые не включаются в словари русского языка и воспринимаются как окказиональные единицы, некорректные и не рекомендуемые к употреблению. Эта группа неологизмов появилась в последние десятилетия в русском языке в коммуникативной ситуации многоязычия (документы и протоколы заседаний международных организаций, саммиты, форумы, конференции, встречи глав государств и правительств и т. п.). К ним относятся такие единицы как, например, *вейвер*, *корреспондировать*, *трэфикинг*, *арrogантность*, *петрогосударства*, *акторы*, *вепонизация* и многие другие. Механизмы формирования таких единиц включают различные модели заимствования:

- транскрипция (*конфайнмент*), при этом полученное слово начинает произноситься по правилам русской орфоэпии;
- транслитерация (*политикум*);
- традиционная латинизированная форма записи и произношения (*коалициада*, *пермантизация*);
- оформление заимствованной основы русским продуктивным суффиксом (*европейскость*);
- ресемантизация, то есть изменение значения лексической единицы, уже имеющей одно или несколько значений, закрепленных за ней в русском языке (*отмывание*, *донор*, *западники*, *актер*, *коммуитарный*, *на полях*, *шерпа*).

Анализ выявленных единиц был комплексным и включал следующие подходы: 1) собственно лингвистический, 2) функциональный и 3) прагматический.

Количественный анализ схем формирования неологизмов показал, что самыми продуктивными являются транскрипция и ресемантизация. На основе предложенного нами анализа механизма ресемантизации в его различных проявлениях было продолжено изучение процесса лексического обогащения русского языка и было установлено, что в большинстве случаев заимствований значение неологизма не сводится к значению слова, которое может быть предложено как его перевод (*вепонизация* не есть *милитаризация*, *транспарентный* содержит другие семы, нежели *прозрачный*, *аксептабельный*, в отличие от *приемлемый* содержит сему ‘способ реализации’).

В результате мы определили функции этого типа неологизмов:

1. Экономия речи: часто объем содержания такого слова потребовал бы нескольких слов или целого предложения для выражения обычными средствами русского языка: *кон-трибутор* — страна или структура, предоставляющая денежные средства организации или проекту.

2. Изменение стилистического регистра как коммуникативная цель адресанта: использование неологизма-заимствования переводит текст из нейтрального регистра в административный или научный.

3. Идентификация информационного повода: непривычное, «незатертое» слово используется как маркер события или процесса.

Прагматический анализ необходимости использования подобных неологизмов вскрыл специфику среды их появления — это ситуации многоязычного международного общения. Особенностью самой ситуации является обсуждение новых для всех участников коммуникации понятий («информационный повод»), что влечет за собой появление в языках коммуникации нового термина, часто с одинаковым написанием или общей основой. Участники таких обсуждений хотя и пользуются услугами переводчиков, однако и сами владеют не одним иностранным языком, обладая к тому же общими фоновыми знаниями, что влияет непосредственно на процесс продукции и перцепции речи («подготовленное ухо»).

Новое слово многократно проходит в составе различных текстов через все процедуры перевода: официального и культурного, письменного и устного, последовательного и синхронного. При этом ситуации международного общения требует быстрой подыскивания эквивалента на русском языке. Факторы ограничения процесса создания неологизма во времени и наличие подготовленной аудитории являются более значимыми для появления многих семантически не обоснованных единиц (*дорожная карта*, *устойчивое развитие*), нежели лень или некомпетентность посредников (переводчиков, секретарей, младших чиновников).

Продукты такого коллективного труда, возникая в языковом пласте, который обслуживает сферу международного общения, распространяются затем через средства массовой информации, теле- и радиовыступления высоких лиц. Их судьба различна — одни закрепляются в языке и начинают использоваться широкой аудиторией (*дорожная карта*, *саммит*, заметим, что в статьях журналистов слово уже стало упрощаться до *самит!*), другие сохраняются только в сфере профессионального жаргона (и принимаются (*ЕСовский*) или не принимаются (*ОБСЕвский*) русистами), третьи исчезают с исчезновением информационного повода (*разрядка*).

Мы разделяем точку зрения, согласно которой изучение такого рода единиц не должно сопровождаться проявлениями негативной эмоциональной реакции. Их исследование представляет интерес как с точки зрения собственно лингвистики — они являются благодатным полем исследования механизмов словообразования в их непосредственном действии, — так и с позиций геополитики в условиях глобализации и создания единого мирового информационного пространства.

Концепт «Россия» и его ключевые слова в сознании монгольских писателей

Чойдон Зэнямбуу

Монгольский Государственный университет (Улан-Батор, Монголия)
riljee@yahoo.com

Концепт, сознание, произведение, Россия, отражение

Summary. The author discusses how the concept “Russia” and its key words are thought by Mongolians and in their works.

Концепт — многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, и все они должны быть учтены при описании концепта. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс вклю-

чает в себя мимо смыслового содержания, еще и оценку и другие компоненты (В. А. Маслова).

Концепт — это понятие, погруженное в культуру (по Н. Д. Арутюновой и В. Н. Телия). Ученые считают, что лучший доступ к описанию и определению сущности концепта

обеспечивает язык, так как большинство концептов представлена в языке конкретными словами. Отсюда, чтобы понять сущность какого-либо концепта или расширить представление о нем, необходимо обращаться к значению слова, которое репрезентирует данный концепт.

Концепт «Россия» играет особую роль в сознании монголов: от того насколько он ориентируется на действительное, истинное положение дел, зависят перспективы развития нации.

Россия — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Россия — светское государство (Конституция Российской Федерации). С этимологической точки зрения слово россия происходит от славянского *Русь*. Отметим, что в древних русских источниках всегда употреблялось только названия *Русь* и *Русская земля*. Слова *Россия*, *российский* появились в источниках только с XV века. Однако лишь с начала XVII века русские официальные документы окончательно вводят понятие о России как о стране с централизованным управлением.

Константы концепта «Россия» группируются вокруг ядер таких концептуальных полей как «страна», «государство», «человек», «быт». Связь этих полей обнаруживается на семантическом уровне: *Она затерялась где-то на просторах России* — «страна»; *Подписано соглашение между Россией и Монголией* — «государство»; *Россия молодая* — «человек».

Причинами возникновения ключевых слов могут быть изменения не только в реальной действительности, но и массовом сознании. В монгольском сознании закрепились ключевые слова концепта «Россия»: *страна, государство, народ, человек, друг, дружба*. В сознании монголов ключевое словосочетание *русский человек* глубоко укоренилось. С большой внутренней теплотой и искренностью говорят монгольские писатели о русском человеке, всегда бесконечно добром, самоотверженном, готовом отдать жизнь ради счастья и благополучия своего монгольского брата. Подтверждением этому служат стихи Д. Тарва из сборника «Москва — Улан-Батор».

С великим русским народом делит монгольский народ свою радость и горе. Еще в ранних стихотворениях Д. Сэнгээ писал, что угнетенные народы впервые из России услышали клич: «Вставайте, рабы! Вставайте, народы! Саблы наголо! Целься из ружей!» Позднее он развивает эту мысль в своих произведениях. В стихах, посвященных Советскому союзу, Д. Сэнгээ всегда с большой теплотой и любовью пишет о людях России, оказывающих Монголии братскую помощь, их чуткости и доброте. Великая Отечественная война советского народа была для Монголии событием сугубо личным. Чувство монгольского народа нашли свое выражение в большинстве произведениях художественной литературы военного периода.

Чувством сыновней любви, болью за страдания советских людей проникнуто стихотворение Ц. Дамдинсурена «Полярная звезда». С Полярной звездой сравнивает поэт Ленинград — город революции, открывший путь свободы и равенства многим «блуждавшим в темной ночи странам». В направлении Полярной звезды раскинулась великая Страна Советов, красные лучи кремлевских звезд указывают народам путь равенства и братства.

Каждое стихотворение монгольских поэтов военных лет неизменно заканчивалось словами неколебимой веры в победу Советского Союза.

В Монгольской литературе неизменно варьировался и мотив помощи фронту во время Отечественной войны. Писатели отражали не просто сам этот факт, но раскрывали внутренние побуждения монголов, не жалевших для своих русских братьев самых дорогих и ценных вещей (Ц. Дамдинсуэрэн «Оба мои сыновья», Д. Цэвэгмэд «Рыжий ветер», П. Хорлоо «Черный жеребенок», Д. Даржаа «В путь»).

Произведение Ч. Лхамсурена написано в форме старинного монгольского сказа с традиционным зачином, героическими образами богатырей и мангусом, персонафицирующим ненависть и коварство. В жестокой борьбе добро и справедливость (богатырь Болд — советский народ) одерживает заслуженную победу над злом и жестокостью (мангусом-Гитлером).

В монгольском сознании укоренилось мысль о святости дружбы, что связано со всем мироощущением монгольского народа. Наиболее характерной чертой дружбы для монгольского самосознания является ее прочность. Об этой особенности дружбы говорит Д. Сэнгээ: «Пусть мы с русскими не дети одной матери, но дружба наша, скрепленная кровью, не менее прочна, чем родственные узы». Дружба — одна из самых важных ценностей в человеческих отношениях.

Мысли о судьбах родной страны, о российской земле слились в сознании монгольских поэтов в единое целое. Каждое значительное событие, происходящее в России, воспринимается как достижение своей страны и находит непрерывное отражение в монгольской литературе. В сознании монголов Россия — многонациональная и многокультурная демократическая страна, вечный сосед, огромный коммерческий партнер и государство с огромной территорией, многочисленным населением, входящее в состав великой восьмерки. Россияне в сознании монголов представляются самоотверженными, общительными, искренними, учтивыми, и что им нельзя не платить дружбой и благодарностью.

Литература

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Красика, И. А. Стернина. Волгоград, 2005.
2. Дамдинсурен Ц. Новогоднее пожелание / Перев. Л. Гумилева // Дамдинсурен Ц. Избранное. М., 1954. С. 74.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2005
5. Сэнгээ Д. Зохиолын туувэр. Уланбаатар, 1984.

Языковая политика и языковая ситуация русского языка в Монголии

Чойдон Зэнямбуу

Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)

riljee@yahoo.com

Чойдон Зэгиймаа

Монгольский государственный университет гуманитарных наук (Улан-Батор, Монголия)

Info@grad.mn

Язык, изучение, важность, источник знаний, функция

Summary. In the whole world the Russian language has taken to tying direct with common cultural and utilitarian needs. Still the Russian language has a reputation as it had it few decades before in Mongolia.

Языковая политика государства всегда есть часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков. Одна из важных задач политики, проводимой государством Монголии — распространение иностранных языков, являющихся основным средством познания и применения мировых достижений технологии и науки и проведения многосторонней открытой внешней политики, направленной в обеспечение национальной безопасности Монголии в эпоху глобализации.

В связи с развитием экономических и культурных контактов между разными странами, и соответственно, более интенсивным развитием языковых контактов, проблема межнационального общения приобретает сегодня особое значение.

Роль русского языка в международной коммуникации сейчас определяется новой геополитической внеязыковой действительностью, новой глобальной ситуацией. Высокий уровень функционального развития русского языка открывает широкие возможности для его разнообразного упот-

ребления во всех сферах общественной жизни, посредством русского языка может быть передана самая разнообразная информация, на русском языке создана получившая мировое признание, художественная, научная и техническая литература. Русский язык занял свое естественное место на языковой картине мира. Во всем мире русский язык стал непосредственно и прочно увязываться с общекультурными и утилитарными потребностями.

В Монголии русский язык занимает особое место, с ним связаны несколько поколений монгольского общества. История возникновения и развития взаимного общения монгольского и русского народов имеют многовековую традицию. Монголия проводила и проводит активную целенаправленную политику по созданию благоприятных условий для распространения русского языка, в результате чего были достигнуты значительные успехи. Начало изучения русского языка было положено в 1861 году созданием в Урге (тогдашняя столица Монголии) русско-монгольской школы. В 1914 году при МИД Монголии начинается функционирование школы русского языка, где преподают учителя из России из обучающихся 46 монгольских детей. В конце 30-х годов XX в. русский язык начал изучаться во многих учебных заведениях страны, в конце 1940-х годов уже во всех школах МНР. В первое время русский язык был введен в программу старших классов только городских средних школ, потом начал изучаться в соответствующих классах местных школ, позднее русский язык стал преподавать с пятого класса средних школ страны. В целях выполнения указаний партии и правительства Монголии с 1961–1962 учебного года русский язык изучался во всех начальных и средних школах с 3-го класса. В 1964 году было вынесено постановление центрального комитета МНРП и совета министров «Об мероприятиях улучшения преподавания русского языка в средней школе, профтехучилищах, и институтах. В 1974 году совет министров вынес постановление: каждый год направить студентов 4-го курса отделения русского языка Монгольского Государственного университета и педагогического института в Россию на 10 месяцев на стажировку. В 1951 году был создан месячный курс для учителей русского языка при министерстве просвещения. И так началась подготовительная работа учителей русского языка.

С 1960-х годов началось вещание радиопередач по русскому языку, с 1970-х годов по всей стране транслируется первая программа ЦТ СССР. Образовалась монгольская ассоциация преподавателей русского языка и культуры (МонАПРЯЛ), в 1979 г. был создан педагогический институт русского языка, подготовивший в своих стенах более 2770 (60,5%) русистов, и в этом же году в Улан-Баторе был открыт филиал Института русского языка имени А. С. Пушкина. В 1970–1980-е годы заметно расширился круг ученых русистов. Русский язык был единственным обязательным иностранным языком в образовательном пространстве Монголии. Русский язык оказал огромное влияние на социально-

политическую, научно-культурную и экономическую жизнь монгольского общества.

В 1990-х годах — демократические преобразования. Монголия перешла на рыночную экономику. Из-за назревшей необходимости иностранные языки начали занимать свои места в образовательной системе Монголии, за счет чего значительно сократилось число изучающих русский язык. Русский язык по многим позициям уступил место другим языкам, но в целом он устоял.

В новых экономических условиях русский язык становится жизненно необходимым, востребованным для многих и многих людей. Значительно увеличилось, по сравнению с 1990-ми годами, количество студентов, изучающих русский язык. Для популяризации и распространения русского языка немаловажную роль играют различные мероприятия среди школьников и студентов. Ситуация изучения русского языка в Монголии в современных условиях напрямую зависит от состояния российско-монгольских отношений. В последние годы делаются важные шаги в направлении обновления основ монголо-российского сотрудничества. Развитие отношений с Россией является приоритетным направлением в рамках многовекторной внешней политики современной Монголии. Приоритет обусловлен определенными геополитическими, экономическими, социально-культурными факторами. Встречи и переговоры руководителей двух государств дали новый импульс развитию сотрудничества между нашими странами. Возрождению интереса изучения русского языка способствуют многие факторы... На сегодняшний день русский язык остается наиболее значимым языком в Монголии. 1 млн 300 тысяч человек в той или иной мере владеет русским языком. В 2006 году Министерство Образования, Культуры и Науки постановляет, что с 2006–2007 учебного года в средних школах русский язык будет изучать как обязательный предмет с 7-го по 10-й классы.

Сейчас в Монголии работают более 1000 преподавателей-русистов. Монгольские русисты традиционно являлись признанными специалистами, способными внести свой вклад в развитие мировой русистики.

При переходном периоде, когда значительно возрос интерес к английскому языку, в условиях нашего университета не была снижена важность изучения русского языка. Это объясняется прежде всего тем, что русский язык как и раньше остается ключом к знаниям всех отраслей науки и техники. Знание наряду с родным, русского языка обеспечивает каждому человеку возможность общения с людьми других национальностей и открывает новые перспективы международного и международного сотрудничества.

Литература

1. Монгол улсын боловсролын салбарын хэлний бодлого (Языковая политика народного образования Монголии). Улан-Батор, 2007.
2. Монгол улсын хэлний бодлого (Языковая политика Монголии). Улан-Батор, 2006.
3. Сборник статистики Монголии. Улан-Батор, 2006.

Социоллингвистические аспекты вербального проявления власти (на материале Посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ)

С. А. Шилина

Брянский государственный университет

imsuck@rambler.ru

Власть, языковая личность, вербальный коммуникативный код

Summary. The actual questions of the cooperation of power and its subject at the present stage of development are mentioned in the paper. The author shows subject of a persons in power with the help of sociolinguistic analysis of texts of Messages of the President of Russian Federation during the whole period of the establishment of President power in our country.

В последнее время интерес лингвистов обратился в сторону так называемой индивидуальной дифференциации языка. Складывается особое направление — микролингвистика, основным понятием которой стала языковая личность как предел социальной дифференциации языка. Языковая личность — это личность, выраженная средствами языка в языке (текстах) [1: 38] и в основных чертах выявляемая в результате анализа языковых средств. Полагают, что за каждым текстом стоит языковая личность, которая характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором — социальным и личностным — языковых средств раз-

личного уровня. Языковая личность проступает даже в текстах традиционных, канонических, фольклорных. Индивидуальная дифференциация речи — залог всех других форм дифференциации языка, основная пружина его эволюции.

Мы поставили перед собой цель — описать языковую личность, репрезентируемую через тексты политического дискурса. Несмотря на все возрастающее количество работ, посвященных конкретным языковым личностям, исследование актуально, на наш взгляд, поскольку теория языковой личности складывается из множества языковых портретов личностей разных эпох. Новизна исследования видится в

том, что Посланиями Президента Российской Федерации в аспекте идентификации языковой личности специально никто не занимался.

Язык выступает неким импульсом для развития коммуникативных систем, и что особенно важно — власти, ибо она в интерпретации Н. Лумана (немецкий социолог, чьи взгляды на власть можно смело назвать инновационными) является «символически генерализованным средством коммуникации» [2: 10]. Функционально и власть, и прочие коммуникативные средства — это некие дополняющие язык «инстанции». Онтологическая значимость главнейшей из подобных инстанций — власти — заключается в том, что она, в отличие от языка, обладает функцией мотивации, то есть «способствует принятию чужих селекционных достижений... и в нормальных условиях делает это принятие желанным» [2: 16]. Из этого вытекает вывод об условиях формирования коммуникативных средств. Они рождаются там и тогда, где и когда «способ отбора одного из партнеров выступает для другого мотивационной структурой» [2: 16], импульсом для своего отбора. Иными словами, власть лишь тогда эффективно функционирует, когда ее отбор, эксплицированный в слове, выступает по отношению к социуму мотивационной структурой.

Рассматривая коммуникативный код субъекта власти, нельзя обойти стороной такой аспект, как Послания Президента Федеральному собранию, ставшие традиционными со времен первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Это своеобразный код личностного выражения субъекта власти.

Рассмотрим характеристику властной личности на примере социоллингвистических конструкций посланий Президента Российской Федерации (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева), как позиционирование принципов демократии в Российской Федерации. Сравнивая послания в лингвистическом плане, необходимо отметить, что коммуникативный код субъекта как языковой личности характеризуется особым употреблением лингвистических единиц, а также прецедентных феноменов. Приведем пример репрезентации языковой личности в Послании Б. Н. Ельцина, где процитирована характеристика природы, данная героем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Вступая в новую эпоху, мы должны расстаться со старым взглядом на природу, как на свою „мастерскую“. Ее ресурсы не бесконечны» [4: 51]. В другом месте приведено не только высказывание, но и говорится, кому оно принадлежит: «Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил А. И. Солженицын, «сбережение» народа. Ведь Россия — не только территория и не только государство. Россия — это прежде всего люди» [4: 52].

Следует отметить, что в Послании В. В. Путина есть прямая переключка с процитированными словами: «Правда, думать о будущем, конечно, нужно всегда. А у нас с вами в России есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни.

Занятие в целом небесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам» [5: 22]. Это также является прецедентным феноменом: скрытая полемика с высказыванием из Послания Б. Н. Ельцина.

На это обращает внимание в своей работе В. Д. Попов, который пишет: «...в Послании Федеральному Собранию Президент В. В. Путин почему-то в заключительной его части посчитал нужным делать „философское оформление рекомендации на будущее“. Правда, чуть ниже отметил: „Правда, думать о будущем, конечно, нужно!“ А как же в этом случае обойтись без философии. Будущее России — это, по определению П. И. Новгородцева, учителя почитаемого сегодня И. А. Ильина, — ее „общественный идеал“. Стержнем такого идеала согласно известной русской школе философов-евразийцев является „идея — правительница“, на практике „идеалоправство“ и „народоправство“... Другое дело, что в нашей прессе некоторые искатели так и не разобрались по существу, какое содержание вкладывали наши философы в понятие — „русская идея“. Только в этом смысле можно понять слова в Послании Президента: „А у нас с вами, в России есть еще такая старинная... забава — поиск национальной идеи“» [3: 169].

Далее В. Д. Попов говорит: «...если следовать логике формирования „русской идеи“, то это есть выражение в государственной идеологии особенностей русского национального характера, его базовых суверенных ценностей в форме концептов, целей, доминант смысла жизни социума, фундаментальных черт образа будущей России во всех сферах общественной жизни» и признает, что «этот подход ниже обозначил сам Президент, провозгласив, что „решая стоящие перед нами задачи и используя при этом самое новое, мы должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю“. Вот с этим положением трудно не согласиться. В данном положении обозначен, по сути, путь формирования национальной идеи и государственной идеологии» [3: 170].

Итак, пристальное внимание ученых к вопросам субъектных взаимоотношений общества и власти играет существенную роль в общей лингвистической конструкции речи властного субъекта, настроенной на целостность понимания и проекцию на открытость социального взаимодействия субъекта власти и его адресата.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
2. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2001 (Серия «Образ общества»).
3. Попов В. Д. Полет птицы Феникс (историко-коммуникативный анализ системы власти). М., 2007.
4. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 г. // <http://www.intelros.ru/>
5. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета. Федеральный выпуск № 4353 от 27 апреля 2007 г.

Особенности официально-деловой коммуникации на русском языке в языковой ситуации современной Эстонии

В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев

Тартуский университет (Эстония)

valentina.schadn@mail.ru, veerad48@yahoo.com

Диаспора, официально-деловой стиль, каналы делового общения, языковые особенности деловой речи

Summary. The object of this investigation is the sphere of official communication in contemporary Estonia. The thesis discusses the relationship between two forms of official communication (paper and electronic) and the main peculiarities of Russian official language in the diaspora.

1. Вводные замечания

Объектом данного исследования является не отраженная в научных публикациях сфера официально-деловых отношений в условиях современной Эстонии. В сообщении обсуждается соотношение двух форм реализации деловой коммуникации (бумажной и электронной), а также основные особенности деловой речи в *диаспоре*.

2. Социоллингвистическая характеристика языковой ситуации

Закон о языке, фиксирующий государственный статус эстонского языка, уточняет профессиональные языковые требования к государственным служащим, к сотрудникам учреждений, связанным с общественным сектором, и предписывает проводить работу в государственных органах, в уч-

реждения на государственном языке. Сейчас эстонский язык утвердился в дипломатии, судопроизводстве, военном деле, авиации, мореходстве, на железнодорожном транспорте. Повышение статуса эстонского языка, значительно расширив сферу его применения, привело к сужению сферы употребления русского языка.

Изменению языковой ситуации в Эстонии способствует и глобализация социальной жизни, следствием которой является англо-американская языковая экспансия. В первую очередь глобализация затрагивает сферу деловых отношений. Сегодня деловая речь в Эстонии фиксируется и на английском как основном языке ЕС. Русский язык стал неофициальным и узко региональным (северо-восток Эстонии).

3. Сферы официального-делового общения на русском языке в Эстонии

Современная письменная деловая речь на русском языке представлена как бумажным, так и электронным каналами общения. При этом деловое общение обычно реализуется в виде переводов с эстонского.

Если **дипломатический подстиль** на русском языке сейчас в Эстонии официально не используется, то **законодательный подстиль** частично реализуется в виде бумажных переводов некоторых законов. Их основные положения популярно излагаются и в официальных буклетах отдельных департаментов. Этот подстиль представлен на русском языке и в электронном виде. Большая часть министерств и некоторые их департаменты имеют в Интернете сокращенные варианты веб-страниц на русском языке. Эстонский сегмент Интернета содержит специальный **Государственный портал**, помогающий частным лицам, предпринимателям общаться с государством. Среда услуг представлена здесь на эстонском языке, однако имеется русскоязычное тематическое меню, а все разъяснения услуг портала сопровождаются русским переводом, как и реквизиты выпускаемых и вывешиваемых в Интернете бланков важных документов (ходатайство о гражданстве, декларация о доходах и др.).

Отдельную нишу в деловом общении занимают банки, крупные социально значимые предприятия и фирмы. На русском языке они рассылают своим клиентам и бумажные, и электронные сообщения, издают буклеты с официальной публичной информацией. Последние выполняют ряд функций: информирующую, разъясняющую и отчасти рекламирующую.

Существование отдельных жанров **обиходно-делового подстиля** зависит от региона Эстонии. Организационная, распорядительная, информационно-справочная **служебная документация** и **переписка** по закону составляются на государственном языке. Но в ряде случаев отдельные документы могут оформляться в виде оригинала и его перевода. **Личные деловые бумаги** также должны составляться на эстонском языке, если они используются на территории Эстонии (в отдельных случаях представлен и русский язык), а нотариально заверяемые жанры текстов, предназначенных для метрополии, имеют обязательные параллельные варианты на двух языках.

4. Языковые особенности русской официально-деловой речи

Официально-деловой стиль порождает ряд лексических отличий языка диаспоры от языка метрополии [2]. Особая роль здесь принадлежит электронному каналу официального общения, который влияет и на иные сферы функционирования языка. Попадая в газету, языковые единицы затем получают свое распространение и в разговорной речи. К основным отличиям от языка метрополии относятся следующие.

1. С возвратом Эстонии к прежнему административно-территориальному делению и управлению в языке диаспоры были оживлены историзмы *уезд*, *волость*, *старейшина*, *волостной старейшина*, *городской голова*, *волостная управа*, *городская управа* и др. Но параллельно используется и заимствования *мааконд* (*уезд*), *мэр*. Названия единиц государственного управления также представлены заимствованиями и историзмами: *Рийгигогу*, *Государственное собрание*; *канцлер*.

2. Через законы, приводимые в соответствие с законами ЕС, вводится новая терминология. Сначала английский термин переводится на эстонский язык, а затем к готовой эстонской единице автоматически подбирается русское кириллическое соответствие. В результате появляются лексемы типа *идентитет*.

3. Лексика официальных сайтов учреждений, банков, предприятий вводит в деловой обиход многочисленные аббревиатуры, заимствованные из разных языков (чаще — английского). В письменной русской деловой речи аббревиатуры передаются латиницей, кириллицей или их сочетанием в разных графических комбинациях и с использованием целых слов: *ID-карта*, *PIN-код*, *SIM-карта*; *э-операции*, *э-услуги*; *АО SEB Bank*; *АО Таллиннский Порт*, *АО Таллинна Садам*.

5. Заключение

В условиях диаспоры современное коммуникативное пространство представляет собой сложную систему [1], обусловленную этнолингвокультурным взаимодействием, которое в официальном общении осуществляется через бумажный и электронный каналы посредством переводов. Особенности языка диаспоры в значительной степени охватывают лексику: заимствования переплетаются с активизированными историзмами. Выработка новых языковых привычек обусловлено не только политическими и ментальными, но и коммуникативно-прагматическими причинами: стремление к экономии языковых усилий, к обеспечению однозначности провоцируют активное использование заимствований как в устной, так и в письменной деловой речи.

Литература

1. *Авина Н. Ю.* Родной язык в ситуации языкового контактирования (на материале русского языка в Литве) // *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы.* М., 2007. С. 719.
2. *Кюльмоя И.* Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. // *Язык диаспоры: проблемы и перспективы.* Тарту, 2000. С. 84–93.

Яблоко от яблони недалеко падает?

Семья и миграция: вопросы преемственности языка и национального самоопределения в русскоязычных семьях Ирландии

С. Эрикссон (Кршиакова)

Тринити Колледж (Дублин, Ирландия)

krshiaks@tcd.ie

Преемственность языка, культуры и национального самоопределения, двусторонняя направленность преемственности

Summary. The research is a part of the project “Our languages” at the Department of Russian and Slavonic studies in Trinity College, Dublin. The project aims at studying the diversity of the Russian-speaking community in Ireland. This part of the research is focusing on the bidirectional intergenerational transmission practices in Russian-speaking families from Russian and Latvia which currently live in Ireland. What is transmitted between the subjects in the context of migration? What motivates both sides? Interviews with parents and adolescents help to answer these questions.

Русскоязычные семьи в Ирландии находятся в новом контексте, который обуславливает процессы преемственности языка, культуры и этнического самоопределения. Межпоколенческие отношения в семьях мигрантов, в основном, изучаются на примере таких стран с многолетними тради-

циями иммиграции, как Канада, Австралия, Нидерланды и США. Многокультурность — относительно новое понятие для Ирландии; в настоящее время — в период между экономическим бумом и последовавшим кризисом — этот вопрос, как никогда, актуален для Республики, так как многие

семьи иммигрантов приняли решение остаться в приютившей их стране, но зыбкость и неопределенность их положения заставляет пересмотреть некоторые ориентиры в воспитании нового поколения.

Недостаточно внимания уделяется на изучение двусторонней направленности преемственности в семьях иммигрантов, что имеет место, поскольку родители в целевых группах данного исследования признают, что им удастся в некоторой степени перенять навыки общения на языке среды проживания от их детей, которые справляются с задачей освоения второго языка быстрее их. Речь идет не только о лингвистических навыках, но и о коммуникативной компетенции в целом. Более того, интересно посмотреть на процессы преемственности языка глазами детей данной группы семей.

Насколько удастся родителям воспользоваться возможностью воспитать своих детей двуязычными в сложившемся новом контексте? Как пишет д. ф. н. Чиршева, положительное отношение к обоим языкам родителей и детей важно для развития билингвизма детей. 63% родителей в Латвии назвали русский язык родным, в Ирландии родители часто говорили, что русский язык для них все! Латышский и английский языки соответственно зачастую выполняют прагматическую функцию средства общения, они — необходимость.

Для детей в обеих группах русский язык чаще всего характеризовался как язык их семьи. В Латвии родители видят двуязычие желанным, но их потребность еще или уже не настолько сильна. В Ирландии двуязычие вынужденное, так как в семье чаще всего говорят по-русски, а вне дома ребенок окружен английским языком. Как писала Де Хоувер, ребенок становится билингвом, так как просто не может быть монолингвом в этом контексте.

Что интересно, поскольку 15 из 16 детей, опрошенных в Латвии, родились в Латвии, у них была возможность стать естественными билингвами, т. е. билингвами от рождения, — возможность, которой не воспользовались родители, возможность, которой зачастую нет у русскоязычных родителей в Ирландии, потому что русскоязычная диаспора там достаточно молода.

Что касается преемственности этнического самоопределения в сравниваемых группах, то очень часто родители в обеих группах затруднялись ответить на вопрос, кем, на их взгляд, считают себя их дети: ирландцами или русскими / латышами или русскими. В Латвии наблюдалась большая уверенность в том, что дети считают себя русскими, что объяснялось преобладающим русскоязычным окружением подростков. Для детей в Латвии именно и, зачастую, русский язык чаще всего был основой их «русскости». Как пишет Чиршева, доминантный язык часто лежит в основе национального самоопределения человека. В Ирландии дети объясняли свою «раздвоенность» или «нечеткость» самоопределения тем, что недостаточно или слишком долго живут в этой стране, а также неоднозначностью своего положения — проживанием «на 2 страны», чего нет в Латвии.

Это второй год моего исследования. 2009–2010 академический год имеет своей целью сбор данных в целевых и контрольных группах путем социолингвистического опросника, интервью с родителями и подростками и дискуссионных групп.

Литература

1. Чиршева Г. Н. Двуязычная коммуникация. Череповец, 2004.
2. De Houwer Annick. Two or More Languages in Early Childhood: Some General Points and Practical Recommendations // Romaine S. Bilingualism. 2nd ed. London, 1995.